

Ф. И. Шабшина

ЮЖНАЯ КОРЕЯ 1945 – 1946

записки очевидца

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Ф. И. Шабшина

ЮЖНАЯ КОРЕЯ

1945—1946 гг.

Записки очевидца

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1974

Ответственный редактор
Ю. В. ВАНИН

Книга рассказывает о политической обстановке в Южной Корее после краха японского колониального господства, о создании и деятельности южнокорейских демократических организаций, о массовых демонстрациях и митингах в Сеуле, о вступлении в Сеул американских войск и их акциях, направленных на подавление революции. Приведены также материалы, свидетельствующие об огромном влиянии на южнокорейские народные массы победоносной революции в Северной Корее. Рассказ очевидца сочетается в книге с материалами документов и других источников.

Ш $\frac{10603-110}{013(02)-74}$ 101-74

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1974.

*Светлой памяти
мужа и друга
Анатолия Ивановича
посвящаю*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Нелегкое испытание — обращаться к записям почти тридцатилетней давности. Обесцвеченные временем строки опалили воспоминаниями, заговорили горестями, тревогами, радостью. Ожили дорогие сердцу образы.

Для меня воспоминания о Сеуле — это встречи с молодостью. Но, разумеется, не ради этого я задумала превратить записи тех далеких дней в книгу. Цель книги иная: попытаться воспроизвести правдивую картину южнокорейской политической жизни во время и после освобождения Кореи Советской Армией; рассказать о событиях первого послевоенного года в Южной Корее, года светлых надежд и тяжких разочарований, о развернувшейся в стране революции, которая в Северной Корее одержала победу, а на Юге была задушена: о том, как начиналась трагедия Южной Кореи, снова попавшей в зависимость от империализма.

В то время я жила в Сеуле и стала свидетелем происходившего.

Бытует шутка, хоть и грубая, но меткая: «Врет, как очевидец». Очевидец порой, вопреки своей воле, действительно бывает не совсем точен. Преломленное сквозь призму его субъективного восприятия, событие иногда воспроизводится с «оптическим перекосом». Но вместе с тем у очевидца немало и преимуществ; прежде всего, он видел, иногда и то, чего не найдешь в документах. У него есть возможность широкого, комплексного охвата событий.

И, когда исследователь на основе многих точных

научных данных пытается их представить, сначала самому себе, а затем нарисовать всем нам, вероятно, полезны и впечатления очевидца, пусть даже в чем-то слегка смещенные его субъективным восприятием. Чтобы меньше было таких «перекосов», я постаралась все наиболее значительные факты, приводимые в книге, уточнить по документам, ввести в работу некоторые новые источники и материалы.

Обращаться к воспоминаниям далекого прошлого не только мучительно, но и непросто. Идти по свежим следам событий легче, интереснее.

Время стирает многие любопытные детали, приглушает остроту и живость ощущений. Но оно же помогает выделить главное, ключевое. Как сквозь густое сито, время просеивает события, отмечает наносное, несущественное, оттачивает критерии оценок. Оно позволяет проверить, уточнить представления и выводы. Метко сказал поэт: «Лицом к лицу лица не увидать, большое видится на расстояньи».

Для меня эти три десятилетия были связаны с изучением сюжетов корейской истории и современности. Вероятно, поэтому в книге так часто нарушаются законы жанра. В ней и рассказ очевидца, и размышления историка-корееведа.

В начале 1940 г. я оказалась в Сеуле, куда на работу в Генеральное консульство СССР был назначен мой муж Анатолий Иванович. Великолепный знаток Кореи, широко эрудированный востоковед, он помог мне изучить и понять страну, ее историю и культуру, увидеть суть и смысл того, что происходило вокруг. По совету мужа я стала вести дневники. Не очень регулярно, довольно сумбурно. Он вносил в них немало и своих мыслей, наблюдений, знаний.

Наш консульский коллектив во главе с генеральным консулом Леонидом Дмитриевичем, человеком высокой культуры и большой душевной щедрости, был дружным и сплоченным. Это облегчало жизнь вдали от Родины.

Вначале главным для меня было освоение корейского языка. Это оказалось и самым трудным. Корейский язык в Корее был, по существу, запрещен. Официальным языком являлся японский. На нем велось и преподавание в учебных заведениях (в ряде школ даже штрафовали за каждое сказанное по-корейски слово).

В таких условиях найти преподавателя было невозможно. Все обращения к местным властям оказались безрезультатными. Правда, много позже, в 1944 г., сотрудникам консульства был подобран преподаватель корейского языка. С ним мы занимались около трех месяцев, а потом он неожиданно исчез. В Управлении внешних сношений генерал-губернаторства нам сказали, что преподаватель заболел, и, видимо, надолго. Мы встретились с ним только после освобождения, и он рассказал о своей «болезни». Оказывается, полицейские власти обвинили его в симпатиях к советским ученикам, посадили в тюрьму и жестоко пытали; только 16 августа 1945 г. вместе с другими политическими заключенными он был освобожден.

В марте 1940 г., буквально через несколько дней после приезда в Сеул, я начала заниматься японским языком. Преподавательница была молодая, но довольно опытная. Ее звали Танака-сан. Приветливая, очень тоненькая и хрупкая, словно живая восточная статуэтка, она была непреклонно требовательна. Для активизации языковых знаний мы часто ходили с ней в музеи, кино-театры, в магазины.

Одновременно стала изучать английский язык. Преподавательница — мисс Мартэлл, ни слова не знавшая по-русски, — вела уроки на немецком языке, который я раньше учила довольно долго и знала довольно плохо. Первое время мой английский, точнее, англо-немецкий, разговор давал изрядную пищу для насмешек и острот. Постепенно трудности разговорного языка преодолевались, что было крайне важно для знакомства со страной, с жизнью народа.

Сейчас поездки за рубеж распространены очень широко. В те годы они были редкостью. Впервые мы попали в чужую страну, к тому же в колонию. Все, что происходило вокруг, было для нас — советских людей — диким, невероятным, противоестественным. Чудовищный иноземный гнет, не поддающаяся описанию народная нищета отзывались в нас буквально осязаемой болью, делали особенно острыми чувство и сознание братства с народом, оказавшимся в такой тяжелой беде.

Американские, английские, французские, немецкие дипломаты, дельцы, миссионеры, с которыми приходилось встречаться, в частности, в сеульском клубе иност-

ранцев, утверждали (не все, конечно), что привыкнуть к Корее трудно, а полюбить ее невозможно, высмеивали нравы и быт, клеветали на корейцев, упрекая их в не-радивости и лицемерии. Многие из этих иностранцев-расистов десятилетиями жили в стране чуждые и даже враждебные ее людям. Нужно ли говорить, что, глядя на окружающее глазами друзей, трезво и объективно его оценивая, нельзя было не восхищаться мужеством и свободолюбием численно небольшого народа с его большой самобытной культурой, многовековой историей и воистину героическими традициями.

В Корее я пробыла с 1940 по 1946 г. (с перерывом, так как в 1942 г. жила в Москве).

Этот короткий отрезок времени, как известно, ознаменованный коренным изменением соотношения сил в мире в пользу социализма, вобрал в себя и крупнейшие этапные события корейской истории, трагические и радостные: последние годы японского колониального господства и его крах; национальное освобождение страны; победу народной революции в Северной Корее и первые шаги становления там новой формации; развитие социальной революции в Южной Корее и удушение ее империалистической реакцией.

Хотелось написать обо всем этом времени. О последних годах колониального периода у меня накопилось немало записей; может быть, когда-нибудь смогу вернуться и к ним. Сейчас же ограничиваю свою задачу и расскажу об одном только годе в Южной Корее — первом после освобождения. Потребность рассказать об этом времени особенно велика в связи с той грубой фальсификацией, которой подвергаются в антикоммунистической литературе о Корее тогдашние события. Небольшой, но очень емкий, этот период буквально фокусирует многие крупные и жгучие вопросы революционного движения. На ярком опыте Кореи, освобожденной от иноземного гнета армией социалистического государства, он раскрывает гигантское значение пролетарского интернационализма для судеб колониальных народов, их национального освобождения и социального прогресса. Этот опыт учит, что одно из важнейших условий достижения независимости и прогресса — верность принципам пролетарского интернационализма, их неуклонное и последовательное осуществление.

Вместе с тем опыт Кореи, как и других стран, зримо раскрывает обязательность внутренних условий и предпосылок, революционной ситуации для свершения социальной революции, опрокидывает спекулятивные, антинаучные концепции ее «экспорта».

Внешние силы не могут на штыках принести социальную революцию. Они могут лишь содействовать развитию в другой стране революционного процесса, оказывая внутренним силам поддержку в преобразовании общества, в продвижении по пути прогресса, как это и делало Советское государство в отношении Северной Кореи. Но внешний фактор, как известно, может играть и противоположную роль. Агрессивные империалистические силы не раз выступали душителями революций в других странах. Так произошло и в Южной Корее.

Приступая к рассказу о виденном и пережитом, автор считает своим приятным долгом выразить сердечную благодарность всем товарищам, оказавшим ему помощь в работе над этой книгой.

НАЗРЕВАНИЕ
ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОГО
КРИЗИСА

Корея в годы второй мировой войны

Вторая мировая война, особенно война на Тихом океане, резко ускорила в Корее нарастание революционной ситуации. Обстановка, сложившаяся в стране, интенсивное использование японскими милитаристами ее материальных и людских ресурсов, ухудшение больше обычного условий жизни большинства населения убеждали все более широкие слои народа, что так жить дальше нельзя. В советской литературе о Корее достаточно полно освещено положение корейских народных масс в годы войны. Постараюсь вкратце воспроизвести безрадостную картину тех дней.

Страна была посажена на голодный паек. Зерна выдавали 150 г на человека в день, месячной нормы хватало лишь на две недели. Овощи почти не выдавались. Рыба полагалась только японцам, сахар — тоже только им и богатым корейцам. В зависимости от имущественного положения и национальности распределялись и другие продукты питания. Огромные очереди опоясывали город, стояли долгими часами в ожидании, когда откроется магазин-распределитель. В очередях преимущественно женщины, тут же дети. Многие привязаны за спиной матери, кто постарше — стоит рядом. Палило ли солнце, или шел проливной дождь — стояли, боясь отойти. Все чаще перебои с выдачей хайкю — (паек по-японски). Корейцы хмуро шутили, что «хайкю» — первое слово начинающего говорить ребенка и последнее слово умирающего старика. На «черном» рынке цены достигали астрономических размеров. Так,

на месячную заработную плату среднего служащего можно было купить лишь 4—5 кг риса.

Тяжелой ношей на народ легли увеличившиеся прямые и косвенные налоги, насильственные отчисления (в Сеуле, по свидетельству печати, за 1934—1943 гг. сбор налогов вырос в 40 раз). Вместе с принудительными займами и пожертвованиями налоги отнимали 50—60% заработка рабочих и служащих, дохода ремесленника, кустаря и мелкого торговца. Болезненно сказывалась на положении масс резко усилившаяся инфляция. При таком росте налогов и поборов заработная плата рабочих и служащих оставалась крайне низкой.

Даже в печати приводились материалы о том, что потребление зерновых на душу населения упало в годы войны на 35%. Но это — в среднем. Для большинства же населения все обстояло значительно хуже. Это констатировали и японские официальные деятели. «Стихийные бедствия 1939 и 1940 гг. осложнили положение с продовольствием, — говорил в апреле 1943 г. генерал-губернатор Кореи Коисо Куниаки. — Различные ограничения в экономике также ухудшили повседневную жизнь населения». Он сказал и о том, что это ухудшение, связанное с недостатком продуктов питания и свертыванием мирных отраслей экономики, а также увеличение налогов и другие меры военного времени породили недовольство населения. «Корея сейчас питается сосновой хвоей, сосновой корой, китайским чернопольником и другими растениями», — признал Коисо в мае 1943 г., беседуя с токийскими корреспондентами («Кэйдзё ниппо», 20.V.1943).

Да и как было не признать, если все чаще на улицах города встречались опухшие от голода люди. Детская смертность приобрела небывалые размеры. Когда врача-японца Миямото мы спросили, какой процент детей умирает, он ответил: «Значительно легче подсчитать, сколько остается в живых. До года не доживают восемь из десяти. Основная причина — недоедание». Издевательствам звучали в этих условиях призывы газет: «Не перекармливайте детей, давайте им меньше сахара, чтобы крепче были зубы и здоровее желудок» и вообще «для пользы здоровью принимайте пищу не больше одного раза в день».

Плохо было и с товарами широкого потребления.

Одежда на большинстве населения рваная. Мануфактуру давали лишь на заплатки. Здания учреждений и жилые дома почти не отапливались. Пакета угля, выдаваемого по карточкам на неопределенное время, хватало на один день. Не отапливались учебные заведения и даже многие больницы.

Сеул как-то потускнел, «осунулся», словно во время тяжелой болезни. Впрочем, не весь город. Он и раньше поражал своими резкими контрастами. Центр, с многочисленными учреждениями, банками, отелями, магазинами, с яркой, многокрасочной световой рекламой, всегда контрастировал с темными, убогими окраинами. Они-то и были основным Сеулом, эти густо населенные кварталы корейской нищеты, опоясывавшие центр. Вдоль улочек прислонились одна к другой низкие глинобитные хижины. Они держались на больших деревянных столбах, врытых в землю. Толстые бревна поддерживали крышу, иногда стены были сложены из камня, связанного пучками соломы и скрепленного глиной (извести не хватало). Фундамент выкладывался на земле, вымощенной мелким камнем. Она и являлась полом, который обычно покрывали масляной бумагой. Но во время войны бумага стала дефицитной. Дома бедняков крыты, как правило, соломой. Многие кварталы раскинулись в низинах, вокруг зловонные канавы, лужи со стоячей водой — рассадники болезней. На свалках в нечистотах копошились дети.

А вдали и от этих районов, и от центра утопали в густых зеленых садах комфортабельные владения «хозяев» страны — японских богачей. Появление здесь простолюдинов — корейцев — считалось дерзостью. Не раз приходилось видеть, как их выгоняли отсюда с оскорблениями и угрозами.

Во время войны, всей тяжестью обрушившейся на народ, контрасты города стали особенно разительными. Впрочем, несколько изменился и центр. Словно затянулся в военный мундир. Мужчины все в кокуфуку (полувоенный костюм). Меньше огней. Общий облик столицы сумрачнее, настороженнее.

Война обнажила и обострила все контрасты, в первую очередь главный из них — между богатством и нищетой. Строились фабрики и заводы, а продуктов и товаров для народа становилось все меньше. Создава-

На окраине Сеула

лись, переоборудовались, железнодорожные и шоссейные магистрали, аэропорты, морские базы. Это требовало новых и новых рабочих рук. Ряды пролетариев быстро росли, рассасывая безработицу. Но жизнь трудящихся не становилась легче. Лишь на предприятиях и стройках особо важных — военных — устанавливалась повышенная заработная плата. Но именно на такие объекты колонизаторы старались корейцев не допускать. Правда, война вынудила их отступать от принятого курса. Обеспечивать нужды военной промышленности квалифицированными японскими кадрами становилось все труднее. И вот повсеместно создавались так называемые элементарные профессиональные школы для подготовки корейских рабочих. Одна из них была расположена недалеко от советского консульства. Нередко занятия проводились во дворе школы и, проходя мимо, я могла наблюдать несложный процесс обучения. Оно состояло из занятий японским языком, военной подготовки и овладения навыками индустриального труда. Важнейшее значение придавалось воспитательной работе с учащимися, или, как ее частенько впоследствии называли, «идеологической дрессировке». Но даже такие школы содействовали пополнению рядов рабочего класса более или менее грамотными и квалифицированными кадрами.

А в целом пресс военного времени все большей тяжестью давил на пролетариев. Их рабочий день фактически не ограничивался. Иногда он достигал 16 часов. Праздничные дни отменили, на заводах военного значения установили казарменный режим. А протестовать нельзя. С 1941 г. забастовки строго-настрого запрещены.

Вскоре после моего приезда в Сеул, когда я настойчиво расспрашивала всех, кого только можно, о его достопримечательностях, мне показали темно-серое мрачное здание, напоминавшее по виду тюрьму. Пояснили, что это барак законтрактованных работниц, что таких барачников много в Сеуле и вообще в Корее. Позже я прочла, что их юных обитательниц один из корейских писателей назвал «нераспустившимися весенними цветами». И вот почему. Многие из законтрактованных работниц — жертвы «весенней нужды» («чхунгун»). Весной в голодающие деревни приезжали из города вербовщики и ходили по домам с предложением предоста-

вить работу на предприятии. У крестьянина-бедняка порой не было другого выхода. И он соглашался отпустить в город кого-либо из молодых членов семьи (чаще всего дочь), чтобы прокормить остальных. Сделка заключалась на несколько лет. Отец получал аванс, а законтрактованный был обязан отработать и аванс, и стоимость питания и одежды, и другие расходы. Оплата труда была грошовой, за питание же и одежду хозяин высчитывал сколько хотел. И практически отработать долг было почти невозможно.

Уже после освобождения Кореи я познакомилась с двумя молодыми текстильщицами, работавшими на фабрике компании «Тёсэн босэки». Они рассказали о положении законтрактованных девушек на предприятиях компании. Контракты заключались на 6—10 лет. Аванс составлял 18—20 иен (иена — 100 сен). Первые два года девушка работала бесплатно, потом ей устанавливалась заработная плата — 20 сен в день. Но на руки она ничего не получала и числилась постоянной должницей хозяина. Во время войны рабочий день этих девушек достигал 17 часов. Они фактически были лишены личной свободы. Жили в бараках при фабриках, выходить в город могли только один раз в месяц, да и то в сопровождении надзирателя. За малейшую провинность, недостаточное усердие девушек лишали и этой возможности, жестоко избивали. Большинство из них были совсем юными. Домой возвращались далеко не все и, как правило, тяжело больными, искалеченными.

Несколько раз мы с приятельницей пытались поближе подойти к отгороженным казармам законтрактованных. Но привратник консульства (он частенько был нашим заочным гидом) посоветовал не делать этого: «Хозяева терпеть не могут любопытных, особенно иностранцев, а отвечать придется несчастным девушкам».

В годы войны зловещая нищета деревни, и ранее поражавшая до глубины души, стала еще сильнее и обнаженнее, тем более в Южной Корее, которая являлась важнейшим сельскохозяйственным районом страны.

Более 65% самодеятельного населения Кореи было занято в сельском хозяйстве. Японские власти приняли меры к тому, чтобы переключить и эту отрасль экономики на обслуживание военных нужд, на снабжение японской промышленности сырьем, а армии и тыла Япо-

нии — продовольствием. Эксплуатация крестьянства стала еще более свирепой.

Его задолженность помещикам и ростовщикам росла. Около 50% поливных полей на юге страны находилось под залогом. Еще в предвоенное время стала применяться принудительная скупка риса у крестьян, а в годы войны японские власти ввели жесткий контроль над продовольствием, торговля зерновыми была ими монополизирована. Система принудительного сбыта лишала крестьян возможности продавать продукцию сельского хозяйства на рынке и вынуждала сдавать ее по ценам значительно ниже рыночных. За промышленные же изделия они платили высокие цены. Все это обостряло противоречия между крестьянами, на которых легли тяготы войны, с одной стороны, и колониальным режимом, а также японскими и корейскими помещиками, пытавшимися, и безуспешно, использовать ее в своих целях — с другой.

Большинство помещиков обосновалось в городах. Правда, в связи с ухудшением экономического положения Японии, усилением ее нажима на Корею, попытками всемерно использовать материальные ресурсы колонии части помещиков пришлось вернуться в деревню. Власти требовали, чтобы помещики непосредственно следили за выполнением заданий, которые давались по всем видам сельскохозяйственной продукции каждой провинции, уезду, волости, деревне. К этому призывала японская печать. Газеты писали, что «патриотический долг помещиков зовет их в деревню, где они должны добиваться повышения производительности труда крестьян во имя победы Японии». Как это противоестественно звучало! Сколько труда и без того вкладывал крестьянин в свой крохотный, как правило, арендованный клочок земли. Вот уж воистину поливал землю потом и слезами, чтобы вырастить рис. Не раз приходилось наблюдать этот трудный, многосложный процесс. Примерно в половине апреля начиналась посадка риса. Это было время голода, непосильного труда и надежд. Вставал крестьянин в 4—5 часов утра, работал в поле до 8—9 вечера. Туда же приносили ему скудную еду. Семенной рис мочили в соленой воде (неделю — 10 дней). Одновременно готовили поле для рассады. Его удобряли главным образом куриным пометом, золой.

Землю боронили, а затем из канав и ручьев пускали на поле воду. Сеяли семена по колено в воде, не разгибая спины. В это время готовилось другое поле, куда пересаживали рассаду. Очень важно посадить ростки на определенном расстоянии один от другого. Для этой цели служила большая веревка с узелками. Она протягивалась вдоль поля.

Наступал сбор урожая, и начиналась пора разочарований — пора уплаты аренды, долгов, налогов, ирригационных и других взносов. От урожая у крестьянина оставались крохи. Снова нужно было обращаться к помещикам и ростовщикам, просить денег в долг, снова жизнь впроголодь и ожидание нового урожая, который ничего в жизни крестьянина изменить не мог.

И вот при таких-то условиях ему вменялось в обязанность «повышать производительность труда»!

Резко ухудшилась в годы войны жизнь средних городских слоев — ремесленников, кустарей, мелких торговцев и предпринимателей. Твердые задания, которые правительственные органы им давали, часто вели к разорению. Особенно интенсивно этот процесс происходил с весны 1944 г. В Сеуле ежедневно можно было видеть почти на каждой улице закрывшиеся пошивочные, сапожные, часовые мастерские и магазины.

«Что же вы будете теперь делать?» — спросили мы знакомого владельца мастерской верхней женской одежды. «Пойду рабочим на фабрику, где шьют обмундирование для армии. Таких фабрик теперь в Сеуле много».

Ряд предприятий изменил свою специализацию, переключился на обслуживание нужд войны. В среде предпринимателей и торговцев происходило поглощение мелких крупными, разорялись значительные группы мелкой буржуазии.

Зато росло богатство на другом полюсе. Образовалась группа корейских магнатов, буквально разжиревших на войне, наживших большие состояния. Японские дзайбацу предоставили им эту возможность — не только для того, чтобы использовать корейский капитал, но и для укрепления своей социальной опоры в колонии. К военно-промышленному строительству они приобщили и некоторые группы средней национальной буржуазии.

Союз японских дзайбацу с крупным корейским капиталом породил шестерку корейских магнатов. Это

клан братьев Ким Сонсу и Ким Ёнсу, орудовавших в текстильной промышленности, электроэнергетике и других сферах экономики; группа Хан Саннёна, сосредоточившая в своих руках страховые компании и общества; Мин Гюсик и Мин Тхэсик, нажившие большие капиталы операциями в банковско-финансовой и промышленной сферах, а также в сельском хозяйстве; группа Хён Джунхо, преуспевавшая в шелкопрядильной промышленности; группа Чан Джиксана, контролировавшая банки, электроэнергетические компании. На одно из первых мест среди корейских магнатов вышел в годы войны Пак Хынсик. Он владел крупными пакетами акций в компаниях по производству масел и бумаги, в нефтяных и машиностроительных объединениях, в банках и кредитных обществах, был президентом смешанной японо-корейской авиационной компании.

Однажды в небольшом салоне мисс Бутан я встретила с одной из жен Пак Хынсика. Юная, ослепительно красивая, одетая с большим вкусом по-европейски, супруга корейского магната не умолкая рассказывала о своей роскошной жизни в Токио и «прозябании» в Сеуле, о том, что любит музыку и могла быть оперной певицей, но «положение не позволяет». В то время в Сеуле японская труппа ставила «Кармен», и, говоря об этой постановке, жена Пак Хынсика обнаружила, как мне показалось, знание музыки, театра. Мисс Бутан мне потом рассказала, что это была одна из шести жен Пак Хынсика, последняя. Напомню попутно, что в Корее в то время сохранялось фактическое многоженство. Брачный обряд совершался только с первой женой. Лишь от нее дети считались законными. Жены жили в разных домах. Многоженство порождало тяжелые драмы, скандалы. Моей новой знакомой это, по-видимому, не коснулось. Мисс Бутан рассказала, что до недавнего времени у Пак Хынсика было «только» три жены, а затем число их удвоилось. И каждой была создана беззаботная жизнь.

Эта встреча сохранилась в памяти, так как подчеркнула, хотя и мелким, незначительным штрихом, контрасты сеульской жизни.

История знает немало примеров, когда в военное время люди стойко и мужественно выносили, казалось бы, невыносимое, терпели тяжкие бедствия, сознательно

шли на жертвы, на смерть во имя победы. Но это — в условиях войны справедливой, когда народ защищает свое отечество, свои завоевания, свои права. Во имя чего был вынужден терпеть огромные тяготы и приносить жертвы корейский народ? Во имя победы своего угнетателя — японского империализма? Шовинистический угар, демагогические кампании, которые широко развернули милитаристы Японии, пытаясь изобразить корейцев братьями, «верноподданными» японской империи, заинтересованными в ее победе, — все это оказывало влияние лишь на некоторые группы корейского населения.

Но у основной его массы война была чрезвычайно непопулярна. Она буквально подводила к вопросу — во имя чего, усиливала протест, не всегда осознанный, часто инстинктивный.

После освобождения об этом рассказывали многие. Их рассказы подтверждают обоснованный многочисленными материалами вывод, что корейские «низы» не хотели «жить по-старому» и война объективно тому содействовала.

Что же касается внешнего выражения этого нежелания по-старому жить, то в условиях военного времени возможность массовых выступлений, открытого проявления протеста была минимальной.

С самого начала своего господства в Корее японские империалисты грабили ее народ с неслыханным зверством, соединявшим, по определению В. И. Ленина, «все новейшие изобретения техники и пыток чисто азиатских»¹. С 30-х годов, по мере усиления подготовки Японии к большой войне, террор в колонии усиливался.

Вся жизнь народа была зажата полицейскими тисками. Интересен такой факт. Власти выделили в календаре 180 «опасных дней», взятых полицией под особое наблюдение.

В их числе были революционные международные праздники, знаменательные даты, связанные с революционным движением в России и других странах, с созданием и деятельностью Советского государства, даты рож-

¹ В. И. Ленин, Собрание актива Московской организации РКП(б) 6 декабря 1920 г. Доклад о концессиях, — Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 61.

дения и смерти выдающихся революционеров. Вот некоторые из этих «опасных» дней:

- 7 ноября — Октябрьская социалистическая революция в России
- 20 ноября — Создание Коммунистического Интернационала молодежи
- 5 декабря — День Советской Конституции
- 13 декабря — День Кантонской коммуны
- 9 января — Кровавое воскресенье
- 15 января — День убийства Карла Либкнехта и Розы Люксембург
- 21 января — День смерти В. И. Ленина
- 8 марта — Международный женский день
- 14 марта — День смерти Карла Маркса
- 18 марта — День Парижской коммуны
- 4 апреля — Ленский расстрел
- 22 апреля — День рождения В. И. Ленина
- 1 мая — Международный день солидарности трудящихся
- 4 мая — Начало событий 1919 г. в Китае
- 5 мая — День рождения Карла Маркса
- 21—28 мая — Кровавая неделя (расправа с парижскими коммунарами)
- 1 августа — Антивоенный день
- 1-е воскресенье сентября — Международный юношеский день
- 28 сентября — День Первого Интернационала

В числе этих «опасных дней» — и даты истории корейского освободительного движения, коммунистического движения в Японии, например 1 марта — начало восстания 1919 г. в Корее, 8 апреля — день японского крестьянина, 10 июня — годовщина антиимпериалистической демонстрации в Сеуле.

К «опасным дням», «требующим особого внимания» полиции, были отнесены и годовщины, связанные с наиболее крупными актами террора японских властей, когда можно было ожидать выступлений демократических сил Кореи, например дни массовых арестов японских и корейских коммунистов.

Власти требовали от полицейских и жандармов проявлять особую бдительность 29 августа — в день аннексии Кореи. В секретном японском издании «Тёсэн кэйсацу ёго дзитэн» («Словарь тайной полиции»), где

перечислялись «опасные дни», 29 августа занимало одно из первых мест.

«На всякий случай» к таким дням были отнесены и религиозные праздники (особенно христианские — пасха, рождество), Новый год, другие даты и события, с которыми могли быть связаны «скопление людей, обрядные шествия» и пр. История колониальной Кореи знала не один случай, когда праздники, похороны государственных деятелей превращались в массовые антиимпериалистические демонстрации. Например, в марте 1919 г., в июне 1926 г.

Таким образом, 180 дней, т. е. полгода, народ Кореи находился под «особо бдительным надзором» полиции. Нужно ли говорить, что и в остальное время этот надзор был не менее жестким.

Война, еще более ухудшив жизнь народа, объективно способствуя революционизированию масс, отняла у них даже те мизерные возможности открытых выступлений, которые были раньше. В этом смысле она помогала контрреволюции, реакции. Закон об обеспечении общественного спокойствия в чрезвычайное (военное) время (был принят 26 декабря 1941 г. и на следующий день опубликован в «Кэйдзё ниппо»), а также другие законы, указы и постановления своей главной целью открыто провозглашали подавление народного недовольства, изоляцию, уничтожение организаторов и участников движения сопротивления.

«Нельзя собираться группами более двух человек и вести разговоры о современном положении... Запрещено создание без разрешения властей религиозных и других групп. Свадьбы, похороны, обрядные шествия допустимы только с разрешения полиции», — напоминала читателям газета «Кэйдзё ниппо» 2 августа 1942 г.

С горькой иронией знакомый портной рассказал: «Выдаю замуж дочь. Заявил об этом в полицию. Там потребовали представить список всех приглашенных на свадьбу. Представил список. В полиции сказали: „Проверим, жди“. Свадьба откладывается. Но, если и разрешат собрать гостей — а без этого какая же свадьба, — неприятностей не оберешься. Ведь придет много больше, чем в списке. Дверь для гостей у нас всегда широко открыта. Да и разговоры могут затеять запрещенные.

Например, о том, что нынче дорого стоит свадьбу справить. Полиция скажет — это политические темы. Вот и отвечай».

Строжайше запрещалось вести разговоры о политике. За такие беседы, если их подслушали или о них донесли, немедленно бросали в тюремные застенки. Все чаще на улицах столицы можно было увидеть большие группы людей, одетых в полосатые рубища. На головах — нечто вроде соломенных корзин, руки в кандалах. Это арестованные. Их гнали в тюрьмы. Раньше это обычно делали ночью, в годы войны — и днем. Видимо, в наказание и для устрашения.

Японские газеты из номера в номер предупреждали, что строго запрещены разговоры о нехватке продуктов питания и о других трудностях жизни. То и дело об этом же напоминали на улицах полицейские — частенько доводилось видеть, как они разгоняли мирно беседовавших корейцев; иногда слышался свист нагаек. Тайный сыск, слежка, провокации, доносы, которые и ранее широко практиковались колонизаторами в Корее, в годы войны усилились. Эти методы, несомненно, воздействовали на психологию наименее устойчивых слоев корейского населения. На них опиралась деятельность так называемых патриотических групп, в которые власти автоматически включали всех корейцев.

Иногда казалось, что страна замерла, но, взглянув пристально, нетрудно было заметить, как учащенно бьется ее пульс.

Одна из специфических черт революционной ситуации в Корее заключалась как раз в том, что усилившийся протест, недовольство масс не приобрели из-за условий военного времени формы открытых массовых выступлений, а имели характер глубинный. И тем не менее они представляли собой заряд огромной силы, способный взорваться при первых же благоприятных обстоятельствах.

В годы войны в Корее продолжались антиимпериалистические и классовые выступления. И те и другие, переплетаясь, приобрели в то время антивоенные черты. На крупнейших промышленных предприятиях происходили стачки и забастовки, несмотря на то что они в связи с «чрезвычайным положением» были запрещены властями и квалифицировались как государственное пре-

ступление. Сведения о них часто просачивались на страницы газет.

В 1942 г. на севере страны ряд стачек перерастал в вооруженные столкновения рабочих с японской военной силой. Стачки происходили и во многих городах — на заводах Хыннама, Чхонджина, Пхеньяна и т. д. Весной, восстали рабочие японской военно-воздушной базы на о-ве Чеджудо; они подожгли четыре подземных ангара, уничтожили около 70 самолетов.

В военные годы широко распространились диверсии на шахтах, заводах, в первую очередь военных, нанесявшие серьезный ущерб японским милитаристам. Организованные рабочими взрывы на военных предприятиях, угольных копях, аэродромах, железных дорогах, в портах стали частым явлением в стране и одной из форм антивоенной борьбы корейского народа. Сообщения об этих диверсиях проникали даже на страницы японских газет. Трудно было скрывать происходящее.

На военных объектах то и дело происходили пожары (многие их так и называли — «политическими пожарами»). В 1943 г. были сожжены несколько военных заводов. Власти строго-настрого, угрожая тюрьмой, запретили жителям, ставшим невольными свидетелями происшедшего, рассказывать об этих пожарах. Как-то, проезжая мимо большого пепелища, в которое превратился один из сеульских заводов, я спросила водителя такси: «Что произошло? Был пожар?». Он испугался, замахал руками: «Не задавайте таких вопросов. Ничего не произошло, никаких пожаров не было».

На предприятиях выводились из строя станки и оборудование, разбиралось железнодорожное полотно, организовывались крушения поездов с военным грузом.

Большой размах приобрел на заводах и шахтах, на транспорте саботаж.

В очень осторожных выражениях, но с явными признаками беспокойства газеты писали, что на многих предприятиях «наблюдается брожение», что там действует «рука красного дьявола», что в промышленных районах необходимо усилить бдительность полиции и «патриотических групп».

Протест народных масс против войны, против невыносимых условий жизни отражали и «рисовые волнения», происходившие во многих городах Кореи. Актив-

ными их участниками наряду с рабочими были средние городские слои. Ремесленники и кустари, мелкие торговцы и предприниматели, разорение которых в годы войны резко усилилось, женщины-домохозяйки, с особой остротой ощущавшие нехватку продуктов питания, спекуляцию, рост цен,— все они более или менее активно участвовали в «рисовых волнениях». Не раз приходилось их наблюдать.

Однажды я стала невольной свидетельницей такой сцены. На одной из улиц Сеула, у магазина, расположенного недалеко от зоологического парка, стояла длинная очередь, преимущественно женщины с детьми. Магазин был закрыт. Очередь, образовавшая причудливую живую спираль, поражала неестественной, зловещей тишиной. Было уже три часа дня, а люди стояли с утра. Неожиданно зазвенел голос: «Риса, риса! Откройте же наконец магазин!» Возглас подхватили сотни голосов. Спираль распалась и образовала несколько толп. Исступленные, измученные люди стучали в дверь, в стены. Появились полицейские, стали разгонять народ. На следующий день часовщик, к которому мы зашли, с возмущением рассказал, что многих женщин полицейские погнали в тюрьму и при этом кричали: «Там вас накормят!»

Разные слои населения, в первую очередь рабочие, участвовали в движении протеста против трудовой мобилизации. С 1 сентября 1944 г. была отменена система набора корейских рабочих через японских уполномоченных по вербовке, которые приезжали в Корею и при содействии властей подбирали рабочих для отправки на предприятия и шахты Японии. Их стали направлять только по трудовой мобилизации. Предварительно власти проводили организованный отбор кандидатов в учреждениях, на предприятиях и в деревнях. Трудовая мобилизация была распространена и на женщин в возрасте от 12 до 40 лет. Они направлялись на работу как в Японию, так и в разные районы Кореи.

Довелось видеть, как проводы уезжающих превращались в своеобразные демонстрации рабочих, крестьян, служащих, представителей других слоев населения. Мобилизованных обычно собирали в Сеуле около здания генерал-губернаторства или на площадях в других районах. Представители властей выступали с напутст-

венными речами. Звучала музыка. Площадь оцепляли полицейские в форме или в гражданской одежде. И, несмотря на это, родные уезжающих, не скрывая слез, причитали над ними, как над покойниками. Не раз на глазах у населения мобилизованных на принудительные работы увозили, а провожающих отправляли в тюрьмы «за непатриотическое поведение». Многие из принудительно угнанных в Японию самовольно возвращались, бежали домой. А провожавшие не все вернулись из тюрем.

Летом 1944 г. в Сеуле произошло выступление мобилизованных, подавленное с большой жестокостью. Волнения происходили и в деревнях, о них довелось немало услышать после освобождения Кореи.

Крестьяне вели борьбу против колонизаторов и помещиков в разных формах. Продолжались арендаторские конфликты. В 1941 г. их было официально зарегистрировано около 4800. Соппротивление крестьянства мероприятиям японских властей выражалось и в невыполнении планов рисопоставок, военных обложений, хотя их сбор сопровождался прямым насилием. Протест крестьян вызвали введение чековых книжек (вместо денег), принудительные займы и другие акции. Неурожай, засуха, наводнения (1939, 1940, 1943) усугубляли трудности жизни.

Газеты, выходившие в Сеуле, неоднократно выражали беспокойство по поводу растущего в среде крестьян недовольства и брожения. «Кэйдзё ниппо», например, писала, что нужно проявлять по отношению к крестьянству осторожность, не прибегать к методам нажима, так как «это может вызвать волнения». Более откровенно и подробно сообщали о положении в деревне провинциальные газеты. На их страницах появлялись материалы об арендаторских конфликтах, о саботировании многими крестьянами приказов властей.

В военные годы продолжались антиимпериалистические выступления корейской интеллигенции, в первую очередь студенчества. Высокое гражданское мужество и патриотизм проявили прогрессивно настроенные студенты, отказавшись идти «добровольцами» в японскую армию. Многие из них ушли в горы к партизанам.

Народный протест против колониализма и войны, против национального гнета проявлялся и в других

формах, не всегда видимых на поверхности. Это было, например, нежелание корейцев выполнить приказ властей и сменить национальные фамилии на японские. Как правило, корейские фамилии пишутся одним иероглифом, а японские — двумя. При смене фамилий к корейским добавлялся второй иероглиф, и тогда они звучали по-японски. В годы войны колониальные власти рассматривали уклонение от смены фамилий как проявление «недозволенных, опасных мыслей» и применяли по отношению к уклонявшимся меры полицейского воздействия.

Делая вид, что приказ властей выполняется, большинство населения фактически его игнорировало и в повседневной жизни сохраняло свои национальные фамилии. Правда, при этом заметно опасались не только полицейских, но и их помощников из «патриотических групп», которые сразу доносили в полицию о каждом таком корейце как о «неблагонадежном», не желающем носить «высокую японскую фамилию».

Формой народного протеста было и уклонение значительной части корейцев от изучения японского языка и повсеместного пользования им. В годы войны власти приняли новые меры по внедрению японского языка. Газеты сообщали, что во многих школах Сеула стали взимать штраф за каждое сказанное по-корейски слово. В корейских кварталах, на окраинах, где ранее звучала только корейская речь, на родном языке стали говорить с оглядкой. И вместе с тем упорно отказывались от изучения японского языка. Об этом тоже многократно, с тревогой и возмущением писали газеты. Однажды хозяин магазина тканей при мне предупредил вошедшего покупателя: «Говорите только по-японски» — и доверительно признался: «Доносят в полицию, неприятностей не оберешься. Никому нельзя в наши дни верить. Ведь наказывают не только за „проступок“, который ты сам совершил, а и за то, что не донес о „проступке“ другого».

В годы войны слежка, в которую насильственно вовлекалось само население, получила большой размах. Это была тщательно продуманная и очень коварная система, рассчитанная на разобщение масс. Она сеяла недоверие, боязнь, рознь. Полиция вменяла в обязанность соседу следить за соседом, продавцу — за покупа-

тслем, и наоборот и т. п. За недонесение компрометирующих фактов наказывали, за активность поощряли, в том числе и материально (выдавали денежные вознаграждения, дополнительный паек).

Центром такого рода деятельности стали «патриотические группы» — низовые ячейки созданного колонизаторами Всекорейского союза по мобилизации сил нации, механически включавшего все население. «Патриотические группы» создавались и по месту жительства, и по производственному принципу. Во главе групп ставились доверенные полиции или ее тайные агенты, доказавшие делом свою преданность колонизаторам. О том, чем занимаются группы, рассказывать запрещалось. Но после освобождения это стало широко известно. Их деятельность была многообразна — обеспечивать выполнение законов, указов, предписаний властей, своевременную выплату налогов, выполнение поставок, реализацию займов, содействовать осуществлению прочих мероприятий властей; нагнетать шовинистический угар, верно-подданнические чувства к японскому императору, осуществлять мобилизацию всех сил страны для победы Японии в войне и т. д. Главной задачей «патриотических групп» власти считали, как нетрудно было заметить, выявление «неблагонадежных» и всемерное разоблачение народных масс.

Вспоминается такой случай. Недалеко от советского консульства была расположена небольшая сапожная мастерская. Там работали только хозяин и мальчик-подмастерье. Хозяин производил впечатление человека общительного, неглупого, держался с достоинством, был очень исполнителен. В общем, располагал к себе. И все же казалось, что в этой мастерской бывает очень мало корейцев, что ее обходят. Как-то привратник консульства осторожно, намеками посоветовал не ходить туда больше и назвал другие мастерские. Расспрашивать было неудобно, но прислушаться следовало. Только позже мы узнали, что хозяин этой мастерской являлся председателем «патриотической группы», активным и преуспевающим. На его совести было немало пострадавших корейских патриотов. После 15 августа 1945 г. мастерская стояла закрытой. Хозяин ее на время исчез.

Сложность обстановки, казалось, делала невозмож-

ной борьбу патриотов. И тем не менее она продолжалась в самых многообразных формах.

В годы войны не прекращалось и партизанское движение, хотя крупных операций партизаны тогда не предпринимали и действовали мелкими отрядами. В разных районах Кореи создавались небольшие группы сопротивления, состоявшие из рабочих, служащих, крестьян, студентов, уклонившихся от трудовой мобилизации, и других патриотов, не желавших служить в армии. Действия отрядов и групп наносили нередко ощутимый урон колонизаторам и свидетельствовали о глубоком брожении в массах, о непрочности японского тыла в Корее. Обо всем этом много интересного рассказали после освобождения участники отрядов сопротивления.

Таким образом, несмотря на драконовские методы расправы с патриотами, продолжали мужественную борьбу представители различных социальных слоев корейского общества. Эта борьба чаще, чем раньше, проходила в скрытых и пассивных формах. Она не вылилась в массовые выступления, в восстание. Их в то время в Корее не было и быть не могло. Но это не означает, что там отсутствовал такой важный компонент революционной ситуации, как возросшая активность масс. Напомним, что, давая характеристику основных признаков революционной ситуации, В. И. Ленин никогда не абсолютизировал форм их проявления, изменявшихся в зависимости от условий, традиций и ряда других факторов. Марксизм-ленинизм не возводит в абсолют и восстания, не рассматривает их как единственную форму выражения народного протеста.

Разоблачая идею провоцирования войн во имя революции, В. И. Ленин отмечал, что подобная теория была бы равносильна взгляду, что вооруженное восстание есть «форма борьбы, обязательная всегда и при всяких условиях»².

Это говорилось по другому поводу, но имеет всеобщее значение. Нежелание «низов» жить по-старому проявляется не обязательно в форме восстания. Как свидетельствует опыт, и при отсутствии (в силу сложившихся условий) массовых активных выступлений

² В. И. Ленин, Странное и чудовищное,— Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 403.

острота противоречий, накал недовольства, нежелание по-старому жить, могут проявляться и в скрытых формах, сочетать активные и пассивные методы сопротивления.

Так было и в Корее. Происходившее там в годы войны в специфических формах движение выражало нежелание масс жить по-старому, было по своему характеру и содержанию многоплановым, сочетающим антиимпериалистические и классовые задачи. Его важной частью была антивоенная борьба. По составу участников движение было многослойным. Наряду с рабочими и крестьянами в нем участвовали мелкая и значительная часть средней буржуазии, интеллигенции.

Огромное воздействие на борьбу корейских народных масс оказывали события на фронтах второй мировой войны. Попытки властей исключить доступ в страну сведений об этих событиях оказались бесплодными. Многие корейцы, как выяснилось после освобождения, сохранили, несмотря на запрет полиции, радиоприемники и слушали передачи из Советского Союза. Разъяснительную работу в массах вели находившиеся в подполье коммунисты.

Подвиг советского народа в борьбе против гитлеровской Германии, героизм и мужество советских людей воздействовали на народные массы Кореи сильно и непосредственно, морально поддерживали их, вселяли надежду на свободу, помогали корейским патриотам стойко держаться в неравной и трудной борьбе.

С влиянием этого внешнего фактора была связана и такая черта революционной ситуации, как неспособность «верхов» по-старому управлять колонией. Можно ли утверждать, что к концу второй мировой войны «верхи», представленные японскими колонизаторами и их корейской опорой — помещиками и крупными капиталистами, не были уже в состоянии по-старому господствовать в Корее? Да, можно. Разумеется, речь идет не о том, что создавшиеся непосредственно и только внутри страны условия грозили правящим силам крахом. В ленинской характеристике революционной ситуации вопрос и не стоит таким образом. Наоборот, В. И. Ленин подчеркивал, что «верхи» сами не упадут, если их не «уронят». А «уронить» их, как учит история, могут местные национальные силы не изолированно, не в оди-

ночку, а в союзе с интернациональными революционными силами. Особенно если речь идет об империалистических «верхах», о колониальном господстве. Вооруженный до зубов японский империализм один на один был в состоянии задушить недовольство и протест корейского народа, продолжать эксплуатацию колонии. Но новые международные условия ослабляли эти возможности, равно как и позиции империалистической Японии в целом. Все заметнее назревал крах ее господства в Корее.

Новые условия заключались в том, что союзник Японии — гитлеровская Германия стремительно катилась к катастрофе. И происходило это при решающей роли армии Советского государства.

К катастрофе приближалась и сама Япония. Напомним некоторые обстоятельства, связанные с ее положением в период, предшествовавший краху ее колониального господства.

В декабре 1941 г. началась война на Тихом океане. Военные успехи кружат голову японским милитаристам. Они намереваются осуществить свою давнюю бредовую идею господства во всей Азии, создания под эгидой Японии «сферы процветания великой Восточной Азии». Развязанная ими война на Тихом океане изображается как война расовая — между азиатами и европейцами. «Азия для азиатов» — этот лозунг японской пропаганды преследовал не только военные, но и идеологические цели, в частности — ослабить воздействие на азиатские народы социалистических идей, подорвать интернациональные принципы освободительного движения, дезорганизовать его.

В Корее нагнетается шовинистический угар, процветает расовая демагогия. Опираясь на прояпонские организации, созданные в конце 30-х годов, японские милитаристы прославляют начатую ими войну, призывают корейцев проникнуться сознанием ответственности за ее исход.

Нужно сказать, что кампании по нагнетанию милитаристского угара были организованы с большой изобретательностью и проводились с неменьшей настойчивостью. Например, каждое утро по сигналу радио все жители независимо от того, где они в это время находились и чем занимались, были обязаны остановиться,

прекратить работу, беседу или любое другое занятие и низко поклониться в сторону императорского дворца. В полдень все должны были произнести про себя молитву, выражавшую благодарность японской армии и пожелание ей победы.

Полицейские власти, руководители «патриотических групп» бдительно следили за выполнением этих новых обязанностей корейцев. Уклонение от поклонов и молитв рассматривалось как протест против существующих порядков и войны. Под полицейским надзором находилось и участие населения в «неделях мобилизации национального духа», кампаниях по «укреплению экономики военного времени», в «патриотических» днях.

Корейским народным массам внушалось, сколь почетно их участие в создании «сферы процветания» в качестве подданных Японии — нации руководителя, державы-победительницы.

Одновременно, отдавая себе отчет, что не многие ободряются такой перспективой, что в массах нарастает недовольство, японские «верхи» усиливали расправу над патриотами Кореи. Несмотря на попытки властей создать видимость не только спокойствия, но якобы охватившего колонию военного подъема, руководители колониальной администрации то и дело проговаривались о неустойчивости корейского тыла (разумеется, на страницы газет проникала лишь незначительная часть этих высказываний). Так, на совещании начальников тюрем в ноябре 1942 г. вступивший на пост генерал-губернатора Коисо Куниаки говорил: «Несмотря на то что воспитанию молодежи, как основы нашего государства, уделяется большое внимание, все же преступность среди нее растет с каждым годом... Нужно,— призывал он,— приложить все силы к тому, чтобы изолировать недовольные элементы и обеспечить полное спокойствие тыла» («Кэйдзё ниппо», 20.XI.1942).

В том же месяце на Всекорейском совещании начальников полицейских управлений Коисо предупреждал: «Есть много признаков, говорящих о крайне непрочном состоянии духа корейского населения. Поэтому мы должны всеми силами стараться подавить (разрядка наша.— Ф. Ш.) всякое недовольство и тем самым обеспечить общественное спокойствие» («Кэйдзё ниппо», 25.XI.1942).

После разгрома гитлеровских полчищ на Волге тревога японских «верхов», в частности в связи с брожением в Корее усиливается.

Как известно, Япония нарушила советско-японский пакт о нейтралитете. Она укрепляла расположенную в Маньчжурии Квантунскую армию, готовившуюся к вторжению на советский Дальний Восток. Еще в 1942 г. японские милитаристы планировали включение в «великую восточно-азиатскую сферу» всей Сибири и тех территорий СССР, «которые не будут освоены Германией».

Свои агрессивные планы японские империалисты связывали с не вызывавшим у них сомнений «падением Сталинграда». Но на Волге немецкая армия была разгромлена. В 1943 г. фашистский блок начал распадаться. Из гитлеровской коалиции выпала Италия. В 1944 г. территория Советского Союза была очищена от захватчиков и вооруженные силы СССР, осуществляя свою интернациональную миссию, начали освобождение оккупированной фашизмом территории других стран.

Япония, вынужденная отложить план нападения на СССР, от него, однако, не отказывалась и все большую роль в продолжении агрессии отводила использованию Кореи в качестве важной (одной из крупнейших в Азии) военной базы, поставщика сырья, продовольствия, а в дальнейшем и пушечного мяса. В этом отношении ею было сделано немало. Но установившиеся и окрепшие в предшествующие годы связи корейского населения с трудящимися СССР, способствовавшие более интенсивному революционизированию корейских народных масс, традиции освободительного движения, в своей значительной части проходившего под лозунгами укрепления связей с СССР, опоры на его неизменную поддержку и помощь, сведения о положении на фронтах второй мировой войны, проникавшие в Корею сквозь многочисленные преграды,— все это крайне затрудняло японским милитаристам подготовку «корейского тыла» к войне против СССР. Наоборот, среди корейского народа росли антивоенные, антиимпериалистические настроения.

Ухудшалось и внутреннее положение Японии. Война лишила ее возможности ввозить необходимое сырье из США, английских колоний и доминионов. Использовать же сырьевые ресурсы в захваченных Японией странах Юго-Восточной Азии оказалось невозможным из-за не-

достатка транспортных средств. Военные расходы поглощали большую часть национального дохода Японии. Резко ухудшилась жизнь японского населения. В самой Японии было неспокойно. С 1943 г. росли ее неудачи на фронтах.

При всем том силы Японии оставались значительными. Она не собиралась капитулировать. В Маньчжурии и Корее была сосредоточена большая часть японской военной промышленности, находилась миллионная Квантунская армия — цвет и надежда японских вооруженных сил. Именно поэтому все большее внимание (по мере ухудшения дел на фронтах и в самой стране) Япония уделяла своим колониям, в частности Корее. Но для того, чтобы максимально использовать материальные и людские ресурсы последней, важна была соответствующая политическая обстановка в колонии, «общественное спокойствие». А его-то и не было, все явственнее обнаруживалось беспокойство и брожение масс. Началось лавирование японских «верхов», поиски новых форм управления колонией, попытки сочетания методов «кну-та и пряника», применявшихся колонизаторами в кризисные для них периоды (в частности, после восстания 1919 г. в Корее).

Все это, вместе взятое, свидетельствовало, что по-старому господствовать в Корее японскому империализму становится все труднее. Весьма показательными были выступления японских государственных деятелей и официальной печати тех лет, позволяющие проследить эволюцию методов управления Кореей, нарастание кризиса «верхов». С весны 1943 г. в этих выступлениях не только звучат угрозы, но весьма ощутимы заигрывание с корейцами, тревога, нагнетание военного психоза. Все чаще проникает на страницы газет признание, что «брожение умов» в Корее связано с изменениями в общем ходе второй мировой войны.

Так, начальник полиции провинции Кёнгси Ока Хисао писал: «Распространяются слухи, что державы оси войну проигрывают». Он предупредил, что власти будут принимать строгие меры к распространителям таких слухов («Тёсэн сёко симбун», 14.I.1944).

Об этом неоднократно говорили и писали и другие официальные лица. В частности, генерал-губернатор Кореи Коисо, хотя он старался создать видимость благо-

получия в стране, вынужден был признать, что «создалась трещина в общественном мнении народа, куда просачиваются различного рода тревожные мысли, вызывающие в обществе беспокойство» («Кэйдзё ниппо», 7.IV.1943) (разрядка наша. — Ф. Ш.). Задача руководителей, продолжал он, состоит в том, чтобы, «внимательно изучая общественное мнение и пресекая деятельность неустойчивых элементов, разъяснять массам истинный характер нашей войны, целью которой является построение общества высших идеалов для людей великой Восточной Азии с помощью лучшей в мире нашей идеологии, начертанной в императорском пути... Корейских собратьев, ставших японскими подданными, должно воодушевлять сознание того, что они, укрепляя военную мощь империи, этим самым воспитывают в себе качества руководителей великой Восточной Азии» («Кэйдзё ниппо», 7.IV.1943). Почти то же самое говорил Коисо и на совещании начальников полицейских управлений 11 мая 1943 г.: «В Корее есть люди, которые недовольны экономическими мероприятиями военного времени, политикой экономии продуктов питания, повышения народного бремени, т. е. всеми теми мероприятиями, которые проводятся ради победы в войне» («Кэйдзё ниппо», 12.V.1943).

Подавляя с помощью военной силы недовольство масс и одновременно заигрывая с ними, правящие круги начинали проводить и некоторые политические акции, призванные успокоить корейский тыл. Так, в конце 1943 г. они широко оповестили население через печать, «патриотические группы» и другие прояпонские организации о том, что начальником (т. е. главой исполнительного органа) Всекорейского союза по мобилизации сил нации назначен кореец Кан Сорю (ранее им был генерал-лейтенант Хата).

Президентом союза по-прежнему оставался генерал-губернатор Кореи. Назначение на столь высокий пост корейца (разумеется, из числа проверенных японских союзников) преподносилось народу в качестве важного политического акта единения Кореи и Японии.

Этот лозунг единства становился одним из центральных в идеологической деятельности «верхов». Почему? Довольно откровенно ответил на этот вопрос сам гене-

рал-губернатор. 2 июля 1944 г. он заявил корреспондентам сеульских газет: «Япония и Корея имеют одинаковое происхождение и одну родословную. В современной, все усложняющейся обстановке мы должны поощрять идею об одинаковом происхождении и одной родословной, ибо она — основа лозунга „Япония и Корея — одно целое“... Почему необходимо в настоящее время заявлять о том, что Япония и Корея имеют одно происхождение и одну родословную? Потому что сейчас снова начинают появляться идеи принципа свободы и независимости... Корея и в идеологическом, и в культурном, и в экономическом отношениях ближе всего к Японии. Однако мы вынуждены, к сожалению, констатировать, что имеются люди, которые на базе существующих экономических затруднений поддаются фантазиям марксизма (разрядка наша.— Ф. Ш.). С этим мы должны вести борьбу и укреплять наше государство, особо поощряя пропаганду идеи, что Япония и Корея имеют одинаковое происхождение и одну родословную» («Кэйдзё ниппо», 3.VII.1944).

Но, опасаясь, как бы эти идеи не вскружили головы корейцам и всерьез не породили у них иллюзий равенства с японцами, печать предупреждала: «Не следует забывать, что между японцами и корейцами лежит вполне ясная грань. Иными словами, японцы будут старшими братьями и старшими сестрами, а корейцы — младшими братьями и младшими сестрами. Младший же брат не равняется со старшим. Младшая сестра не поднимает смуту, не настаивает на равных со старшей сестрой правах. Вполне естественный порядок между старыми и молодыми. Если не будет порядка между первыми и последними рядами церемонии (речь идет о разных слоях общества.— Ф. Ш.), то ясно, что дело дойдет и до развала внутреннего порядка в стране. Нечего и говорить, что японцы в качестве старших братьев и в качестве первых рядов церемонии должны воспылать любовью к корейцам. В свою очередь корейцы по отношению к японцам должны питать любовь и уверенность. Путь единения Японии и Кореи — в углублении распознавания друг друга». Указав корейцам их место, газета спешит напомнить: «Хотя и есть разница, но для общего дела ее нет» («Кэйдзё ниппо», 9.V.1944).

Началась кампания «распознавания Кореи Японией

и Японии Кореей». Печать сообщала, что Всекорейскому союзу по мобилизации сил нации, молодежной организации Сэйнэндан, объединениям, созданным корейскими национал-предателями, вменено в обязанность усилить работу по созданию «нравственной Кореи», по мобилизации всех сил на увеличение военной мощи Японии.

Одной из важных и трудных задач, поставленных перед ними, было обеспечение вводимой с 1944 г. всеобщей воинской повинности. В Корее ежегодному призыву подлежало несколько сот тысяч человек. Подготовка к призыву велась давно. Сеул был покрыт густой сетью спецплощадок, городками добровольцев. Военное обучение стало основным предметом занятий в учебных заведениях.

В мае 1944 г. в беседе с корреспондентами японских газет в Сеуле Коисо утверждал, что «введение системы воинской повинности в Корее вселило радость в сердца двадцати пяти миллионов корейских братьев» («Кэйдзё ниппо», 9.V.1944).

Желаемое выдавалось за действительное. О радости корейцев не могло быть и речи. На подготовку к введению воинской повинности власти отвели два года не потому, что «корейские братья» стали верноподданными Японии, а потому, что в массе своей не стали ими и не хотели стать. Впрочем, признание этого факта тоже можно было обнаружить и в опубликованных печатью выступлениях японских руководителей. В речи перед офицерами японской армии, присланными в Корею для подготовки к введению воинской повинности, тот же Коисо говорил, что часть призывников «противились изучению японского языка. Такого сорта люди,— сетовал он,— конечно, не получили надлежащего воспитания и допризывной подготовки, и если их пустить в часть сразу, то они, несомненно, уронят достоинство императорской армии». Среди молодых людей, которые придут в части, добавил Коисо, «будут и коммунисты, которые попытаются сбить с пути других лиц. И наша задача — выявить таких людей» («Кэйдзё ниппо», 4.VII.1944).

В выступлениях руководителей колониальной администрации и на страницах печати все чаще можно было обнаружить прямые противоречия — одно из проявлений растерянности и метаний властей.

Летом 1944 г. генерал-губернатором Кореи был назначен 70-летний Абэ Нобуюки, бывший военный (в 1939 г. он являлся премьером и министром иностранных дел Японии), а Коисо стал японским премьером. 12 августа 1944 г. «Кэйдзё ниппо» по этому поводу сообщала: «Абэ сказал, что главное внимание будет обращено на мероприятия, обеспечивающие быстрое увеличение военной мощи и поднятие военного духа населения». Заявив, что он будет продолжать политику своего предшественника, Абэ добавил: «Вместе с тем вся работа будет проводиться в соответствии с непрерывно меняющейся обстановкой. В настоящее военное критическое время выполнение этой работы равносильно проведению военных мероприятий. От нее зависит, выиграем мы войну или проиграем, будет процветать страна или погибнет (разрядка наша. — Ф. Ш.). Чем ожесточеннее становится война, тем искуснее должна быть политика».

Абэ с первых же дней своего управления поставил задачу добиться «единения народа и установления тесного контакта чиновников с массами, поднятия военного духа масс».

Вместе с тем из ряда выступлений японских руководящих деятелей можно было заключить, что и в среде чиновников не все спокойно.

На внеочередном совещании начальников полицейских управлений в сентябре 1944 г. Абэ сказал: «Для того чтобы установить какие-то ограничения для народных мыслей (словно это возможно было сделать. — Ф. Ш.), необходимо прежде всего среди самих чиновников, стоящих у руководства, глубокое понимание существующего положения». Он подчеркивал необходимость считаться с «наличием мирных настроений» («Кэйдзё ниппо», 27.IX.1944).

«Совершенно необходимо усиление охранных мер в важнейших районах, принятие всех необходимых мер для обеспечения спокойствия... В этой области не все обстоит благополучно. Последние изменения в военной обстановке как на Востоке, так и в Европе (разрядка наша. — Ф. Ш.), введение трудовой повинности населения, снабжение продовольствием, трудности с товарами первой необходимости и т. п. — вот причины, которые волнуют народ и которые

никак нельзя упустить из виду... Только легкомыслие и беспечность части нашей школьной молодежи могли привести к тому, что она слепо верит всяким вредным слухам, не вдаваясь в глубокий анализ, и становится объектом наказаний, вместо того чтобы быть верными сынами своего императора» («Кэйдзё ниппо», 27.IX.1944).

Газеты пестрили призывами учитывать «сложность и опасность» создавшегося в империи положения. «В связи с затягиванием теперешней войны все более усложняется жизнь народных масс, все более растут недовольство и беспокойство в их среде», — говорил Абэ в сентябре 1944 г. на совещании судебных чиновников; он потребовал от них приложить «максимум сил для скорейшего и полного расследования подобных случаев и принятия всех необходимых мер к их пресечению» («Кэйдзё ниппо», 29.IX.1944).

Однако тревожное положение в Корее не позволяло «верхам» ограничиться усилением террора и идеологическими кампаниями. Они были вынуждены идти и на некоторые реальные уступки народу колонии.

При премьер-министре Японии был создан специальный комитет по изучению вопроса о политических мероприятиях «в отношении японских братьев в Корее и на Формозе (Тайвань.— *Ф. Ш.*)» и разработан проект закона о политических правах для корейцев. Печать широковещательно и назойливо шумела об этом изо дня в день.

Наиболее крупным актом проводимой кампании стал закон о предоставлении корейцам избирательных прав. Он распространялся только на помещичье-буржуазную верхушку корейского общества. И лишь в верхнюю палату японского парламента император назначил корейцев из числа верных союзников и пособников Японии. Они были рекомендованы генерал-губернатором Абэ.

Хотя все эти уступки были крайне ограниченными, они свидетельствовали, что «верхи» вынуждены лавировать и старыми методами господствовать не могут.

Вся японская пропагандистская машина была приведена в действие, дабы убедить массы в значительности проводимых мероприятий. Особенно усердствовали корейские союзники колонизаторов. 26 декабря 1944 г. Кан Сорю «в знак благодарности» преподнес Абэ адрес. 30 декабря по всей Корее проходили благодарственные

молебны в храмах, славившие императора и правительство Японии. В «патриотических группах» проводилось разъяснение «дарованных старшими братьями» благ, проходили «собрания благодарности и любви». Конечно, в некоторых слоях населения вся эта кампания находила определенный отклик. Но существенно влиять на обстановку в колонии японские империалисты были уже не в состоянии.

Судьба Кореи решалась там же, где и судьбы других колоний, других стран. Она была связана с общим ходом второй мировой войны, с определяющей ролью в развитии мировых событий советского социалистического государства.

Как известно, в соглашении, подписанном 11 февраля 1945 г. на Ялтинской конференции руководителями трех великих держав — СССР, США и Англии, — предусматривалось вступление СССР в войну против Японии на стороне союзников через два-три месяца после капитуляции Германии.

5 апреля 1945 г. правительство СССР заявило о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете, который был нарушен Японией.

События нарастали.

8 мая 1945 г. гитлеровская Германия была вынуждена подписать акт о капитуляции. Это коренным образом меняло мировую обстановку, приближало крах японского милитаризма. И тем не менее он был еще силен. Япония продолжала курс на затяжную войну. Она, в частности, надеялась закрепить за собой Корею и Тайвань. Под ее господством оставались еще значительная часть Китая, Индонезии, Малайя, Индокитай (правлящие круги США и Англии полагали, как известно, что война на Тихом океане затянется по крайней мере до 1947 г.).

26 июля 1945 г. от имени США, Англии и Китая была опубликована Потсдамская декларация, в которой Япония призывалась к безоговорочной капитуляции. Япония ее отклонила.

Хотя США знали, что в августе 1945 г. Советская Армия начнет военные действия в Маньчжурии против Японии, они предприняли варварские атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки (попытавшись, в частности, преуменьшить роль СССР в исходе войны).

Но решали не атомные бомбардировки.

Японское правительство, отклонив предложение о капитуляции, в июле обратилось к СССР с просьбой о посредничестве.

8 августа 1945 г. Народный комиссар иностранных дел СССР сделал от имени Советского правительства правительству Японии заявление. В нем говорилось, что после разгрома и капитуляции гитлеровской Германии Япония оказалась единственной великой державой, которая все еще стоит за продолжение войны. Требование трех держав — Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Китая — от 26 июля 1945 г. о безоговорочной капитуляции японских вооруженных сил было отклонено Японией. Тем самым предложение японского правительства Советскому Союзу о посредничестве в войне на Дальнем Востоке теряет всякую почву. В заявлении говорилось о присоединении СССР к Потсдамской декларации от 26 июля 1945 г. и о принятии предложения союзников включиться в войну против японской агрессии. «Советское правительство считает,— гласило Заявление,— что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и дать возможность японскому народу избавиться от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции». Советское правительство заявило, что с 9 августа Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией³.

Это предопределило исход войны на Тихом океане, конец японского колониального владычества, освобождение корейского народа, народов Китая и других стран Азии.

«Красная Армия, армия великого Советского народа идет на помощь союзному Китаю и дружественному китайскому народу, — гласило Обращение Главнокомандующего советскими войсками на Дальнем Востоке маршала А. М. Василевского. — Она и здесь, на Востоке, поднимает свои боевые знамена как армия-освободитель-

³ «Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы», т. III, М., 1947, стр. 362—363.

ница народов Китая, Маньчжурии, Кореи от японского гнета и рабства»⁴.

Правящие «верхи» в Корее уже не только не могли по-старому управлять колонией, они рухнули. Это произошло при решающей роли Армии Советского Союза, в процессе осуществления ею своего интернационального долга. Seriously подорванными оказались и позиции союзников японского империализма в Корее — ее помещичье-буржуазной верхушки.

Авангардные силы корейской революции

Достижение национальной независимости было началом корейской революции. Решающую роль в осуществлении этой первоочередной задачи играл внешний фактор. Углубление и развитие национально-освободительной революции, ее перерастание в социальную, характер последней определялись в первую очередь внутренними объективными условиями и состоянием субъективного фактора. Как известно, зрелость его — одно из важнейших обязательных условий победоносной революции.

Было ли это условие в Корее? Ведь рабочий класс не имел там своего организованного авангарда. Созданная в 1925 г. компартия Кореи просуществовала лишь немногим более трех лет. Партия была заражена фракционизмом, групповщиной, что в условиях террора японских оккупантов таило особенно большую опасность для корейского революционного движения. В соответствии с решением Коминтерна компартия прекратила свое существование как организованная сила.

С 1928 г. до августа 1945 г. в Корее при активной помощи Коминтерна постепенно складывались предпосылки для создания новой коммунистической партии. В стране действовали подпольные коммунистические группы. В 1934 г. предпринимались попытки воссоздания партии и выработки ее программных положений. Но они не увенчались успехом. Этому мешали террор японской

⁴ См. А. М. Д у б и н с к и й, Освободительная миссия Советского Союза на Дальнем Востоке, М., 1966, стр. 538.

вденщины, еще более усилившийся с 30-х годов, а также неизжитая фракционность, недостаточная идейная зрелость корейских коммунистических сил.

Важнейшие успехи в формировании субъективного фактора были одержаны корейским партизанским движением в Маньчжурии, которое стало с 30-х годов основным и важнейшим фронтом корейского освободительного движения. Его возглавили коммунисты. В партизанских отрядах действовали партийные и комсомольские организации. Борьба корейских партизан, руководимая коммунистами во главе с Ким Ир Сеном — одна из героических страниц корейской истории. Ей посвящено немало специальных работ. Мне довелось в 1958 г. в Пхеньяне, Вонсане, Хамхыне (КНДР), а в 1960 г. — в Цзилине (КНР), познакомиться с некоторыми участниками партизанского движения, услышать интереснейшие рассказы о подвигах мужественных патриотов. В Цзилине я спускалась в подвал одного из храмов, где в начале 30-х годов тайно собирались корейские комсомольцы-партизаны.

Дисциплина, царившая в отрядах, борьба с распущенностью, групповщиной, наличие программы действий, базирующейся на принципах марксизма-ленинизма, отражающей национально-освободительные и классовые задачи грядущей революции, — все это способствовало формированию организационных и идейных предпосылок воссоздания коммунистической партии, подтягиванию субъективного фактора революции. Важным обстоятельством явились при этом постоянная помощь Коминтерна коммунистам Кореи, непосредственные связи руководящего ядра корейского освободительного движения с Коммунистической партией Советского Союза.

Коммунисты шли во главе освободительной, антивоенной борьбы и непосредственно в Корею. Им приходилось действовать в условиях жесточайшего террора (в печати неоднократно сообщалось об арестах коммунистов). С их влиянием было связано создание в годы войны многих подпольных патриотических организаций, в частности Конгук тонмэн (Союза возрождения государства). Его основали в августе 1944 г. Ё Унхён и другие демократически настроенные представители интеллигенции.

Программа союза провозглашала необходимость сплочения и объединения всех патриотов и их организаций для изгнания японских империалистов, возрождения корейского государства и достижения свободы и независимости корейской нации, создания в сотрудничестве с государствами, «выступающими против стран оси», объединенного антияпонского фронта и «устранения всех реакционных сил, препятствующих полной независимости Кореи». Руководство союза планировало установление контактов с корейскими партизанскими отрядами в Маньчжурии и одновременно с эмигрантским временным правительством в Чунцине. Японская полиция, обнаружив союз, жестоко расправилась с его руководителями и активными участниками.

В предвоенные годы и в период второй мировой войны ряды корейского пролетариата значительно расширились и насчитывали более 2 млн. Произошли и качественные изменения его состава. Возросла концентрация рабочих на сравнительно крупных современных предприятиях, образовался пролетарский костяк, квалифицированная рабочая прослойка.

За предшествующие годы пролетариат приобрел большой опыт борьбы против иноземных и отечественных угнетателей, окрепли его связи с крестьянством и другими слоями трудящихся. И все же корейский национальный пролетариат политически оставался слабым. Накопленный им опыт содержал наряду с положительными и много негативных черт. Так, большинство рабочих были заняты на предприятиях японских монополистов. Последние выступали одновременно и как поработители нации, и как эксплуататоры труда рабочих. Это вело к тесному сближению классовых и национально-освободительных моментов в позициях и поведении пролетариата, способствовало установлению его ведущей роли в антиимпериалистической борьбе. Но это же обстоятельство оборачивалось и своей негативной стороной. В течение многих лет пролетариат боролся за независимость страны в сотрудничестве с патриотическими буржуазными слоями. Он оказывал на буржуазию свое влияние, порой толкая ее на активные действия против колонизаторов, но одновременно испытывал и ее влияние на себе, особенно в пору ранней молодости пролетариата, когда буржуазия Кореи была сильнее его.

Усилия буржуазии, направленные на то, чтобы ослабить классовое содержание освободительной борьбы, подчинить ее национальным задачам, насаждать националистическую идеологию в массах, в том числе и в среде рабочего класса, оказались не безрезультатными. Следует вспомнить и родословную корейского пролетариата, его крестьянское происхождение, непосредственную связь с деревней. Укрепляя естественный союз рабочих и крестьян, все это в целом задерживало рост классового самосознания пролетариата, формирование качеств класса-вождя. К тому же в годы войны ряды его значительно пополнились и городскими полупролетарскими и непролетарскими слоями.

Эти же обстоятельства тормозили создание боеспособной партии рабочего класса, а ее отсутствие в свою очередь задерживало политическое мужание и закалку пролетариата.

Рассматривая формирование и состояние субъективного фактора корейской революции, т. е. тех сил, которые были бы способны ее возглавить и привести к победоносному завершению, мы незаслуженно мало внимания обычно уделяем традициям далекого прошлого. А между тем, чтобы правильно оценить эту чрезвычайно сложную и противоречивую проблему, необходимо вспомнить предшественников нынешней плеяды корейских революционеров.

Ленинский анализ смены поколений в революционном движении России (при всем различии внутренних и международных условий России и Кореи) позволяет проанализировать и сущность деятельности каждого поколения борцов освободительного движения в Корее, установить их преемственность и связь. В Корее, как нам представляется, можно выделить несколько поколений борцов за независимость и социальный прогресс.

Первым из них были прогрессивно настроенные ян-баны (дворяне), главным образом мелкопоместные, — чиновники и офицеры. Они являлись участниками и руководителями народного ополчения «Ыйбён» (Армия справедливости) и внесли немалый вклад в корейское освободительное движение.

«Ыйбён» представляла собой традиционную форму корейского народного движения. Отряды «Ыйбён»

впервые возникли еще в конце X в., когда в Корею вторглись кидане. Широкий размах приобрела вооруженная борьба в период Имджинской отечественной войны (1592—1598), когда японский правитель Тоётоми Хидэёси пытался поработить Корею. Борьба «Ыйбён» вспыхивала и в последующие годы. Ее подъем относится к тяжким годам японского протектората (1905—1910).

Выступая за независимость страны, мужественно и самоотверженно отстаивая ее в вооруженной борьбе, руководители «Ыйбён» вместе с тем были далеки от коренных интересов народа. Они боролись за независимую, но феодальную Корею, за корейского императора. Антифеодальная струя движения, которая стихийно в нем пробивалась (так как массовой базой борьбы являлось крестьянство), по своей сути была не только чужда, но и враждебна руководителям Армии справедливости. Эта плеяда борцов стала носителем идей феодально-дворянского национализма.

Вместе с тем развитие борьбы «Ыйбён» в начале нынешнего века, в условиях «пробуждения Азии» и связи корейских патриотов с революционной Россией, наличие отрядов, возглавлявшихся выходцами из народа — представителями и выразителями интересов трудящихся, большая популярность этих борцов в массах оказали сильное и непосредственное влияние и на дворянских руководителей «Ыйбён». Борясь против захвата страны Японией, они вместе с тем выступали и против социальной опоры колонизаторов, их корейских пособников — феодально-помещичьей верхушки, активно помогавшей порабощению страны. Волна массового движения вовлекала и наиболее прогрессивных дворянских руководителей «Ыйбён» в борьбу против произвола помещиков и бесчинствующих чиновников, за демократические требования.

Социальная струя движения в ряде районов достигла значительной силы, особенно в районах, где отрядами руководили вернувшиеся из России революционно настроенные корейские деятели. Там нередко были случаи наделения крестьян землей, сбора с богатых крестьян денежных взносов, изъятия у них риса, нападения на усадьбы наиболее ненавистных помещиков и чиновников и т. п.

Следующим поколением корейских борцов за независимость и демократию правомерно считать деятелей культурно-просветительского движения, хотя последнее развивалось во времени почти параллельно с борьбой «Ыйбён» и своими корнями тоже уходило в корейскую старину. Его организации пропагандировали идеи национальной независимости, призывали к развитию национальной промышленности и культуры, к отмене старых феодальных институтов, к демократизации корейской государственности. В силу своей классовой природы идеологи и руководители культурно-просветительского движения боялись массовой народной борьбы и социальных требований трудящихся, тем более что многие из них в той или иной мере были связаны с феодальным землевладением. Но при всем том реформаторское культурно-просветительское движение имело для своего времени большое прогрессивное значение. Пропаганда идей независимости, суверенитета, прогресса нации, приобщения к мировой культуре, критика средневековых традиций будили национальное самосознание народа, способствовали активизации народной борьбы, которой сами просветители не хотели и боялись.

В целом это был тот буржуазный национализм, который на заре капиталистического развития имел прогрессивное содержание. Его посетители, идеологи, пропагандисты составляли славную плеяду борцов за независимость и демократию: По происхождению — преимущественно мелкопоместные янбаны, по положению — представители интеллигенции, они по своей сущности выражали интересы нарождающейся корейской буржуазии.

Говоря о прогрессивности этого поколения борцов за независимость, следует вспомнить, что ленинские идеи связи революционных поколений содержат обязательность, неизменность требования проводить принципиальное различие между пролетарской и буржуазной демократией.

Это, разумеется, обязательное условие для оценки предшественников корейских революционеров. Революционность руководителей «Ыйбён» или деятелей культурно-просветительского движения и революционность рабочих и крестьян и их авангарда — явления принци-

пийально рэзлйчны. И смена поколений революционеров шла не по прямой, а в борьбе и противоречиях.

Чрезвычайно важно то, что под влиянием русской революции 1905—1907 гг. в среде руководителей культурно-просветительского движения усилился процесс дифференциации. Выделилось ядро просветителей, непосредственно включившихся в активную вооруженную борьбу, оказывавших влияние и на движение «Ыйбён». Это были еще не революционеры-марксисты (некоторые стали ими впоследствии, например Ли Донхви, Хон Бом-до). Видимо, правомерно считать их ближайшими предшественниками коммунистов Кореи.

В целом борьба руководителей и участников двух крупнейших потоков корейского освободительного движения начала нашего века — «Ыйбён» и культурно-просветительского движения — не пропала даром. Она обогатила корейский народ и последующее поколение революционеров славными традициями освободительной борьбы.

В начале XX в. корейский рабочий класс фактически только зарождался. Его формирование в колониальных условиях проходило мучительно и противоречиво. После победы Октябрьской революции в России процесс политического созревания пролетариата Кореи, как и других стран, был ускорен и облегчен.

Корейский рабочий класс получил возможность опереться на научную теорию освободительного движения — марксизм-ленинизм, под знаменем которого победила Октябрьская революция, на опыт рабочего класса России.

Традиции прошлого, как известно, оборачиваются порой и своими негативными чертами или становятся таковыми в новых условиях. Методы и формы борьбы, требования и задачи, рожденные конкретно-исторической обстановкой предшествующих периодов, в качественно новых условиях способны дать и ядовитые всходы. В освободительном движении корейского народа, как и многих других, одним из таких негативных последствий героической в целом деятельности предшествующих поколений борцов стал национализм.

Конечно, этот вопрос — о преемственности революционных поколений — нельзя рассматривать попутно. Он требует специального исследования. Составной, очень

важной и интересной его частью, как нам представляется, может стать проблема связей корейских борцов за независимость и свободу с революционерами других стран, в первую очередь России.

Особенно тесными и действенными эти связи стали после Октябрьской революции. Как известно, героическая борьба советских людей в годы гражданской войны, проходившей и у границ Кореи, оказала огромное влияние на ее народ. Многие корейские интернационалисты участвовали в этой борьбе рука об руку с рабочими и крестьянами России.

Специальное исследование проблемы революционных поколений для анализа субъективного фактора корейской революции чрезвычайно важно. Выше говорилось, что он отставал от объективных условий. И в то же время мы видим, что именно рабочий класс, коммунисты, воссоздавшие партию уже в процессе самой революции (август — сентябрь 1945 г.), возглавили в Корее преобразование общества.

Как же это могло произойти? Не противоречит ли опыт Кореи марксистско-ленинскому положению об обязательной зрелости субъективного фактора революции? Нет, не противоречит. Его состояние и зрелость можно оценить правильно, рассматривая их не только в национальном, но и в интернациональном плане.

В новых международных условиях, характеризующихся резким повышением авторитета международного рабочего класса, коммунистов, их идеологии и практики, и в благоприятных внутренних условиях Кореи, которую освободила армия социалистического государства, оказавшая непосредственную помощь в северной части страны ее национальным коммунистическим силам, отставание субъективного фактора корейской революции было радикально и быстро преодолено.

Это оказалось возможным при союзе внутренних революционных сил Кореи с силами интернациональными, в первую очередь с социалистической системой, с Советским государством. В этом смысле правомерно говорить об интернациональном характере субъективного фактора корейской революции. Иными словами, Корея явила пример того, как слабость этого фактора, недостаточная организованность класса-авангарда в национальном масштабе в новых условиях могут быть вос-

полнены его союзом с международным пролетариатом, с социалистической системой.

При решающей помощи Советского государства и наличии необходимой внутренней обстановки Корея была освобождена от японского империалистического господства. В специфических условиях Кореи — колониальной страны — революционная ситуация создавала объективную основу для ломки старых порядков, для революционного преобразования общества. Но на каких началах? На каком пути? Характер социальной революции, в которую перерастала национально-освободительная, определялся назревшими объективными требованиями общественного развития и субъективными возможностями.

Рассматривая вопрос о характере корейской революции и ее развитии, хотелось бы обратить внимание еще на одно обстоятельство. Незыблемо, безусловно обязательно для революции в любой стране ленинское предупреждение об опасности забегаания вперед, перепрыгивания через непройденные этапы. Современная практика, связанная с авантюристическим курсом маоистов в мировом освободительном движении, еще раз доказала это весьма наглядно. Вместе с тем правомерно поставить вопрос: обязательна ли в таких странах, как Корея, где капитализм хотя и был сравнительно развит, но не достиг высших форм, буржуазно-демократическая революция? Или первоочередные, общедемократические, антиимпериалистические и антифеодальные задачи могут решаться в рамках единого революционного процесса на его первом этапе?

Революция в Северной Корее с самого начала содержала антикапиталистические черты, углублявшиеся вместе с развитием революции. На первом ее этапе осуществлялись главным образом общедемократические задачи, при этом некоторые преобразования (национализация) приобрели социалистический характер. На втором этапе решались уже социалистические задачи, хотя одновременно доводились до конца и общедемократические, особенно связанные с ликвидацией последствий колониализма. Перерастание первого этапа во второй, проходившее при целенаправленном руководстве коммунистов, учитывавших объективные требования переживаемого момента и опиравшихся на знание

законов общественного развития, осуществлялось постепенно, последовательно, в мирных формах и, естественно, не требовало новой революционной ситуации.

Иными словами, опыт Северной Кореи — одно из свидетельств возможности приобщения к социализму стран, миновавших стадию развитого капитализма, не через буржуазно-демократическую революцию, перерастающую затем (при наличии новой революционной ситуации) в социалистическую, а в форме народно-демократической революции, руководимой пролетариатом, и содержащей два этапа — общедемократический и непосредственно социалистический. При этом задачи обоих этапов переплетены.

Революция развернулась не только в Северной Корее, а и во всей стране. Ее внутренние предпосылки созрели и в Южной Корее. Что же касается внешнего фактора, то, хотя на Юг не вступила Советская Армия, факт разгрома при ее решающей роли японского милитаризма, социальная природа освободителя оказывали огромное воздействие на широкие народные массы Юга. Но империализм США помешал в Южной Корее перерастанию революционной ситуации в победоносную революцию, прервал процесс этого перерастания, экспортировал туда контрреволюцию.

О том, как это происходило, я и попытаюсь в меру своих возможностей рассказать.

Ликующая Корея. Углубление революции.
Создание южнокорейских
народных комитетов

В дни войны с Японией мы были изолированы от внешнего мира. Выход в город запрещен. Радиоприемники изъяты. Территория консульства оцеплена полицейскими и жандармами. Они по-хозяйски расположились в большом консульском парке. Один из жандармских чиновников, Маямото, говоривший по-русски (с разными поручениями местных властей он и ранее заходил в консульство — тогда он старался изобразить себя «просвещенным либералом», сторонником добрососедских отношений с нашей страной), буквально оскалил волчью пасть. С нескрываемой злобой и садистским удовольствием, растягивая изуродованные русские слова, он по несколько раз в день повторял, что вот-вот всех сотрудников консульства и их семьи отправят морем в Токио, но так как «море заполнено советскими минами», то, конечно, добраться до Токио не удастся. (Когда осенью 1941 г. семьи сотрудников консульства СССР возвращались из Кореи на родину, мы вместо 10—12 часов добирались из Чхонджина до Владивостока четверо суток; команда японского корабля, на котором мы плыли, тоже объясняла это наличием «советских мин», из-за которых «приходится кружить по морю», и все время пугала, что корабль на них подорвется.) «Погибнете от собственных мин», — предрекал Маямото. При этом он долго, хрипло смеялся. «Хлопот поездка вам не доставит. Вещи брать с собой не нужно, они уже вам ни к чему», — забавлялся жандарм. И детей дразнил: «Оставьте игрушки здесь или будете ими

рыбок кормить?» — «Не оставляю здесь и рыбкам не отдам, — парировала Наташа, дочь секретаря консульства, один из самых маленьких членов нашего коллектива. — Возьму в Москву своих кукол».

Маямото ужасно злило, что никто из нас не проявлял ни беспокойства, ни интереса к его словам — все старались скрыть, как нам тяжело и тревожно. Никто не сомневался, что если нас действительно отправят в Японию, то скорее всего потопят в море и свалят вину на «наши мины».

Нелегкими были для нас эти дни. Но все без исключения, в том числе и дети, которые как-то сразу заметно повзрослели, держались спокойно и с достоинством.

15 августа 1945 г. Маямото оповестил всех, что приехали «большие чины» из генерал-губернаторства с важным сообщением. При этом он торопился сказать каждому, что сообщение будет очень приятным и радостным. Никто, конечно, ему не поверил. В первый момент многие из нас подумали, что сообщат об отправке в Токио. Но на этот раз жандарм не соврал.

Все собрались в «Белом зале» консульства. Пытаясь скрыть ярость, злобно и угодливо улыбаясь, чиновник генерал-губернаторства сообщил, что по велению микадо Япония пошла на «великодушный акт капитуляции».

Нужно ли искать и можно ли найти слова, хотя бы приблизительно рассказывающие, как много мы в те минуты пережили!

Сразу же включили, настроили на разные волны возвращенные нам радиоприемники. Главное — узнать, что происходит дома, в Союзе, что произошло на советско-японском фронте. Где наша армия? Мы ведь ничего этого не знали.

А происходило вот что.

В ночь на 9 августа по приказу Ставки Верховного Главнокомандования советские войска на Дальнем Востоке во взаимодействии с Народной армией МНР перешли в наступление, полные решимости приблизить мир, избавить человечество от дальнейших жертв и страданий войны, помочь китайскому, корейскому и другим народам Восточной и Юго-Восточной Азии освободиться от японского империалистического гнета.

Наша армия развивала наступление на суше, на море и в воздухе. В то время как войска Забайкаль-

Встреча советских воинов-освободителей
(август 1945 г.)

ского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, сломив упорное сопротивление японской армии и прорвав сильно укрепленную оборонительную линию, вели наступление в глубь Маньчжурии, освобождая ее города и села, моряки Тихоокеанского флота развивали боевые действия в Северной Корее, на Курильских островах и на Сахалине. После бомбардировки с воздуха и артиллерийского обстрела с моря десанты морской пехоты высадились на побережье Северной Кореи. При поддержке военно-морского флота войска 1-го Дальневосточного фронта прорвали японские укрепления на советско-корейской границе и двинулись в глубь Кореи.

12 августа были освобождены от японских оккупантов города и порты Унги и Наджин, а вслед за ними — военно-морская база и центр металлургической промышленности Кореи Чхонджин.

Мне довелось побывать в тех местах в 1940 г. Остался в памяти суровый облик военной казармы, в которую превратили эти города. В Наджине также бы-

ла расположена японская морская и авиационная база. Чхонджин потрясал скученностью, нищетой рабочих кварталов, раскинувшихся на окраинах.

Эти города первыми встретили своих освободителей.

Итак, в то время, когда японские жандармы и полицейские, разгуливавшие с видом победителей по консульскому парку, пытались нас уверить, что войска Японии «громят» нашу армию, советские воины — моряки и пехотинцы — освобождали города и села Китая и Северной Кореи. (Как известно, войска США и Англии в боях против японских вооруженных сил в Маньчжурии и Корее не принимали участия.)

Торжественно и радостно встречала благодарная Корея своих освободителей — Советскую Армию и участвовавших вместе с ней в разгроме японского милитаризма корейских партизан. Участник этих героических событий, член Военного совета 25-й армии генерал-майор Н. Г. Лебедев в своих воспоминаниях об этих первых волнующих встречах советских воинов с корейским населением пишет: «Жители радостно приветствовали Красную Армию. Повсюду можно было видеть группы оживленно беседующих советских бойцов и местных жителей. Незнание языка не служило препятствием — все мы прекрасно понимали наших корейских друзей, радость освобождения, чувство благодарности советским воинам, принесшим им это освобождение. И мы видели, что корейцы тоже хорошо понимают нашу радость от сознания исполненного долга, наши искренние дружеские чувства к ним¹.

Опубликованы интересные воспоминания М. А. Бабикова и Г. В. Терновского (получивших за проявленные в этих операциях отвагу и мужество звание Героев Советского Союза²) о высадке десантов морской пехоты в портах Унги, Наджин, Чхонджин, Вонсан.

Нелегкой была борьба советских воинов против милитаристской Японии.

Не парадным маршем шли они и по дорогам Кореи.

¹ Н. Г. Лебедев, Заря свободы над Кореей, — «Во имя дружбы с народом Кореи», М., 1965, стр. 19.

² См. М. А. Бабиков, Морские разведчики, Г. В. Терновский, Освобождение портов Северной Кореи, — «Во имя дружбы с народом Кореи»; М. А. Бабиков, На Восточном берегу (Рассказы бывалых людей), М., 1969.

Немало советских людей отдали жизнь за ее свободу. Соединения одной только 25-й армии потеряли в военных действиях против японских войск 4717 человек, из них около 1500 убитыми.

После капитуляции Японии о подвиге советских людей с благодарностью и восхищением говорили корейские товарищи. Они понимали, какой ценой было достигнуто освобождение народа Кореи и многих народов Европы и Азии.

О советских героях и героинях слагались песни и легенды. Медицинская сестра Мария Цуканова попала в районе Чхонджина со своей частью десантников в окружение. Более 40 раненых вынесла она с поля боя, но и сама была тяжело ранена. Ее схватили японские солдаты. Пытаясь выяснить состав и расположение десанта, они зверски пытали девушку. Мария не проронила ни слова (об этом рассказали позднее пленные японские солдаты), и палачи изрубили ее на куски. Мария Цуканова посмертно удостоена звания Героя Советского Союза. Много других свидетельств нестигаемого мужества советских людей сохранила летопись освобождения Кореи.

Подвиг Александра Матросова повторил на корейской земле младший сержант Александр Фирсов, закрывший своим телом амбразуру дота. Героически погибли за свободу Кореи старший сержант Иван Зубаров и красноармеец Михаил Диких. Осколками снарядов пробиты их партийные билеты. А тихоокеанский летчик младший лейтенант Михаил Янко вместе с воздушным стрелком Иваном Бабкиным повторил в небе Кореи подвиг Николая Гастелло. «Огненным человеком» называли его местные жители.

На горе Моранбон в Пхеньяне воздвигнут обелиск. На нем высечены слова: «Великий советский народ разгромил японских империалистов и освободил корейский народ. Кровью, пролитой советскими воинами при освобождении Кореи, еще больше укрепились узы дружбы между корейским и советским народами. В знак всенародной благодарности воздвигнут этот памятник».

Во многих других городах Северной Кореи ее народ тоже поставил памятники своим освободителям. Эти величавые монументы напоминают о великой силе интернационального братства.

Имена героев чтут и у нас в стране, и в Корейской Народно-Демократической Республике. Тем не менее историки и литераторы еще в большом долгу перед участниками освобождения Кореи, перед читателями, которые хотят знать этих славных героев-интернационалистов и воздать им должное.

Хотя 15 августа 1945 г. японский император и заявил о безоговорочной капитуляции Японии, однако приказа о прекращении военных действий отдано не было; японские вооруженные силы не только продолжали ожесточенно сопротивляться, но и в ряде мест перешли к контратакам. Советская Армия, в кровопролитных боях освобождая города и деревни Северо-Восточного Китая и Кореи, не допускала уничтожения их японской военщиной.

После безуспешных контратак Квантунская армия сложила оружие. 2 сентября 1945 г. японское правительство было вынуждено подписать акт о безоговорочной капитуляции. В соответствии с решением Берлинской конференции великих держав (лето 1945 г.) Корея была временно разделена на две зоны: зону ответственности Советской Армии (к северу от 38-й параллели) и зону ответственности американских войск (к югу от 38-й параллели). В зону ответственности Советской Армии вошли провинции Северная и Южная Хамгён, Северная и Южная Пхёнан, почти вся провинция Хванхэ, северная половина провинции Канвон и небольшая часть провинции Кёнги. Общая их площадь составляла более 120 тыс. кв. км. В зону ответственности американской армии вошли Северная и Южная Чхунчхон, Северная и Южная Кёнсан, Северная и Южная Чолла, половина провинции Канвон и большая часть провинции Кёнги. Общая площадь — 100 тыс. кв. км. Это разделение имело сугубо временный характер. Единственной целью являлось принятие капитуляции японских войск. В задачи командования СССР и США входило обеспечение быстрого разоружения и эвакуации из Кореи всех японских войск, полиции и жандармерии, упразднение японского колониального аппарата.

Армия СССР с первых же дней пребывания в Корее неуклонно выполняла эти задачи, тем самым создавая благоприятные условия для обеспечения национальной независимости и социального прогресса страны, для по-

Памятник — обелиск на горе Моранбон в Пхеньяне
в честь советских воинов-освободителей

бедоносного развития народно-демократической революции, развернувшейся в Корее и выросшей из революционной ситуации.

При решающей роли Советского государства и его вооруженных сил рухнуло японское колониальное господство в Корее, она отпала от колониальной системы. Была решена национально-освободительная задача революции. В северной части страны, где находились советские войска, они создали корейским народным массам благоприятные условия для ломки старых реакционных порядков, для перерастания национально-освободительной революции в народно-демократическую.

В Обращении к корейскому народу командующий находившейся в Северной Корее 25-й армией генерал-полковник И. М. Чистяков писал: «Корея стала свободной, но это лишь первая страница в истории новой Кореи. Подобно тому как цветущий сад — результат стараний и забот человека, так и счастье Кореи может быть достигнуто только стараниями корейского народа... Граждане Кореи, запомните, счастье в ваших руках. Вы получили свободу и независимость, и теперь ваша судьба зависит только от вас самих. Советская Армия создала все условия для свободного созидательного труда корейского народа. Корейский народ должен сам стать творцом своего счастья». В Обращении содержался призыв к рабочим проявлять патриотизм, героизм и усердие в труде — одно из славных национальных качеств корейского народа. Всех трудящихся оно звало упорной работой добиваться развития корейской экономики и культуры. Владельцев заводов, фабрик, мастерских, торговцев призывало восстанавливать разрушенные японской военщиной предприятия, открывать новые, гарантируя охрану и помощь в их создании. Тем самым опровергались распространяемые реакционерами слухи, будто у предпринимателей и торговцев будут конфискованы частные предприятия и магазины, запрещена предпринимательская деятельность и частная торговля.

Исходя из целей и задач армии-освободительницы, Советская Армия создала в своей зоне ответственности все условия для строительства новой жизни в соответствии с интересами и стремлениями корейских народных масс.

Были разрешены создание и деятельность демократических организаций, гарантированы свобода слова, печати, собраний.

Советскими войсками были разоружены находившиеся в северной части страны остатки японской армии, в чрезвычайно короткие сроки осуществлена ломка колониального аппарата. Наряду с ликвидацией органов японской администрации на Севере были уничтожены основы экономического господства японского империализма.

Вся крупная промышленность, шахты, рудники, транспорт, средства связи, банки, принадлежавшие японцам, были взяты под контроль и управление гражданской администрации, созданной при командующем советскими войсками. Армия Советского государства сохранила национальное достояние Кореи, чтобы вернуть его законному владельцу — народу — и созданной им демократической власти; она не только приняла меры, чтобы сохранить, уберечь это достояние, но и всячески содействовала возрождению и развитию национальной экономики и культуры.

В таких условиях в Северной Корее развивалась народно-демократическая революция, во главе которой шел рабочий класс и его авангард — коммунисты. Под их руководством в городах и деревнях создавались народные комитеты, представлявшие собой власть трудящихся, огромного большинства народа под руководством рабочего класса, блок всех патриотических сил страны. Основой, фундаментом этого блока стал союз рабочих и крестьян. Одновременно создавались политические партии и общественные организации.

В октябре 1945 г. был избран руководящий центр коммунистической партии Северной Кореи, возглавившей революционное преобразование северокорейского общества.

Хотя оно происходило в условиях острой классовой борьбы и сопротивления реакционных антинародных сил, контрреволюция в Северной Корее не смогла сорганизоваться, объединиться и активно выступить против революции. Силы реакции там были парализованы пребыванием Советской Армии, поддержкой, которую она оказывала демократическому движению масс.

Революция развернулась и в Южной Корее — ведь

внутренние ее предпосылки сложились и там. Но условия оказались совершенно иными, чрезвычайно трудными и неблагоприятными для перерастания революционной ситуации в революцию.

Попробую воспроизвести по порядку ход событий в Южной Корее. (Приводимые мною материалы частично извлечены из сеульских газет того времени, частично — из рассказов непосредственных участников событий.)

15 августа, после объявления рескрипта императора о капитуляции Японии, генерал-губернатор Абэ Нобуюки, опасаясь вооруженного восстания масс, вызвал на совет своих испытанных, верных союзников, в частности Ким Сонсу. Всех их мучил один вопрос: как быть дальше? Ведь Япония вынуждена оставить Корею. Видимо еще недостаточно уяснив серьезность разразившейся катастрофы, Ким Сонсу и Чан Бэксу посоветовали использовать старые приемы — «развернуть в стране движение за автономию и заняться просвещением народа».

Понимая, что в сложившейся обстановке такими мерами не предотвратить развития революционных событий, что сами «советники» скомпрометированы в глазах народа, японские руководители пригласили к себе видного демократического деятеля Ё Унхёна и попросили взять на себя «руководство поддержанием общественного порядка». Мотивировалось это тем, что Япония «уходит» из Кореи, но имеется опасность инцидентов между японцами и корейцами. Это-де нужно предотвратить.

Ё Унхён от имени демократической общественности потребовал предварительного выполнения следующих условий: обеспечения народу политических свобод (слова, печати, собраний, организаций), немедленного освобождения политических заключенных, обеспечения населения продовольствием не менее чем на три месяца, создания из корейцев отрядов охраны общественного спокойствия.

Японские чиновники заявили, что принимают эти условия.

15 августа Сеул как будто замер.

Население, конечно, знало о капитуляции Японии, но многие не решались поверить. Ждали. С настороженной радостью, с надеждой. А на следующий день

все прорвалось. Бурными, неумными волнами счастья. Они буквально захлестнули город, страну.

Постараюсь восстановить по записям в дневниках некоторые картины тех незабываемых дней.

16 августа

Сколько сразу обрушилось событий, впечатлений, переживаний! Трудно свыкнуться с мыслью, что все вокруг коренным образом изменилось.

Утром ушла в город. Его не узнать. Вчера пустынный, затихший, Сеул преобразился, многолюдный поток затопил площади, улицы, переулки.

Большинство в белых праздничных нарядах, и кажется, что колышется и бурлит безбрежное белое море. На зданиях домов национальные корейские флаги, красные полотнища, советские флаги. Многие несут их в руках. Извлекли из тайников, где хранили долгие годы.

Несут транспаранты, на разноцветных полотнах лозунги написаны по-корейски и по-русски:

«Добро пожаловать, советское войско!», «Спасибо Советской Армии, спасибо Сталину!», «Ура Красной Армии!», «Рады, ждем, благодарим!» — напоминая текст личной телеграммы, гласит один из лозунгов.

Группа студентов несет большое алое полотнище, на нем по-корейски и по-русски написано: «Спасибо великому Советскому Союзу и его армии-освободительнице». Неправильно написанные буквы и слова, но сколько в них искренней, большой благодарности.

У некоторых в руках небольшие портреты Ленина и Сталина. Когда успели подготовить? Словно знали.

Кое-где развеваются флаги союзников.

На одну из самых больших улиц — Чонно (Сёро по-японски) — не удалось пробиться. Вернулась в консульство. Ворота открыты. И ровными рядами, нескончаемым потоком поднимаются к зданию консульства колонны демонстрантов. Я оказалась в одной из них, иначе не смогла бы попасть домой. На большой веранде все наши, взволнованные, счастливые.

Вот медленно подходит группа пожилых корейцев, некоторых несут на руках, так они дряхлы. На всех старинные национальные одежды. Вперед выходит невысокий кореец. Его бережно поддерживают двое других.

Он говорит медленно, торжественно, тихо: «Мы пришли сюда, чтобы передать великое спасибо советскому народу и его правительству от имени корейской нации». На глазах крупные слезы; старый человек и не пытается ни скрыть, ни сдержать их. Впрочем, увлажненные глаза в эти дни можно было видеть у многих.

Подходят новые колонны. Иногда молчаливо выражают свою признательность, низко поклонившись и сложив по восточному обычаю руки. Но чаще — бурно, разноголосым «Ура!», «Мансе!». Многие, особенно молодые, подбегали к сотрудникам консульства, пожимали руки. «Спасибо, спасибо, спасибо советскому народу!» — проскандировала по-русски группа студентов.

С одной из колонн демонстрантов снова выбралась в город. Недалеко от дома ко мне подошли трое молодых корейцев. «Вы из советского консульства? Когда Красная Армия придет в Сеул? Говорят, сегодня вечером. Это правда?» Словно я что-нибудь знала об этом.

«Вы куда направляетесь? Пойдемте вместе, — предложил один из моих новых знакомых, сносно говоривший по-русски. — Здесь много переодетых полицейских-японцев». Я с радостью согласилась. Он оказался студентом коммерческого училища. Просил называть его «товарищ Хан». Хотели пойти к вокзалу, но пробиться сквозь плотную людскую стену оказалось невозможным. Направились к тюрьме в районе Содэmun.

С 10 часов утра в Сеуле началось освобождение политзаключенных (Абэ был вынужден выполнить это обещание). Более тысячи патриотов томились в страшных застенках содэmunской тюрьмы. Людской поток вынес нас на тюремный двор, куда из камер выводили заключенных. Японская стража соответственно договоренности корейской общественности с японскими властями была обязана предупредить каждого узника, что его освобождают, однако это не было сделано. И те не понимали, куда их ведут, что происходит, почему вокруг столько людей.

Многие из освобожденных не узнавали своих близких, с раннего утра дежуривших возле тюрьмы, отбивались от их объятий.

Надрывно кричал высокий старик, отталкивая жен-

щину и юношу, которые бросились ему на шею. Впрочем, старик ли? Я не видела среди освобожденных ни одного молодого. Истощенные, землисто-темные лица казались удивительно похожими, одинаково больными и какими-то безжизненными. Только глаза, воспаленные, яркие, жили, говорили, спрашивали.

Вот женщина и трое детишек с криками радости подбежали к сгорбленному, выведенному под руки человеку. Он удивленно смотрел на них, отстранялся. А рядом смеялась и плакала мать, с трудом узнавшая в изувеченном старике юношу сына. Она его обнимала, гладила и одновременно рассказывала окружающим, что он совсем молодой — был мальчиком, когда забрали. Я не поняла: так ли состарился за короткое время, так ли много лет провел в тюрьме?

А скольких вынесли на руках, сами двигаться они не могли.

Непонятно, каким образом в разных местах тюремного двора и за его стенами выросли импровизированные трибуны и стихийно вспыхнули митинги. О чем говорили ораторы? Главное — о том, что Корея свободна. Приведу слова одного из них: «Голодом и жаждой, пытками и провокациями полицейские пытались нас сломить. Одного они нас не смогли лишить — общения. Мы друг друга поддерживали, подбадривали, друг у друга учились. Физически мы слабели, а морально, идейно закалялись».

Кто-то запел национальный корейский гимн. Его подхватили сотни голосов. Потом зазвучала, сначала тихо, затем громче и увереннее, мелодия «Интернационала». Слов не знали.

Хмуро взирала на происходящее японская стража.

Возле тюрьмы множество рикш. Они наперебой предлагали свои услуги. «Отвезем домой, денег не надо. Мы вель понимаем, что их у вас нет», — обратился один из них к кореянке с детьми, видимо встретившей своего кормильца.

А некоторых освобожденных не встретил никто. Но их не оставляли одних; их сразу окружали незнакомые люди, приглашая к себе.

Мы тоже подошли к одному из таких одиноких узников. Он был изможден, с трудом держался на ногах, но глаза светились счастьем. Товарищ Хан спросил, где

он живет, куда проводить. Но он прервал: «Нет, сначала я буду спрашивать, а потом рассказывать. Объясните, что происходит в Корее?».

Хан начал объяснять. Нас сразу окружили десятки людей. Рассказ превратился в страстную, пламенную речь, беседа переросла в митинг. «Мансе, мансе, мансе!» — раздавалось со всех сторон.

Хотелось узнать, за что же отбывали наказание вышедшие на свободу люди. Обратилась к одному из них и сразу почувствовала, как сейчас, в эти минуты неуместен такой вопрос. Впрочем, кто-то ответил: «За то, чтобы наступил этот день освобождения».

Речи, песни, слезы, объятия — все слилось воедино.

Выбрались на улицу с трудом. Там стало еще теснее. Через каждые 200—300 метров — митинги.

По всему городу продолжались демонстрации.

Усталая, потрясенная всем виденным и слышанным, очень счастливая, что привелось все это увидеть и услышать, я возвращалась в консульство. Недалеко от него столкнулась со странной процессией. На руках демонстранты несли консульского секретаря. Он растерянно улыбался, просил отпустить его, но безрезультатно. Так и внесли его в парк консульства.

Сеул ждал прихода советских войск. Непрерывно звонили телефоны. Из разных мест прибывали ходоки — «представители народа» (как они себя называли), чтобы выяснить, когда придет Советская Армия.

Отдохнула и снова пошла в город.

Вдоль улиц, ведущих к вокзалу, — тысячи людей. То и дело кто-нибудь сообщал новости. Запыхавшись, один из таких информаторов говорил, что стало достоверно известно о прибытии советских войск в 7 часов вечера. Все вокруг зашумели, заволновались, двинулись к вокзалу. Потом остановились. Новое известие: советские войска придут только завтра. Но домой никто не уходил, хотя дежурили здесь с самого утра.

К вечеру из труб зданий генерал-губернаторства и других японских учреждений повалил густой черный дым. Нетрудно догадаться, что колонизаторы пытались уничтожить следы своих преступлений в Корее. По городу разлетались обгоревшие клочки бумаг — секретных документов. Картина, ярко контрастирующая с праздничными демонстрациями.

Кто их организовал? Кто шел во главе? Трудно сказать. Коммунисты, видимо, только возвращались из тюрем и подполья. Их, конечно, было немало среди демонстрантов, среди, но пока не во главе. Похоже, что вся эта людская лавина поднялась стихийно.

А где же японцы? В этот день их не было видно. Затаились. На разгон демонстраций японская военщина не решалась. Видимо, боялась восстания народа.

Какой это был день! Какое же счастье выпало мне, нам всем, советским коммунистам, оказавшимся сейчас в Корее!

Стать свидетелями освобождения народа, истерзанного колониальным гнетом, знать, что свободу на эту землю принесла наша армия, наша страна. Сама залитая кровью, потерявшая в войне миллионы людей, испепеленная, но выстоявшая, победившая, освободившая многие другие страны и народы. Неужели когда-нибудь такое может забыться?

17 августа

Сегодня пошли в город втроем. Сначала хотели поехать на машине (когда на нашей улице короткое время не было демонстраций). Но не проехали и полукилометра, как десятки людей буквально облепили автомобиль. Снова слова благодарности, рукопожатия. И один и тот же вопрос: «Скоро ли придет в Сеул Советская Армия?» Когда возвращались, машину сопровождало множество людей. Пошли пешком. Все почти так же, как и вчера. Город ослепляет красками транспарантов, знамен, флажков, белизной праздничной национальной одежды, оглушает бурной радостью.

По сообщениям газет, во вчерашней демонстрации участвовало более 100 тыс. человек. Сегодня снова кажется, что весь Сеул вышел на улицы.

Ходили по городу, примыкая то к одной, то к другой группе демонстрантов.

Какая-то неуловимая тревога витала в воздухе. Долго не могли понять, в чем дело. На площади у генерал-губернаторства встретили товарища Хана и его друзей. Взволнованные, они рассказали, что в 4 часа утра японские солдаты и жандармы устроили резню в корейских районах. Есть жертвы. Ночью японцы снова захватили редакции газет (вчера печать перешла в руки корейской общественности) и установили усиленную

охрану всех важных объектов столицы (телеграф, телефон, радиостанции, банки).

На многих улицах появились японские патрули. «Пока они молчат и бездействуют, но все это — пока». Хан и его друзья были явно обеспокоены.

Мимо генерал-губернаторства непрерывным потоком шли демонстранты — не только не кланяясь, как это обязан был делать каждый проходивший здесь раньше, а высоко подняв головы. Впереди несут большое полотнище — национальный флаг. Много лозунгов: «Корея свободна! Да здравствует независимость Кореи!», «Свергнута ненавистная власть Японии!» и «Спасибо Советской Армии за освобождение!», «Спасибо армиям союзников!». Появились призывы: «Власть народу!».

К вечеру стало известно, что японские власти ввели в Сеуле и на всей территории Южной Кореи осадное положение, издали приказ о сосредоточении всей полноты власти в руках японской армии. Нарастают напряжение и тревога. А из труб японских учреждений по-прежнему летят пепел и обрывки сжигаемых бумаг. Черный дым стоит над городом.

Пролетело несколько самолетов. Все головы подняты вверх. Кто-то закричал: «Это советские самолеты! Ясно видим на крыльях звезды!» Зааплодировали, зашумели.

По улицам, где нет демонстраций, идут на юг военные грузовые машины. Японские власти перевозят на них продукты питания, товары, ценное оборудование для отправки в Японию.

Безмолвным свидетелем больших исторических событий довелось стать живописному тенистому парку, в котором расположено Генеральное консульство Советского Союза.

Здание консульства — одно из первых сооружений европейского типа в Сеуле. Оно построено в 1890 г. Много в парке напоминает о далеком прошлом. Например, сохранилась небольшая калитка, через которую корейский ван Коджон с наследным принцем тайно пробирались в 1896 г. в русскую дипломатическую миссию. Здесь они скрывались от японских ставленников, пытавшихся отстранить Коджона от власти.

В здании консульства тоже сохранились вещи, напоминавшие о продолжительном, почти годовом пребы-

вашии коронованного гостя. В числе их — большое кожаное кресло с прямой неудобной спинкой, чем-то похожее на трон. Но это лишь маленькие детали, напоминающие о прошлом.

В консульство и сегодня приходило много народа. Среди них рабочие, интеллигенты, крестьяне окрестных деревень. Одна группа долго не уходила, все расспрашивали, когда придут советские войска. Внизу, у ворот консульства, привратник Сай-сан (мы называли его Чхве-тонму — товарищ Чхве) встретился со своим земляком, призванным несколько месяцев назад в японскую армию. Тот рассказал, что корейским солдатам власти боялись доверить оружие. Выдавалось одно ружье на троих. Большинство же призванных в японскую армию корейцев снабжали лопатами и использовали на земляных работах. «Нас боялись японцы, — сказал он, — они понимали, что немало было среди корейских солдат таких, которые повернули бы ружья против императорской армии. Зачем нам, корейцам, война? Нам нужны независимость и мир. Разве мало мы работали на этих проклятых японских господ, чтобы за них еще воевать!».

Долго беседовали с земляком Чхве (позднее он несколько раз заходил в парк консульства, сидел на скамейке у волейбольной площадки). Чувствовалось, что парень о многом думает, хочет многое узнать. Появились другие знакомые. По городу обычно ходим большой группой. Разговор ведем на весьма причудливой смеси языков — русского, английского, корейского. А когда положение безвыходное и слов не хватает, переходим на японский. Активнейшая роль в разговоре принадлежит жестикуляции. Но понимаем друг друга, как мне кажется, правильно. Сегодня с нами ходили несколько молоденьких корейнок. Они говорили мало, только удивительно открыто и приветливо улыбались. Уж очень хороши!

На улице Асахи инчоме (Окчонгиль) произошел такой случай. Несколько человек подбежали к пожилому корейцу и стали что-то громко кричать. Сразу образовалась большая, очень шумная толпа. Наконец выяснилось. В нем узнали переодетого японца.

Рассказывают, что очень многие японцы ходят, переодевшись в корейское платье, стараются, чтобы их

не опознали. Боятся. Хотя власть — в руках японской полиции. Я тоже стала присматриваться. Действительно, некоторые кажутся не теми, за кого себя выдают. Затаенное беспокойство в глазах. Озираются.

Сегодня вечером город был безлюден.

22 августа

Несколько дней не вела записей. С утра в городе, а к вечеру от массы впечатлений и усталости валилась как сноп; даже говорить, а не то что записывать не было сил.

Продолжаются демонстрации в разных районах. Митинги, своеобразные летучие собрания. Часто они вспыхивают стихийно. Председательствует в таких случаях тот, кому первому удастся взобраться на трибуну. Выступают старые, молодые, рабочие, учителя, адвокаты, студенты, торговцы. Выговариваются за многие годы вынужденного молчания, замкнутости, подавленности. Вот уж подлинно бьет через край массовый «митинговый демократизм»!

По-прежнему главное требование, основная идея всех выступлений: Корея должна стать независимым, демократическим государством. Главное чувство, которое объединяет подавляющее большинство людей, — радость освобождения, благодарность освободителям.

Вместе с тем народные выступления заметно наполняются и новым содержанием. Все больше лозунгов о передаче власти народу, о поддержке народных комитетов. Об этом говорится и во многих листовках. Начинает чувствоваться организующая рука.

Вчера на митинге в районе Намдаймон (по-корейски Намдэmun) председатель объявил, что выступит коммунист товарищ Ким, работавший много лет в подполье. Кима встретили хорошо, слушали с интересом. Он говорил, что образован подготовительный комитет по воссозданию Коммунистической партии и разработана программа ее деятельности, что коммунисты, которые в трудные колониальные годы неизменно боролись за независимость страны и интересы трудящихся, призывают активно поддержать эту программу. О том же говорилось и в распространявшихся листовках. Ким и другие выступавшие рассказывали о создании народных комитетов, которые являются «первыми в истории Кореи органами власти народа».

Одно из зданий, где происходили собрания
общественных организаций Сеула

Пока не очень ясно, где и каким образом они создаются. Но само упоминание о народной власти вызывает бурную реакцию. Сегодня утром на митинге возле так называемого Народного дома раздавали листовки, призывавшие к созданию народных комитетов, к образованию профессиональных союзов и других массовых объединений. Их уже создано, по-видимому, очень много. Во всяком случае, большинство выступавших на митингах начинали свои речи с того, что говорят от имени такой-то организации. Тоже бурная ответная реакция на многолетний запрет иметь свои организации, на полное отсутствие политических свобод. Содержание программ этих организаций пока, как мне кажется, очень неопределенно. Но, судя по листовкам и выступлениям, цель они видят в создании независимого, демократического корейского государства.

А где же японцы? Генерал-губернаторство, полиция? На своих местах. По городу, «наблюдая за порядком», ходит японский патруль. Предпринять что-либо боится, хотя вряд ли считает порядком все происходящее вокруг. Японские власти пока молчат, но не бездействуют.

Без перерыва, днем и ночью продолжают двигаться на юг машины с продовольствием, товарами, оборудованием. Японские власти пытаются, причем на глазах у населения, вывезти все, что возможно. «Пусть увозят, лишь бы сами поскорее убирались вон», — рассуждают многие.

Но увозят не только это. Японские солдаты и офицеры, которые должны быть разоружены американской армией, разоружаются сами. Переодетые в гражданское платье, они спокойно отправляются в Японию, часто вместе с оружием. Ускользнули таким образом от возмездия и военные преступники.

А из труб вместе с черными клубами дыма продолжают лететь обуглившиеся клочки бумаг. Как-то на одной из улиц группа учеников пыталась прочитать их, определить, что уничтожают. К ним подошел полицейский, отнял бумажный мусор, разорвал на части, бросил. Учеников не задержал. А они, смеясь, разбежались. Впрочем, и так было известно, что сжигают. «Вы знаете, что в этих обгоревших бумажках? — говорил один из выступавших на митинге у магазина „Хвасин“. — Приказы об арестах и расстрелах корейских патриотов, циркуляры о проведении пыток, которых насчитывалось множество видов, донесения агентов тайного сыска, их списки. Колонизаторы превращают все это в пепел. Но не сжечь в наших сердцах ненависть к колониальному гнету».

Все присутствовавшие на митинге подняли в гневном порыве руки.

В центре и на окраине города неведомо откуда появилось множество передвижных кухонь-«обжорок». Возле них все время народ. Некоторые подолгу стоят, ничего не покупая. Жадно, голодными глазами смотрят на неприхотливый ассортимент: рис с приправой, соевый творог, жареную рыбу, лепешки. Более состоятельные иногда угощают этой снедью детей.

Совсем не встречаются корейцы, одетые в полувое-

ный костюм кокуфуку. Очень многие в национальных костюмах. Как они красивы и праздничны!

В городе спекуляция. Японские власти продают с государственных складов продукты питания и товары корейским оптовикам, те — розничным торговцам, а они — населению. На каждой ступеньке этой своеобразной лестницы оседает порядочная прибыль. Цены баснословно высокие.

В рынок превратился мирок бывших хозяев Кореи — японские кварталы, совсем недавно такие неприступные, респектабельные, дышавшие самодовольством и благополучием.

Возле домов разложены, расставлены, развешаны одежда, мебель, предметы обихода. Сверкают на солнце лаковые инкрустированные ширмы, картины, столики; рядом меха, сумки, посуда, разноцветные веера. Все, что можно, распродается. Владельцы собираются домой — в Японию. «Затосковали» по родине.

О том, что надо поторапливаться с отъездом, им ежедневно напоминают. Говорят, что с самого утра в дома, где живут японцы, в их магазины, парикмахерские, рестораны приходят делегации корейцев, требуя очистить город, устанавливая срок отъезда. Об этом рассказал мне зубной врач Хаяма-сан. Вчера пришлось к нему заехать — болел зуб. Хаяма встретил растерянно, как-то очень угодливо. Руки дрожат. Сразу сообщил: «Собираемся в Токио. Тянет домой». Многих «потянуло».

Любопытная деталь: при входе в зубо врачебный кабинет висит изречение: «Придешь сюда плача, уйдешь отсюда смеясь». Это для пациентов. Почему-то подумалось, что с самим Хаямой получилось наоборот. Пришел сюда, в этот дом, в страну, смеясь, а уходит плача.

На днях в районе улицы Чонно встретила жену богатого японского врача, владельца больницы. Она была одета в корейское платье. Японок, облаченных в корейское платье, очень много. Их выдают беспокойный взгляд, мелкие шажки.

Вчера мы с Ольгой Захаровной, переводчицей консульства, проходили по знаменитой своими многочисленными магазинами Хонмати (по-корейски эта шумная, узенькая улица называется Бончон). Нас остановил хозяин одного из книжных магазинов. Сюда мы не раз

заходили и раньше, но купить книгу, особенно о Корее, не удавалось: и хозяин магазина, и продавцы (все они корейцы), завидя нас, нервничали, старались поскорее выпроводить: «Очень сожалеем, но книг о Корее нет. О технике, медицине — пожалуйста». В последние месяцы мы вообще не заходили в этот магазин. И вдруг — владелец магазина радушно, приветливо приглашает зайти. Разговор ведет не по-японски, а по-английски. И он, и продавцы в корейских национальных костюмах. На стене лозунги: «Да здравствует независимость Кореи!», «Убирайтесь из Кореи, колонизаторы!», и какие-то еще.

«Вы ведь интересуетесь историей Кореи? — обратился к нам владелец магазина. — Могу предложить интереснейшие книги». Это были действительно издания уникальные. Ранее они хранились в секретных архивах генерал-губернаторства. Особенно много — о национально-освободительном движении, точнее, о методах его подавления. В числе этих книг были «Тёсэн кэйсацу» («Корейская полиция»), Сеул, 1938, «Кото кэйсацу ёго дзитэн» («Словарь тайной полиции»), Сеул, 1935; «Сисо ихо» («Идеологический вестник»), Сеул, 1934, 1936, 1937, 1938 гг., серия закрытых работ, подготовленных Комиссией по изучению чрезвычайных мер генерал-губернаторства Кореи, и др. (с начала века до 40-х годов).

В магазине встретили преподавателя юридического колледжа товарища Хо. Он приобрел несколько экземпляров «Вестника суда и прокуратуры». Тут же листал их и все повторял: «Нужно, чтобы все знали, как нас обманывали, как мучили наших лучших людей». Вначале я не могла понять, каким образом такие издания попали в корейский книжный магазин. Это объяснил Хо, с которым мы вместе вышли из магазина. Все, оказывается, очень просто. Служащие генерал-губернаторства, полицейские, которым было вменено в обязанность сжечь компрометирующие колонизаторов издания, предпочли продать их владельцам книжных магазинов, а те — за солидную цену покупателям. И вот эти никак не рассчитанные на читателя закрытые издания, обнажающие методы колониального господства в Корее, неожиданно стали доступны.

В другом книжном магазине, на улице Чонно, хозяин

показал нам, хотя и отказался продать, совсем особого рода книгу. Как свидетельствовали название и первые страницы текста, она была посвящена восточной медицине. Однако вперемежку со страницами, касающимися медицины, в ней содержался перевод работы В. И. Ленина «Что делать?». Владелец магазина рассказал, что в начале 1940 г. эта книга широко распространялась среди корейских революционеров и что таким же образом издавались и другие ленинские работы. Даже в самые трудные колониальные годы передовая Корея знала, читала и изучала Ленина.

«Вы, конечно, понимаете, что продать эту книгу я не могу. Когда-нибудь отдам ее в народную библиотеку». Владелец магазина пригласил заходить почаще. Обещал подобрать книги по истории Кореи.

В городе заметно больше стало полицейских, патрулирующих по улицам.

Вечером Сеул пустеет.

Все-таки осадное положение.

Двоевластие

В таких сложных, противоречивых условиях в Южной Корее развивалась революция. Созданный колонизаторами государственный аппарат, оружие, полиция, печать, а также все, что является командными высотами в экономике (предприятия, транспорт, финансы), оставались в руках капитулировавших, но пока не ушедших из Южной Кореи японских империалистов. Однако они не решались привести в действие возможности, которыми располагали, боялись направить силу колониального прошлого, временно сохранявшуюся у них, против силы народной, соединяющей демократизм и патриотизм широких южнокорейских масс. Эти силы будущего пока не имели ни материальной базы, ни оружия. Отряды охраны общественного спокойствия были оснащены деревянными ружьями. Но постепенно народные комитеты становились фактическими хозяевами Южной Кореи. Они все более решительно боролись за власть. Как сообщалось в листовках, прокламациях, в выступлениях демократических деятелей на митингах, народные комитеты в ряде мест захватили в свои руки

фабрики и заводы, принадлежавшие японцам. На многих предприятиях, шахтах, в органах связи они установили рабочий контроль, повысили заработную плату рабочим и служащим. В одной из листовок сообщалось, что в Инчхоне и других промышленных городах на ряде предприятий народные комитеты, состоящие главным образом из рабочих, прогнали японских директоров и управляющих (кого вместо них поставили, в чьи руки перешло руководство предприятиями,— не было сказано; вообще многое неясно не только читателям, но, по-видимому, и авторам листовок и прокламаций).

В рабочих центрах народные комитеты нередко брали на себя снабжение жителей продовольствием.

В деревнях они потребовали снижения арендной платы до 30% урожая и в ряде случаев этого добились. В листовках сообщалось, что народные комитеты изгоняют наиболее злобствовавших управляющих, запрещают помещикам сгонять арендаторов с обрабатываемых ими участков, «запрещают произвол и несправедливость».

На первых порах трудно определить, из каких классов, слоев образуются народные органы власти, вероятно из самых различных. В их работе неизменно и активно участвует интеллигенция, в промышленных районах — много рабочих, в сельских — крестьян.

К концу августа в Южной Корее функционировало более 150 народных комитетов.

Начавшись стихийно, процесс создания органов демократической власти обретает постепенно руководителя. Это коммунисты. Они пытаются возглавить деятельность и других организаций, возникающих во множестве.

Сразу же после освобождения возникли профсоюзы, крестьянские союзы, женские и молодежные организации, объединения учащихся, педагогов, адвокатов, торговцев и т. п. Иногда они называли себя партиями, иногда комитетами, обществами, гильдиями, кружками. До 9 сентября 1945 г. таких организаций образовалось более двухсот. Создаваемые главным образом стихийно, они очень часто не имели ни политической линии, ни программы действий. Многие из них были местными, по составу очень разнородными. Но общее, главное, что роднило подавляющее большинство этих организаций,

было стремление создать независимое, демократическое корейское государство.

На промышленных предприятиях Сеула, Инчхона и других городов, где было сильным влияние коммунистов, в программных требованиях возникших организаций главными стали лозунг «Власть народу!», борьба за уничтожение всяческой эксплуатации. Эти требования выдвигались во время митингов и демонстраций.

Такая массовая тяга к образованию своих партий и союзов была и проявлением революционного подъема, и своеобразной реакцией народа на прошлое. Вместе с тем огромное число создаваемых организаций отражало распыленность движения, слабость его руководства, иными словами, отставание субъективного фактора революции в условиях Южной Кореи.

Как уже говорилось, в Южной Корее, так же как и в Северной, во главе развернувшейся после разгрома японского милитаризма революции встали коммунисты. Но условия их деятельности в этих двух зонах страны оказались совершенно различными. На Севере Советская Армия создала самую благоприятную обстановку, оказала непосредственную помощь в осуществлении народных стремлений и интересов, во имя которых боролись коммунисты Кореи.

На Юге они с первых же дней столкнулись с противодействием военищины, сначала японской, потом американской. Были и другие обстоятельства, осложнявшие осуществление коммунистами Южной Кореи руководящей роли в революции. Искренние и самоотверженные борцы за независимость, за интересы трудящихся, они в результате длительного пребывания в тюрьмах, в глубоком подполье оставались неизвестными для значительной части населения. О их героической деятельности знали лишь немногие. Японская пропагандистская машина немало поработала, чтобы опорочить, скомпрометировать коммунистов.

Отсутствие опыта, недостаток теоретических знаний мешали некоторым из них правильно и трезво, с марксистских позиций оценить происходящие события, учесть значение того, что магистраль корейской революции пролегла в Северной Корее.

В Сеуле в те дни собралось немало коммунистов, ранее принадлежавших к различным группам. Часть

из этих людей оставалась в плену сектантских настроений. Коммунистическая партия Южной Кореи только воссоздавалась, а в ее рядах уже началась борьба. Одни выступали с левацкими лозунгами немедленной социалистической революции, другие, наоборот,— за широкое участие буржуазных слоев в руководстве революцией, чуть ли не за единый фронт с реакцией. Все это подтачивало возрождаемую коммунистическую партию. Но ее здоровое ядро продолжало неутомимую борьбу за сплочение демократических сил, стремясь направить в организованное русло их революционный порыв.

18 августа был образован Подготовительный комитет по воссозданию корейской компартии и принято решение издавать в качестве органа этого комитета газету «Хэбан ильбо». Сначала она представляла собой рукописное издание. Содержание газеты, как и распространявшихся коммунистами листовок, обращений, воззваний, свидетельствовало, что первоочередными, ближайшими задачами революции коммунисты считали задачи антиимпериалистические, антифеодалские. Революцию они оценивали как народную, переживаемый момент — как общедемократический.

Поддерживая народные комитеты в качестве органов демократической власти, коммунисты в соответствии с оценкой переживаемого этапа революции считали правоммерным и даже необходимым участие в этих органах наряду с трудящимися и представителей национальной буржуазии. Однако часть коммунистов допускала возможность не только участия последней, но и ее руководства в развернувшихся революционных событиях, переоценивала в ряде случаев демократизм, да и патристические устремления буржуазных эмигрантских групп.

Особенно наглядно проявилась недостаточная классовая закалка и идейная зрелость южнокорейских коммунистов в их отношении к съезду народных комитетов в Сеуле 6 сентября 1945 г. На съезде присутствовало около тысячи делегатов. Съезд провозгласил создание Корейской республики и избрал Центральный народный комитет. Делегаты высказались за немедленное проведение демократических преобразований. Принятая съездом программа предусматривала отмену колони-

альных законов, конфискацию земель японских империалистов и корейских национал-предателей и бесплатную передачу их крестьянам, национализацию принадлежавших колонизаторам и их корейским пособникам предприятий, банков, средств транспорта и связи, ликвидацию остатков японского колониального режима, обеспечение политических свобод (слова, печати, организаций, собраний), установление равноправия женщин и др.

Все это отвечало назревшим требованиям революции, интересам широчайших слоев народа.

Но в чьи руки отдавал съезд решение выдвинутых задач?

Президентом провозглашенной республики был заочно избран Ли Сынман, и в состав «правительства» вошло немало деятелей, давно переставших выражать интересы нации. В него были избраны и коммунисты, и демократы-патриоты, но не они составили ядро «правительства».

Впоследствии южнокорейские коммунисты говорили, что не отвели кандидатуру Ли Сынмана, так как считали необходимым, чтобы он сам разоблачил себя. В то время имя Ли Сынмана в корейских буржуазных кругах было популярно. Американская пропаганда широко его афишировала, выдавая за патриота, скрывая подлинное лицо своего избранника на роль главаря южнокорейской реакции (как известно, Ли Сынман пренебрег оказанным ему на съезде народных комитетов доверием и отказался стать президентом народной республики).

Хотя съезд в общем отражал высокий подъем активности масс, развитие и углубление революционного процесса в Южной Корее, он свидетельствовал и о слабости его руководящих сил. Поддержка коммунистами кандидатуры Ли Сынмана на пост президента республики говорила об их недостаточной зрелости и последовательности. Да и вся идея создания народной республики с центром в Сеуле не учитывала реальной обстановки, главным образом того, что база революции с первых же дней складывалась в силу внешних и внутренних условий на территории Северной Кореи.

На юге страны в то время еще даже не размежевались политические силы, не консолидировался их демо-

критический фронт. Это, в частности, проявлялось в продолжавшихся демонстрациях.

Бурлит, пестрит многоцветными полотнищами Сеул. Горячо обсуждается вопрос о национальном корейском флаге.

Пытаюсь выяснить его историю. Это оказалось не так просто. Воспроизвожу наиболее достоверные сведения, которые удалось почерпнуть из рассказов корейцев.

До 1882 г. Корея не имела своего национального флага и в связи с политикой изоляции, проводившейся правящими силами, не очень нуждалась в нем. После установления связей с другими государствами национальный флаг стал необходим. Он появился, как рассказал знакомый преподаватель колледжа Кан Джин, при следующих обстоятельствах. Корейскому посланнику Иак Чонъяну, прибывшему в 1882 г. в США, задали вопрос: «Какой у Кореи национальный флаг?». Поскольку страна не имела флага, а честь государства нужно было поддержать, Иак Чонъян, вспомнив изображение значков на одной из арок в Сеуле, нарисовал их и назвал государственным флагом Кореи. Значки эти выражали некоторые символы конфуцианской философии. Первое время флаг не пользовался в Корее популярностью. Его не понимали. Но после установления японского господства, когда страна полностью лишилась государственной самостоятельности, старый флаг стал своеобразным символом былой национальной независимости. Не случайно японские власти так сурово карали за хранение национальных флагов. А во время антиимпериалистических выступлений, демонстраций и восстаний они появлялись неизменно, извлеченные из глубоких тайников.

И вот после освобождения встал вопрос о национальном флаге. В числе других важных проблем он обсуждался на страницах газет, в листовках. Некоторые высказывали мнение, что флаг по своей символике консервативен, он связан с реакционной китайской философией и ненавистным для народа периодом вассальной зависимости Кореи от Китая. «Нам не нужен флаг, который выражает нашу былую зависимость. Вместе с освобождением от японского колониального господства мы хотим освободиться и от всяких следов китайского политического и реакционного идейного влияния. Корей-

скому народу нужен новый флаг, воплощающий идеи независимости и демократии, говорящий не о прошлом, а о грядущем». Такие предложения высказывали многие демократические деятели Юга.

Некоторые предлагали, чтобы флаг сочетал красный и белый цвета. Но все это были предложения на будущее.

Для широких слоев населения старый национальный флаг пока по-прежнему символизировал независимость, и люди бережно несли его во время демонстраций как священную реликвию.

Не раз доводилось слышать от корейцев, что их правильнее именовать «белой нацией», так как они любят белый цвет — он олицетворяет чистоту, безупречность, честность, нравственную красоту, и не случайно японские власти старались искоренить в Корее белую одежду. В последние годы своего господства колонизаторы развернули в городах Кореи целое движение против белой одежды. Создавались общества для разъяснительной работы среди корейцев. Их призывали носить одежду других цветов. Это мотивировалось соображениями гигиены, практичности и т. п. Что касается мужчин, то служащим просто запретили ношение белой одежды.

Все это делало еще более привлекательным для корейцев и белый цвет, и вообще национальную одежду. Многие из тех, кто уже давно ее не носил, снова облачились в национальные костюмы. Они своеобразны и красивы. Женскую одежду составляют короткая кофточка (чогори) с узкими длинными рукавами, юбка, сделанная из целого полотнища, очень широкая, стянутая лифом выше талии. В холодные дни поверх надевается халат. Головных уборов женщины тогда не носили. Мужской национальный костюм — куртка (чогори) и широкие штаны (паджи). Поверх тоже надевают халат.

Особенность корейской одежды — отсутствие карманов и пуговиц. Вместо пуговиц — тесемки и шнурки.

Зимняя одежда такая же, только из более плотной материи, а куртки подбиты или подстеганы ватой. Зимой многие надевали несколько платьев сразу, с потеплением снимали одно за другим (собираясь в гости, корейцы порой тоже надевали побольше платьев).

В Сеуле и других городах значительная часть населения, особенно мужчины, ходили в европейской одежде.

Платье белого цвета обычно носили пожилые. Девушки предпочитали яркие, разноцветные одежды. Но в августовские дни 1945 г. белый цвет стал всеобщим.

21 или 22 августа на одном из митингов оратор сказал, что выступает от имени Общества белой одежды (очень часто выступающие называют организацию, которую представляют).

Мы спросили у стоявшего рядом корейца, что это за общество. Он не знал, но обещал выяснить. Через некоторое время он подошел к нам с пожилым корейцем в национальной одежде, познакомил и, очень довольный, что может выполнить нашу просьбу, сказал: «Он подробно расскажет вам об этом обществе».

Мы отошли в сторону, где было потише. Но разговор долго не клеился. Наш собеседник не очень понимал, что нас интересует. Переводчик, юноша, видимо студент, отыскался быстро. (Не подозревала, что здесь столько знающих русский язык, во всяком случае — умеющих более или менее понятно перевести.) Он спросил: «Какие цели ставит перед собой Общество белой одежды? Почему оно так называется?» Однако вопрос был поставлен, по-видимому, слишком прямолинейно, официально. Собеседник долго молчал, словно обдумывал, как бы понятнее объяснить.

«Вы видите, Сеул сейчас весь в белом? Это потому, что белый цвет, белая одежда воплощают нравственную чистоту и красоту нашей нации. Это наш национальный цвет. Общество белой одежды будет добиваться совершенствования нравственных качеств нации, возрождения национальных нравов и обычаев. Неясно, преследует ли организация политические цели». «Как представляют себе ее члены будущее Кореи?» — спросили мы. Ответ был лаконичен: «Это политические цели. Они означают независимость Кореи».

Хотелось узнать, из каких классовых групп состоит общество. Вопрос удивил собеседника. Впрочем, его ответ — тоже: «Из корейцев». Позже выяснилось, что это общество было очень немногочисленным — оно насчитывало около 200 членов.

Похожими были наши разговоры и с членами некоторых других организаций; например, Общество друзей-

патриотов (создано в начале сентября 1945 г.) насчитывало, как утверждали наши собеседники, более 2,5 тыс. членов; так называемое Общество соседей (организовано тогда же) — около 18 тыс. Весьма неопределенной показалась, по рассказам, и программа Отряда самозащиты и человеколюбия (август, около 1,5 тыс. членов); Общества встречи луны (август, более 1,4 тыс. членов).

Экзотические или, казалось бы, бытовые наименования создаваемых организаций, пока лишенных программы действий, нередко отражали пробуждение национального самосознания, подъем патриотических чувств, не больше. Но все они представляли собой потенциальную силу в разгорающейся политической борьбе, в надвигающихся событиях, которые определяли пути развития Кореи.

Некоторые из создаваемых обществ, несмотря на отвлеченность программных положений, имели определенную демократическую направленность, например Союз студентов, мобилизованных в японскую армию (1 сентября, 1370 членов), Корейское общество народной жизни (21 августа, около 32 тыс. членов), Союз общественного мнения (1 сентября, около 2 тыс. членов), основанное на второй день после освобождения Кореи Общество помощи корейскому народу (более 200 тыс. членов).

Возникают научные и культурные объединения. Одно из научных обществ, созданное 16 августа, его организаторы называли Академией наук (570 членов). С демократическими лозунгами выступает Научное общество корейских юношей (август, 1100 членов).

Любопытный штрих: 5 сентября, перед самым приходом войск США в Южную Корею, было создано Корейско-американское общество. Оно оказалось одной из самых немногочисленных организаций.

6 сентября

Попробую сгруппировать записи о главных событиях минувших дней.

Информбюро японской армии 23 августа распространяло в городе листовки. В них говорилось, что японская армия наблюдает за порядком и население должно ей во всем помогать, а она в свою очередь «готова к ожесточенной борьбе для охраны жизни и имущества японских подданных в Корее» (в их число по-прежнему

включались и корейцы). Затем следовали старые напевы на новый лад: «Япония и Корея — единое целое, но их насильственно разъединили» и т. п.

Это не только напоминание, что в Южной Корее остаются на своих местах японская администрация, армия и полиция. Это уже угроза народному демократическому движению. Ответом на нее были массовые демонстрации в нескольких районах Сеула. «Мы получили независимость и больше не допустим японского насилия!», «Японцы, вон из Кореи!» — было написано на транспарантах.

Полиция попыталась помешать демонстрациям, предложила их участникам разойтись. Это не помогло. Шествия по городу продолжались. Полицейские молча и злобно взирали на происходящее, по-видимому, им было приказано к репрессиям не прибегать. Они здесь уже фактически никто. Могут временно помешать углубляющейся революции, но остановить, подавить ее они не в состоянии.

А вообще все по-прежнему очень бурно, сложно, противоречиво. Сеул и раньше поражал своими контрастами. Но то, что наблюдаешь сейчас, не укладывается в привычные представления. Самый разительный из них — вооруженные японские полицейские, жандармы, представляющие официальную власть Южной Кореи. Рядом члены «отрядов общественного порядка» с деревянными винтовками на плечах, представляющие власть народную, безоружную, но уже реальную.

Вот движется по улице многотысячная демонстрация. Речи ораторов призывают к созданию независимого государства, звучат проклятия свергнутому колониальному игу. А японские официальные власти смотреть и слушать вынуждены молча. На транспаранте написано: «Японские колонизаторы ограбили нашу страну. Сам корейский народ должен быть хозяином своих национальных богатств» — и в то же время по соседним улицам машины с награбленным колонизаторами добром открыто и беспрепятственно движутся на юг, в Японию.

Несколько мелких штрихов.

На улице Мэйдзи (по-корейски Мёнчхи) дружинники из «отряда общественного порядка» задержали спекулянта. «Почему продаешь сахар по 30 пен за кын? (кын — 600 г.— Ф. Ш.). Грабитель!» Сразу вырастает

толпа. Все громко, возмущенно кричат. Спекулянт пытается вырваться. Ему на помощь приходит японский полицейский, за руку отводит в сторону и отпускает.

В одном из переулков на окраине группа корейцев останавливает мужчину, одетого в национальный корейский костюм. Требуют, чтобы он назвал свое имя: «Ты японец. Переоделся в корейское платье и думаешь, что не узнаем?» Тот кланяется, что-то тихо говорит, по-видимому, и не пытается отрицать. Потом быстро уходит, оглядываясь и продолжая кланяться. А неподалеку, сидя на корточках и посасывая длинные трубки, мирно беседуют седовласые старики. Кругом слышна только корейская речь, корейские имена и фамилии.

На берегу реки Ханган женщины стирают белье, их разноцветные одежды образуют живописный ковер. Шумно беседуют.

На улицах, ведущих к реке, развернулась оживленная торговля рыбой, продают сушеную соленую минтай (она популярна в Корее, как у нас вобла), иногда осьминогов. Тут же на тротуаре можно увидеть и «галантерейный магазин», уместившийся на небольшой цинковке.

Ездили в пригород Сеула, где находилась тюрьма малолетних «преступников». Большинство детей попали сюда за бродяжничество и мелкие кражи. По требованию общественности их освободили и отпустили домой. Впрочем, далеко не у всех есть дом и семья. Некоторых взяли крестьяне соседних деревень. Другие, вероятно, снова бродяжничают.

Дожди льют не переставая. Душные, тяжелые, изнурительные. Но на улицах полно людей.

2 сентября был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии. Генерал-губернаторство попыталось это скрыть, но народ узнал. Из листовок, радиопередач.

Снова в праздничных одеждах, со знаменами на улицы города вышли тысячи патриотов.

В наше консульство пришла большая группа стариков с молоденьким и очень шустрым переводчиком. В торжественных выражениях от имени корейского народа они просили передать Советскому правительству благодарность за освобождение Кореи.

На окраинах Сеула днем праздничные гулянья, а ночью снова слышалась стрельба.

Каждый день рассказывают о столкновениях корейцев с японскими полицейскими. Прорывается долгие годы хранимая в тайниках сердец ненависть к колонизаторам.

Американские войска не торопятся вступать в свою зону ответственности.

Впрочем, их здесь, кажется, не очень ждут.

Как стало известно впоследствии, правительство Японии, убедившись, что японская администрация в Южной Корее, не в состоянии сдержать революционные события, обратилось 28 августа к главнокомандующему американскими вооруженными силами в районе Тихого океана генералу Макартуру с просьбой ускорить посылку в Южную Корею войск США.

Странное объявление появилось 4 сентября на здании Чосон-отеля: «Набираются переводчики-японцы для американской армии, прибывающей в Сеул». Почему японцы? Неужели с японской помощью командование войск США намерено разговаривать с корейским населением? Или с ним как раз оно и не собирается разговаривать?

У Чосон-отеля множество полицейских. Приободрившись, расхаживают «кандидаты в переводчики» и другие японцы. Повеселели. Ждут прихода американских войск. Противники в войне, они сейчас для японской военщины самые желанные союзники в борьбе против революционного народа.

Но похоже, что и американские войска его побаиваются. Офицеры, приехавшие в Сеул, чтобы подготовить вступление американской армии и принятие капитуляции японских войск, как рассказывают, боятся выйти в город, они потребовали, чтобы их обслуживали только японцы, никого из корейцев к себе не допускают. Об этом очень растерянно говорил группе посетителей служащий Чосон-отеля, кореец.

В городе вывешивают флаги союзников.

Как оценить этот короткий (трехнедельный) отрезок южнокорейской истории — с момента капитуляции Японии и до прихода в Южную Корею американских войск?

На основании материалов и фактов, проверенных последующими событиями, представляется возможным утверждать, что в Южной Корее, так же как и в Северной, развернулась народно-демократическая революция. Она тоже, естественно, выросла из революционной ситуации, сложившейся в стране, и развивалась под воздействием такого мощного фактора, как освобождение страны армией Советского социалистического государства. И, хотя в Южную Корею не вступили советские войска, социальная природа освободителя оказывала огромное революционизирующее влияние на весь ход событий. Самым непосредственным образом воздействовало на политику и деятельность демократических сил, на народные массы Юга победоносное развитие революции на Севере, где установилась и крепла власть народа во главе с рабочим классом и коммунистической партией.

В создавшихся условиях южнокорейская реакция, хотя она была численно значительной, так как на Юг перебежали из Северной Кореи крупные капиталисты и помещики, не только не смогла выступить против революции, но даже не пыталась объединиться. Реакционеры боялись поднять головы, заботясь только об одном — как бы эти головы спасти. Отдельные организации, которые в те дни создавались правыми антидемократическими элементами, были и крайне малочисленны, и действовали в подполье.

Революционный подъем масс был таким мощным и наступательным, а международная обстановка — столь благоприятной для демократического движения, что не только корейская реакция, но и оставшиеся в Южной Корее японская администрация, армия и полиция не решались выступить против сил революции, помешать созданию народных органов власти, деятельности демократических организаций, массовым выступлениям народа. Казалось бы, все рычаги власти в руках японской администрации, а воспользоваться ими, привести их в действие она не может, боится, что революция сметет ее и раздавит. В корееведческой литературе этот отрезок времени (15 августа — 8 сентября) иногда называют периодом двоевластия. Думается, что такое определение правомерно. Действительно, наряду с официальной властью капитулировавших японских колонизато-

ров (они оставались в Южной Корее по воле американской армии, надеявшейся, что японская военщина сможет обуздать демократическое движение) существовала власть народная, рожденная революцией, политическим творчеством масс. Органы новой власти — народные комитеты — представляли собой блок демократических сил во главе с рабочим классом и коммунистами. Это была власть еще не повсеместная, только-только утверждающаяся, но уже реальная, поддерживаемая подавляющим большинством народа.

Характерно, что последнее были вынуждены признать даже руководители американской армии в Южной Корее. В частности, ее командующий генерал Д. Ходж, выступая в феврале 1948 г. во Временной комиссии ООН по Корее, говорил, что войска США, прибыв в Южную Корею, застали там «действовавшие под руководством коммунистов народные комитеты, которые успели полностью организовать и в той или иной мере захватить власть в свои руки»³.

Прибытие американских войск. Наступление на революцию

С утра 7 сентября на Сеул и, как выяснилось позже, на другие города и села Южной Кореи с американских самолетов обрушился дождь листовок. Это были тексты двух ставших печально известными приказов главнокомандующего американскими вооруженными силами в районе Тихого океана генерала Макартура. Приказ № 1 (или, как он именовался в те дни, «воззвание») оповещал население, что власть в Южной Корее переходит в руки американского командования. «Настоящим устанавливается военный контроль над территорией Кореи к югу от 38-го градуса северной широты и над ее населением». В приказе эта зона официально именовалась «оккупационной».

Итак, США рассматривают Южную Корею не как территорию, освобожденную от врага, а как часть Японии, подлежащую оккупации. В приказе объявлялось,

³ ООН. Генеральная Ассамблея. Официальные отчеты. 3-я сессия, дополнение № 9 (A/575), Нью-Йорк, 1948, стр. 168.

в частности, что все правительственные полномочия на территории Кореи к югу от 38-й параллели будут осуществляться под руководством главнокомандующего вооруженными силами США в районе Тихого океана Макартура; что впредь до издания дальнейших распоряжений все должностные лица и служащие всех учреждений и предприятий должны продолжать выполнять свои обязанности, оставаться на своих местах. Значительную часть этих должностных лиц составляли, как известно, японцы.

Уже в этом первом приказе-«воззвании» содержалось предупреждение, что «действия, направленные против оккупационных сил, и любые другие акты, которые могут нарушить общественное спокойствие и безопасность (знакомая по колониальным временам терминология.— *Ф. Ш.*), будут сурово наказываться».

Более категорично и открыто угроза прозвучала в приказе № 2. Он гласил: «В целях создания условий для безопасности вооруженных сил, находящихся под моим командованием, и для поддержания общественного спокойствия, порядка и безопасности в оккупированной зоне, как главнокомандующий американскими войсками на Тихом океане, объявляю настоящим следующее: любое лицо, которое нарушит условия акта о капитуляции или любое воззвание, приказ или директиву, изданные властью главнокомандующего американскими войсками на Тихом океане, или совершит любое действие в ущерб порядку или жизни, безопасности или благополучию граждан или собственности США или их союзников, или совершит любое действие, имеющее целью нарушить общественное спокойствие и порядок или препятствовать судебной администрации, или преднамеренно совершит действие, враждебное союзным войскам, будет по решению военно-оккупационного суда приговорено к смертной казни или другому наказанию, какое определит суд». (Тексты приказов № 1 и № 2 опубликованы на корейском и английском языках в сборнике «Приказы и постановления американской военной администрации в Южной Корее», Сеул, 1946.)

Население читало приказы с тревогой и заметным недоумением. «Не успели прийти, а уже угрожают. И почему Южная Корея — „оккупированная зона“? Ведь наша страна, наоборот, как раз освобождена от

японских оккупантов. И почему — военно-оккупационный суд и угроза смертной казни?»

Много вопросов и беспокойства вызвали приказы Макартура. Пока на них ответов нет.

8 сентября группа американских офицеров прибыла в Сеул. Проехали по городу в закрытых машинах. Никого из корейцев к себе не допускали. «Опасно в чужой стране без армии; вот вступят наши войска, тогда другое дело», — откровенно сказал во время ужина в Чосон-отеле американский полковник, весь вечер рассказывавший о своих боевых подвигах на Западе.

А вечером по городу поползла встревожившая всех весть: в Инчхоне во время высадки американских войск произошло неожиданное, неслыханное: японская полиция открыла огонь по корейцам, пришедшим встречать армию США; есть убитые и раненые. Зная, как молниеносно распространяются в эти дни всякие небылицы, какими домыслами и легендами обрастают факты, мы вначале подумали, что это либо одна из таких легенд, либо одно из вражеских провокационных сообщений. Но все оказалось правдой, провокацией не словами, а делами.

Как же такое могло получиться?

Некоторые объясняют происшедшее тем, что сейчас японские власти и полиция стали меньше бояться. Они уже не один на один с корейским народом; у них появился мощный союзник — армия США. Именно союзник. Вчерашний противник в войне сегодня, в условиях народной революции, стал союзником. Характерно, что американское командование не попыталось даже выявить японских преступников, расстреливавших народ в Инчхоне.

Завтра войска США вступают в Сеул. Об этом оповещено население. На улицах повсюду дозоры полиции.

В разных местах развешаны лозунги. По-корейски, по-русски и по-английски написано: «Да здравствуют союзные армии — освободители корейского народа!». На зданиях флажки союзников и корейские национальные флажки.

9 сентября.

День ослепительно солнечный. Дождя нет и не предвидится.

С утра отправились в город. Он как-то официально

подтянут, сдержан, молчалив. На тротуарах вдоль центральной магистрали — группы встречающих.

Появились первые машины с солдатами (на юг и юго-запад Кореи США ввели свои войска лишь в начале октября); в разных местах раздались жидкие аплодисменты, показавшиеся почему-то неуместными. Впрочем некоторые из встречающих проявляют откровенную бурную радость: выкрикивают приветствия, бросают в машину цветы, низко, угодливо кланяются. Это — представители тех кругов, которые ждут не дождутся, когда же твердая военная рука остановит народное движение.

Среди встречающих много просто любопытных.

Вышли на улицы и те, кто с уважением и благодарностью относятся к армии участника антифашистского блока, и те, кто верили, будто империалисты США помогут создать независимое корейское государство. Среди людей, заполнивших улицы и площади столицы, было много состоятельных корейцев-предпринимателей, торговцев. Они рассчитывали оживить с помощью американских капиталов свой бизнес. Вероятно, они были движимы и другими побуждениями. Дело в том, что реакция пока осторожно, но упорно распространяла слухи, будто в Северной Корее экспроприируют частную собственность, отбирают фабрики, заводы, магазины и то же самое-де ожидает Южную Корею, если к власти придут народные комитеты. И, хотя у лжи короткие ноги, кто-то метко сказал, что на коротких дистанциях она может побивать даже рекорды. Примерно то же происходило и с подобными слухами. Некоторое время им верили. Армию США, естественно, рассматривали как защитника частной собственности и вообще капиталистических порядков.

Впрочем, не столь уж важно, кто пришел или не пришел встречать, существеннее другое — настороженность большинства населения столицы, холодок встречи. Он выглядел разительным контрастом той бурной радости, которую выражали жители Сеула на многочисленных митингах и демонстрациях, ожидая вступления в Южную Корею советских войск.

Мою мысль выразил вслух знакомый преподаватель химии одного из сеульских колледжей Пак Кынно. Товарищ Пак когда-то жил в Маньчжурии, неплохо знал

русский язык. Он сочувственно относился к коммунистам, но в партии не состоял. Производил впечатление человека осторожного, несколько медлительного, взвешивавшего не только каждый поступок, но и каждое слово. Беседовать с ним было интересно, но не просто. Очень уж скуп на слова.

В тот день он говорил много, и, кажется, не столько с нами, сколько с самим собой: «Можно ли удивляться настороженности, с которой народ встречает американские войска? Ведь они сами в этом виноваты. Три недели оставляли нас один на один с японской полицией. А приказы Макартура, разве они могут не беспокоить? А вчерашняя стрельба в Инчхоне? Разве ее можно понять и простить?»

Но дело не только в этом. Корейцам, знающим свою историю, известна роль Америки в тяжелые для нас времена (Пак имел, вероятно, в виду установление японского протектората). И она сама стремится над нами господствовать. Это ясно многим здравомыслящим корейцам. А другие, кому это пока неясно, знают, как высокомерно относятся американцы к корейцам. Ведь до войны немало их жило в Корее. Никогда они не относились к нам как к равным. В общем, мы, те, кто постарше, хорошо знаем янки».

Хотелось поговорить с ним более подробно, но не удалось. Было много других встреч и разговоров.

А по городу продолжали двигаться машины с американскими военными. С джипа, шедшего впереди, соскочил молодой лейтенант. Подошел к стоящему неподалеку от нас юноше с повязкой отряда общественного порядка (иногда их называли отряды самообороны). Спросил, как ближе проехать на какую-то улицу. Юноша с готовностью и очень обстоятельно принялся объяснять по-английски. Лейтенант заметил его повязку: «Что это у тебя?» С нескрываемой гордостью и тоже обстоятельно юноша стал рассказывать про отряды самообороны. Лейтенант оглушительно расхохотался: «Можешь снять свою тряпочку. Обойдемся без вас». Машины тронулись.

Долго молчали все наблюдавшие эту сцену. Нам было не по себе. «Янки не лучше японских угнетателей», — сказал стоявший рядом с нами высокий пожилой кореец.

Нет, не «вредной пропагандой» была вызвана холодность при встрече войск США, как это пытались изобразить некоторые американские журналисты.

Эту холодность вызывали сами военные власти своими действиями и отношением к корейцам. Не забывались, конечно, и уроки истории.

16 сентября

Объединила записи за целую неделю. Она была до предела насыщена событиями, в общем довольно странными.

Начальником американской военной администрации назначен командир 7-й американской оккупационной дивизии генерал Арнольд (он подчиняется командующему американскими войсками в Южной Корее, а последний — командующему американскими войсками в районе Тихого океана).

Военная администрация обосновалась в здании генерал-губернаторства, аппарат которого остался на своих местах. В день вступления войск США — 9 сентября — генерал-лейтенант Ходж оповестил население, что оно обязано по-прежнему подчиняться японской администрации, что законы, порядки, правила, установленные ею ранее, остаются в силе, а это «поможет обеспечить в Южной Корее общественный порядок».

Распоряжение Ходжа, опубликованное в газетах и переданное по радио, вызвало резкий протест.

Характерно, что почти одновременно — 10 сентября — в газете «Кэйдзё ниппо» было опубликовано сообщение о том, что согласно приказу властей в Корее запрещен японский флаг. Многие комментировали это известие следующим образом: «Флаг Японии запретили, власть ее сохранили. Не лучше ли наоборот?»

Получается уже не двоевластие, а какое-то троевластие: американское командование, японская колониальная администрация и народные комитеты.

В Сеуле новая волна демонстраций. Они не похожи на те, что происходили меньше месяца назад. Уже не радость освобождения, а горечь первых разочарований — вот их лейтмотив. Сеул протестует против того, что незаконно оставлены на своих местах японские колониальные чиновники.

Снова на улицы вышли люди разных классов, профессий, возрастов, разной политической ориентации. Они

потребовали немедленного смещения японцев со всех постов, роспуска японской жандармерии и полиции. На лицах гнев, возмущение.

«Когда же придет конец японскому господству в Корее?» — написано на транспарантах.

Об этом же говорили на митингах. Демократические деятели призывали поддержать народные органы власти. Наиболее многочисленная демонстрация состоялась в Сеуле 12 сентября. Она длилась почти весь день. «Требуем немедленного разоружения японских войск, полиции и жандармерии, ликвидации японской администрации, чистки всех государственных учреждений от японских чиновников и их пособников! — гласили многочисленные лозунги. — Требуем предания суду военных преступников и национальных предателей!»

Много лозунгов, призывающих к передаче власти народным комитетам. Солдаты и военная полиция США довольно спокойно взирают на происходящее. Словно не принимают всерьез.

Печать сообщает, что демонстрации и митинги протеста против того, что в Южной Корее продолжает функционировать японская администрация, полиция и жандармерия, происходят во многих других районах Южной Кореи; что тысячи заявлений протеста направлены от различных организаций и неорганизованных патристических групп в адрес американского военного командования.

В ответ генерал Ходж заявляет, что японские чиновники и полиция останутся на своих местах до тех пор, пока из США не прибудет достаточно специалистов.

Однако американское командование все же вынуждено реагировать на протест народа.

14 сентября снят со своего поста генерал-губернатор Абэ, а через два дня смещены начальники департаментов генерал-губернаторства. Печать и радио широко информируют об этом население.

Вскоре печать сообщила, что провинциальные управления возглавят американские офицеры, мэрами же городов и начальниками уездов станут корейцы. Последнее не очень радовало население. Сразу же стало очевидно, что подбираться эти начальники будут из прояпонских элементов. Военное командование США недвусмысленно заявило, что на многие посты оно намерено ставить

лишь корейцев, «имеющих опыт», т. е. работавших в колониальном аппарате.

Замена японских чиновников происходила очень медленно, особенно в провинциях. Да и в центре они полностью не были отстранены и имели широкую возможность влиять на политическую жизнь Южной Кореи. Из их числа комплектовались консультанты, советники разных рангов. «Места в управлении не нашлось только для представителей корейского народа. С ним не консультируются, не советуются, его хотят отстранить», — говорилось в листовках демократических организаций. Войска США во всем ведут себя как оккупанты. Действительно, система управления, которую они создали в Южной Корее, отстранила народные массы от участия в государственной жизни; она строилась на союзе не с корейским народом, а с японским империализмом.

Наиболее наглядно это проявилось в отношении оккупационных властей к народным комитетам.

Еще 11 сентября генерал Ходж по радио объявил, что Южной Кореей будет управлять только армия США. Этим он давал понять народным комитетам, чтобы они не пытались претендовать на роль органов власти.

Вообще довольно откровенно американские власти высказывают мысль, что корейцы пока еще участвовать в самоуправлении не готовы. Она настойчиво повторяется в корреспонденциях американских журналистов, в радиопередачах, в официальных заявлениях руководителей военной администрации. Так, американский журнал «Эйша энд Америка» (1945, № 11) приводил одно из выступлений генерала Арнольда в те дни. Генерал заявил, что Корея будет передана корейцам только после того, как они достаточно к тому будут подготовлены. «Это, — сказал он, — может случиться через год, через 10 или через 15 лет».

Но в целом в те первые дни своего пребывания в Южной Корее американцы были осторожны и сдержанны. Прямых выпадов в адрес демократических организаций и деятелей они не допускали, даже заигрывали с ними. Много писали и говорили о независимости, свободе, справедливости, о дружбе США и Кореи. Газеты напоминали о «благодетельствах» американских миссионеров в стране в колониальный период. Удушить револю-

ционное движение в Южной Корее агрессивные круги США намеревались все же не своими руками, хотя первая попытка сделать это руками японской военщины сорвалась.

Подавление революции, насаждение и упрочение в Южной Корее выгодных для США порядков оккупанты, как свидетельствуют все их действия, связывали с созданием надежной, хорошо организованной корейской опоры.

Печать оповестила о создании Демократической партии (Хангук минджудан). Это первая крупная акция на пути создания опоры США в Южной Корее. Но о ней несколько позже.

После вступления американских войск жизнь в городе заметно изменилась. Бегут, обгоняя друг друга, американские джипы. А рядом вереницы рикш; пассажиры преимущественно военные. Они громко, со свистом и улюлюканьем погоняют рикш. В разных районах американские солдаты, корейцы (вероятно, и переодетые японцы) что-то выменивают, покупают, продают. Кругом звучит английская речь.

В городе продолжаются демонстрации, митинги. Не такие многолюдные и шумные, как раньше, но более организованные. Требование передачи власти народным комитетам становится, пожалуй, одним из главных лозунгов движения. В них все определеннее вырисовывается позитивная программа дальнейшего развития.

По отношению к американскому военному командованию демонстранты держатся корректно, дружелюбно. В адрес японской военщины по-прежнему звучат проклятья. Требуют ее быстрее изгнания. «Пока последнего японского колонизатора не изгоним из страны, мы не можем быть спокойны», — потрясая кулаками, скандировал один из ораторов на митинге, состоявшемся возле бывшего императорского дворца 20 сентября. Он рассказал о столкновениях корейских граждан с японскими полицейскими, попытавшимися применить оружие.

Видела в центре города несколько студенческих демонстраций. Пели корейский национальный гимн, несли национальные флаги и множество транспарантов со словами благодарности Советской Армии и армиям союзников.

Американский журналист Эдгар Сноу, который был

в те дни в Сеуле, писал, что численность американских войск, вступивших в Южную Корею, составляла меньше половины находившихся там японских войск (последних было 120 тыс.).

Оценка событий, которую дает Э. Сноу, весьма показательна во многих отношениях и в ряде случаев содержит любопытные признания, поэтому останавлиюсь на ней подробнее.

«Оккупация Южной Кореи и отправка вражеских (японских.— *Ф. Ш.*) войск,— пишет Э. Сноу в статье „Мы встречаемся с Россией в Корее“ („Сатэрдей ивнинг пост“, 30.III.1946), — были совершены без единого серьезного инцидента и без потери хотя бы одной жизни. Помощь в этом оказал бывший японский генерал-губернатор Абэ Нобуюки. В то время как проходила отправка японцев, американские власти с некоторым опозданием обратили внимание на то, что Кореей начинает руководить группа революционеров, так как японцы за месяц до прихода американцев сдались корейцам (разрядка наша.— *Ф. Ш.*). Когда генерал Ходж установил свой штаб в Сеуле, этот туземный режим уже шумно претендовал на принятие власти от японцев. Но поскольку Ходж не имел полномочий признать какое-либо корейское правительство, то претензии народной республики на власть были отклонены. Вместо этого мы осторожно ставили наших чиновников военной администрации на место японцев, которые постепенно вытеснялись».

Наиболее показательна оценка Э. Сноу социальных процессов, происходивших в Северной Корее, сопоставление событий на Севере и Юге.

«Получилось так, — пишет он, — что впервые советская и американская системы одновременно поставлены на суд на более или менее одинаковых условиях в одной азиатской стране... На Севере бо́льшая часть имущего класса вместе с японцами устранена от власти. Земли, ранее принадлежавшие врагам, были розданы бесплатно крестьянам... Арендная плата снижена, и арендатор получает 70% урожая. В ряде мест крестьяне вообще прекратили платить арендную плату и долги. Японские предприятия все экспроприированы. Они, включая электростанцию, от которой зависит наша зона, управляются рабочими... Многие корейские собственники и управляю-

щие вместе с японцами бежали на Юг, и оставленные ими фабрики тоже попали под контроль рабочих комитетов. Административное управление, как мы это видим, находится в руках народных комитетов». Оценивая события в Южной Корее и ссылаясь на имеющуюся у него информацию, Э. Сноу пишет: «Выборы местных органов власти сейчас, вне всякого сомнения, привели бы к тому, что к власти почти всюду пришла бы народная республика».

Казалось бы, журналист пытается быть объективным. Но это лишь до тех пор, пока констатируются факты. Когда же начинается подобие анализа, оценок, открывается лицо антикоммуниста. «Корейцы, разговаривающие на английском языке,— пишет Сноу,— одетые в хорошие костюмы заграничного покроя, понимающие язык бизнеса или, по всей вероятности, являющиеся состоятельными людьми, невольно вызывают уважение американцев, как люди, достойные доверия и дружбы. Эти же люди вызывают подозрение у русских... Русские чисто автоматически благосклонно смотрят на людей с мозолистыми руками, плохо одетых, неимущих, говорящих фразы о социализме, представителей организованных рабочих и крестьян, на которых наши офицеры склонны смотреть со смятением, как на потенциальных членов незаконной толпы, или неразумную массу. Для многих американцев человек, сидевший в тюрьме,— опасный тип, даже если он сидел за то, что выступал против японцев. Для русских же досье политического арестанта является рекомендательным письмом».

Вряд ли есть смысл комментировать эти слова. В данном случае интересно лишь признание Э. Сноу, что большинство населения Юга выступало за народную власть.

1 октября в одном из самых больших кинотеатров Сеула демонстрировался советский фильм (какой именно, не записала). Садовник консульства Хан на следующий день рассказал, что площадь возле кинотеатра с самого утра была переполнена людьми, не сумевшими купить билеты. И хотя несколько раз полицейские разгоняли народ, многим счастливицам с билетами не удалось попасть к началу сеанса. Пришлось начать демонстрацию фильма с опозданием. Немолодой, несколько угрюмый, товарищ Хан рассказывал о фильме с не-

свойственным ему воодушевлением. Картина, говорил он, понравилась всем. После окончания никто не хотел уходить. «Мы-то по крайней мере были в помещении, но и народ, который был возле театра, тоже не уходил. Выстояли весь сеанс». Трудно сказать, кому было легче, так как духота в помещении была невыносимой.

Интерес к советским фильмам огромный. В консульство как-то пришел кореец и попросил дать для демонстрации молодежи какую-нибудь ленту. Ему ответили, что их можно предоставить только организациям. Он нимало не смутился. «Ну что ж, в таком случае создадим партию или другую организацию. Это недолго». А потом, подумав, сказал: «Мы создадим организацию друзей советского кино. Она, наверное, будет одной из самых многочисленных в Корее».

Выходя из консульского парка, мы с Ольгой Захаровой встретили двух молодых корейцев, которые обратились к нам с просьбой научить их петь «Интернационал». Русского языка они почти не знали. Усевшись на скамейку, мы напевали мелодию, а они старательно и довольно точно ее воспроизводили.

6 октября

Газеты сообщили, что начались занятия в 67 школах Сеула. Около 7 тыс. детей сели за парты. Составлены новые, пока временные, учебные планы, в которых история Кореи, именуемая «родной историей», занимает одно из главных мест. Преподавание, разумеется, ведется на корейском языке. Напомню, что в колониальные годы в Корее «родными» официально считались история Японии и японский язык. Корейский язык был отнесен к иностранным.

Первые шаги в перестройке образования сделаны при активном участии Сеульского народного комитета. Издан учебник корейского языка для начальных школ.

Встретили в городе знакомого учителя — Ли. Он рассказал, что созданное вскоре после освобождения научно-исследовательское общество по изучению корейского языка уже подготовило к изданию две монографии, составляются учебники по разным предметам. Ли повторил несколько раз: «Наконец-то преподавание ведется на родном языке. А очень скоро мы добьемся и того, чтобы наши дети изучали русский язык, язык наших друзей и освободителей». Сам Ли выучил уже много

русских слов и очень любил их повторять (иногда не совсем к месту). Составлять фразы из одних русских слов он еще не мог. Ли рассказал, что желание изучать русский язык высказывают многие учащиеся старших классов. А японский хотят забыть. Возмущаются, если кто-нибудь употребляет японские слова.

«Это неверно, конечно. Знать нужно не только язык друзей, но и врагов,— говорил Ли.— Да и вообще мы понимаем, что японский народ и колонизаторы — это не одно и то же. Его самого угнетают. Но пока говорить об этом учащимся рано. Слишком все болит».

А недавно встретила на улице свою преподавательницу японского языка Танака-сан. Она шла куда-то с братом. Оба были взволнованы, раздражены. Собираются уезжать в Токио. «Каждый день,— рассказывала Танака-сан, — приходят два-три корейца с вопросом: „когда уедете?“ Понятно, когда выпроваживают богачей японцев, но мы ведь не богачи, корейцам не сделали ничего плохого. Почему рабочих-японцев не трогают?» Танака-сан считала это несправедливым. Ее брат тоже был настроен мрачно. Он пытался говорить на общие темы, но в конце неожиданно и, кажется, искренне сказал: «Вы не знаете, как тяжело быть побежденным».

В городе действительно продолжается стихийная борьба за быстрее выдворение из страны бывших колонизаторов. Создано даже общество «Японцы, вои из Кореи!». Была на днях свидетельницей такой сценки: таксист-кореец остановил рикшу и стал сгонять пассажира. «Он — японец, пусть убирается домой!» — кричал таксист мгновенно выросшей толпе. Пассажир молча расплатился и побрел пешком. Говорят, на сеульском вокзале по-прежнему много переселенцев в гражданское платье японских военных. Но их не трогают. Не проявляют к ним интереса и американские власти, одной из главных задач которых в Южной Корее является разоружение японских войск.

Изгнание бывших колонизаторов из всех звеньев управления, борьба против прояпонских элементов — одно из неизменных требований движения. Отражая подъем национального самосознания, национальных чувств народа, это требование вместе с тем выражает озабоченность патриотической Кореи курсом оккупационных властей, откровенно превращающих в свою опо-

ру недавних пособников японских угнетателей. Об «изгнании прояпонских элементов» со всех руководящих постов, о лишении их экономических позиций говорится в программных документах демократических организаций, в листовках и прокламациях. В одной из них указывалось, что в Южной Корее прояпонские элементы составляют около 200 тыс. человек, активные национальные предатели — примерно 1 тыс., военные преступники — 200—300 человек.

Вряд ли даже приблизительно можно определить численный состав прояпонских элементов. Да и предложенное деление весьма условно. Вместе с тем приводимый в листовках материал подтверждает, что за полвека своего господства в Корее японский империализм создал довольно значительную опору в колонии, организовал ее, передал на определенное время своим преемникам. «На определенное время» — это на период подавления революции. Тут, как всегда, японские, американские и другие империалисты едины. А когда-нибудь японо-американские противоречия могут снова дать о себе знать, когда-нибудь бывшие японские колонизаторы могут вспомнить о своей заботливо вскормленной опоре, о своих былых союзниках в Корее ⁴.

Размежевание политических сил

Политическая жизнь в городе бурлит. И хотя нелегко разобраться в пестроте умонастроений, взглядов, программ разных социальных групп, все более четко

⁴ Судя по выступлениям печати, к прояпонским элементам были отнесены: члены корейской императорской фамилии, получившие японский ранг принца крови; члены корейского аристократического общества «Тёсэн кидзокукай»; члены и советники Тайного совета при генерал-губернаторе; назначенные члены провинциальных и городских собраний (исключая избранных); все лица, занимавшие ответственные посты в генерал-губернаторстве, провинциальных городских и уездных управлениях; чиновники выше класса начальника уезда (исключая специалистов); лица, служившие в полиции, жандармерии, прокуратуре и суде (по-видимому, на руководящих постах); лица, приносившие вред корейскому народу в своих корыстных целях ради поддержки японского империализма; руководители прояпонских организаций и движения за ассимиляцию а также все другие активно содействовавшие японцам.

7 марта 1947 г. «Минджу ильбо» писала, что по отношению к общему числу населения в Южной Корее насчитывается 0,5% прояпонских элементов. К ним же были отнесены и спекулянты.

обозначаются полюсы движения, усиливается поляризация сил.

В политический обиход внедряются такие понятия, как, например, «демонстрации и митинги правых», «партии и союзы прояпонских элементов». Иными словами, подняли голову, вышли на улицы, создают свои организации те, кто в первые дни революции трусливо молчал. Они и сейчас осторожны, вещают о независимости, справедливости, прогрессе нации, заигрывают с народом, но, имея такого мощного покровителя, как оккупационные войска США, спокойны и уверены в завтрашнем дне. Вербуют сторонников, укрепляют свои организации, наращивают силы.

С другой стороны, все более активную деятельность развивают коммунисты и находящиеся под их руководством и влиянием многочисленные демократические объединения. Революционные силы, хотя их возможности крайне ограничены, прилагают буквально героические усилия, чтобы донести до масс свою программу, разъяснить первоочередные задачи революции, рассказать о переменах в Северной Корее. Помимо газеты «Хэбан ильбо», где публикуются такие материалы, их популярно и сжато излагают листовки и прокламации, которые в большом числе распространяются среди населения. Они разбрасываются во время митингов и демонстраций, развешиваются на зданиях жилых домов и учреждений, даже разносятся по домам. Основными центрами распространения этой литературы, как можно судить по рассказам и печати, являются промышленные предприятия.

Листовки не только излагают программные положения демократических организаций, но и сообщают о наиболее крупных акциях, предпринимаемых ими, о деятельности народных комитетов.

Несмотря на отказ оккупационных войск признать последние в качестве законных органов власти, народные комитеты остаются крупной политической силой революции. Они выдвигают перед американским командованием требования демократических реформ, налаживания хозяйства, улучшения жизни трудящихся города и деревни. Под давлением народных комитетов, всей демократической общественности оккупационные власти 5 октября 1945 г. опубликовали постановление о том,

что арендная плата за землю не должна превышать одной трети урожая. Обещаны и другие меры «по улучшению жизни народа».

Лидеры Хангук минджудан пытаются занести эти акции в свой актив и одновременно, пропагандируя их, поднять авторитет оккупационных войск. Но вряд ли кто-нибудь может принять всерьез заверения буржуазно-помещичьей верхушки Хангук минджудан, что она добивается облегчения участи арендаторов за счет снижения своих доходов. Просто правые наживают политический капитал, уверенные, что оккупанты не нанесут удара по их денежным капиталам. Просто, как уже говорилось, в эти первые недели своего пребывания в Южной Корее в силу международных условий и внутренней революционной обстановки в стране военное командование США вынуждено считаться с требованиями корейской демократической общественности.

Наиболее четко эти требования выражены в документах коммунистов, в их обращениях к народу.

Приведу в качестве примера выдержку из воззвания к трудящемуся населению столицы, с которым 8 октября обратился сеульский комитет коммунистической партии. Содержание и стиль воззвания очень характерны для других обращений южнокорейских коммунистов к массам и вообще для их документов в те дни.

«Что вам говорили ненавистные японские империалисты своей лживой агитацией? Они говорили, что коммунисты — это ужасные, злые, негодные люди, что народ не должен общаться с ними.

...Японских разбойников выгнали из пределов Кореи, и мы впервые появляемся перед вами, городские жители. Среди трудящихся масс многие нас хорошо знают». Далее в воззвании говорилось, что именно коммунисты всегда были в первых рядах борцов за независимость, подвергались преследованиям, гибли в тюрьмах, но не сдавались. «А теперь мы настаиваем вот на чем: дать рис голодающим трудящимся; дать земельные участки трудящимся крестьянам, дать свободу народу. Мы будем заниматься государственным строительством, создавать объединенное корейское правительство, не допуская в него японцев и корейцев-изменников... Нужно конфисковать японские заводы и фабрики, банки, торговые общества, компании, транспорт, передать их

в собственность государства, чтобы эта земля, имения, фабрики и заводы, железные дороги стали собственностью корейского народа.

Дорогие жители Сеула, перечисленное выше — это наши принципы. Разве они являются опасными и неприемлемыми для вас? Они являются опасными и угрожающими для японцев. Они окажутся опасными для японофилов, которые питаются японскими подачками. Они боятся наших принципов. Японские империалисты пили нашу кровь и грызли наши кости, они всячески угнетали корейцев. Деятели японского империализма ненавидели нашу компартию, ибо компартия все время боролась с нашим врагом — японским империализмом. Этому есть доказательства. Наша компартия непрерывно разъясняла враждебность японского империализма корейскому народу. Пропаганда, которую вела компартия, исходила из интересов трудящихся. Только наша партия отстаивала интересы корейского народа. Однако, дорогие братья, обратите внимание на тех корейцев-японофилов, которые, клеветая, пытаются обострить наши дружеские с вами отношения. Кто эти люди? Вот они: это лидеры так называемой демократической партии... У лидеров [этой] партии нет искреннего желания установить единство корейского национального движения, они ведут политику раскола...

Дорогие граждане Сеула! Слушайте нас! Мы боремся против старых и новых изменников и предателей. Мы приветствуем союзные войска и выражаем чувства уважения к нашим союзникам.

Мы решительно поддерживаем народную республику.
Сеульский комитет корейской компартии

8 октября 1945 г.».

Воззвание широко распространялось агитаторами партии во время митингов, ежедневно происходивших в разных районах города. Оно было вывешено на многих зданиях.

Иногда казалось, что вся бурлившая вокруг, вышедшая на улицу политическая жизнь складывалась из очень разных и обособленных, параллельно текущих потоков. Это, разумеется, только казалось. На самом деле все происходившее было переплетено, взаимосвязано, стянуто в один тугой и сложный узел.

Основным течением, главным потоком южнокорей-

ской общественной жизни было движение патриотических демократических сил. В него было вовлечено подавляющее большинство населения не только в Сеуле, но и по всей Южной Корее.

Ведь так или иначе жизнь перед каждым поставила вопрос: как быть дальше? И перед теми также, кто ранее стоял далеко от политики и в дни революции оказался в той или иной мере втянутым в водоворот событий. Какова дальнейшая судьба Кореи? Кто встанет у руля правления, по какому пути пойдет развитие страны? Разумеется, все патриотические слои корейского общества хотели полной национальной независимости, быстрейшего искоренения японского колониального господства. Это стремление роднило различные социальные слои.

Но какие классовые силы, какой международный союзник способны обеспечить эту полную национальную независимость страны и ее социальный прогресс? На этот вопрос различные классовые группы отвечали по-разному. А главное, перспективы социального переустройства общества, содержание, характер будущего общественного строя каждый класс видел по-своему.

Трудовая Корея в своем большинстве выступала за создание народно-демократического государства, за власть трудящихся, поддерживала программу коммунистической партии, верила ей.

В те дни не раз приходилось беседовать с рабочими, крестьянами, служащими, а среди них — и с людьми, не являвшимися активными участниками движения, с теми, кого принято считать пассивными, «выжидающими». Из этих разговоров следовало, что о будущем Кореи задумывались и они. В основном мнения были едиными.

«Нужно, чтобы управляли Кореей люди, которые понимают, как тяжело живется рабочему человеку, которые сами испытали такую жизнь. Фабриканты и помещики будут думать только о своей наживе, а не о нас», — говорил Чхве, рабочий инчхонской рисоочистительной фабрики.

Правда, случалось, что отвечали на наши вопросы и так: «Мы люди маленькие. А когда маленькие люди берутся за большую ношу, не бывает хорошему». Или: «Мы малограмотные. Политикой должны заниматься образованные». Но такие рассуждения были редки.

Несомненно, наиболее организованной и сплоченной силой движения выступал южнокорейский рабочий класс. Его организациями, объединявшими много тысяч пролетариев, решительнее всех поддерживались народные комитеты, отстаивались демократические требования, программы и лозунги коммунистической партии.

На самых многолюдных демонстрациях, где нередко господствовало стихийное начало, можно было безошибочно определить пролетарские ряды демонстрантов — не только по лозунгам, но и по организованности, подтянутости, по стремлению переключить стихийные шествия в организованное русло.

В демонстрациях и митингах по-прежнему участвовало много крестьян из окрестных деревень. Они тоже хотели видеть Корею свободной не только от иноземных угнетателей, но и от всякой эксплуатации. Во имя этого выступали.

Коммунистическая партия, выдвигая требования коренных аграрных преобразований, уничтожения феодальных пережитков, остатков средневековья, передачи земли в руки тех, кто ее обрабатывает, пыталась пропагандировать эти требования среди крестьян, и деревня отвечала на них горячей поддержкой. Сельские народные комитеты были популярны. В ряде районов, как сообщала демократическая печать, были созданы крестьянские комитеты, состоявшие преимущественно из бедняков-арендаторов. Кое-где они начали изымать и распределять среди крестьян помещичьи земли.

Трудовое южнокорейское крестьянство, как и рабочий класс, хотело видеть свою родину независимым, демократическим государством, где власть принадлежит трудящимся.

А патриотические слои буржуазии, интеллигенции? Как мыслили они будущее страны? В эти первые недели после освобождения над ними, несомненно, довлел национальный момент. Особенно это касалось интеллигенции и мелкой городской буржуазии. Радость освобождения, чувство благодарности Советскому государству, восхищение его историческим подвигом во второй мировой войне — все это определяло позиции буржуазных патриотических групп, объединяло их с движением, возглавленным коммунистами. Тем более что программные документы коммунистической партии выдвигали со-

ответствующие переживаемому этапу революции общедемократические, антиимпериалистические, антифеодальные задачи, не ущемлявшие интересов этих групп.

Рядом с мощным демократическим патриотическим движением, с основным руслом общественной жизни Южной Кореи — мутные потоки реакции. Они вобрали в себя все антинациональные, антидемократические элементы корейского общества. По социальному составу это в первую очередь крупные буржуа и помещики, чиновники колониального аппарата — недавняя опора японских колонизаторов. В условиях разгрома японского милитаризма претендовать на власть без поддержки извне они не могут. Свое будущее видят в союзе с новым империалистическим боссом. Какая разница для этих людей, будут ли их поддерживать японские дзайбацу или американские концерны. Их пугает только одно — власть народа, участие трудящихся в управлении страной.

Злобный и очень активный отряд контрреволюции — перебежчики с Севера, преимущественно крупные предприниматели и торговцы, помещики, чиновники. Много в реакционном стане и всяких деклассированных элементов, уголовников, проходимцев и других отбросов общества. Но немало оказалось рядом с ними и обманутых честных людей, особенно молодежи.

Движение этого потока тоже не стихийно. Оно направляется реакцией в выгодное для нее русло.

Чтобы создать видимость привлечения корейцев к управлению Южной Кореей и использовать, что называется, в деле свою сформированную из прояпонских элементов опору, оккупационные власти в октябре 1945 г. при американской военной администрации создали Комитет корейских советников. Из 11 советников 10 были представителями Демократической партии, одно место было предоставлено левым (демократическим) силам. Но они, естественно, от участия в этом архиреакционном сборище отказались. Затея с Комитетом корейских советников не удалась. Да и вообще в условиях активного движения масс за изгнание из Южной Кореи бывших колонизаторов ограничиться ставкой на прояпонские силы было невозможно, хотя последние уже объединились в партию Хангук минджудан и другие реакционные организации. Свою опору в беспокойной

Корею оккупанты постепенно укрепляли, пополняя ее буржуазной корейской эмиграцией. Разумеется, теми ее представителями, на которых можно было положиться, которые делом уже доказали свою приверженность к антикоммунизму.

Несколько нарушая хронологию, остановлюсь на этом вопросе подробнее. Тем более что процесс собирания и организационного оформления корейской реакции, создания фундамента американского господства в Южной Корее, методы, использовавшиеся в этих целях оккупационными войсками,— все это представляет большой интерес, помогает объяснить причины подавления революции в Южной Корее.

Казалось бы, где, из каких клоак можно было извлечь силы, способные и готовые стать палачами только что обретенной независимости своей родины? Но они нашлись. Реакционные круги США собирали их в разных странах, организовывали, брали на свое содержание, под свое руководство, чтобы затем двинуть на борьбу против сил революции.

В те послевоенные месяцы такая задача была весьма нелегкой. В мире происходила переоценка ценностей, обусловленная резким повышением роли и влияния социализма. Это сказывалось в разной мере и в разных формах, но повсюду. С социализмом было связано освобождение народов, в том числе и народа Кореи, от колониального гнета. Все это диктовало антикоммунистам необходимость особого подхода к организации и деятельности реакционного проимпериалистического лагеря в странах зависимых или тех, которым готовилась такая участь. Второе обстоятельство: в Южной Корее происходила революция, развившаяся в условиях оккупации, в силу этого крайне своеобразная, до предела ограниченная, но таившая большую опасность для иноземных претендентов на господство в стране. И третье: установление власти трудящихся в северной части страны, ее первые, но весьма осязаемые успехи оказывали воздействие на широчайшие слои южнокорейского населения, ориентировали их на опыт и пример северокорейских соотечественников. Вместе с тем реакция рассчитывала использовать жупел власти трудящихся в Северной Корее для вовлечения в свой лагерь буржуазных слоев Юга, сыграть на их классовой природе.

Учитывая это, американская администрация собирала и организовывала свою южнокорейскую опору.

Вот что рассказывают факты.

До вступления в Южную Корею войск США правый лагерь, как уже говорилось, фактически не имел там своих организаций. В некоторых городах и уездах предпринимались попытки их создания, но очень робкие. Они приводили к образованию небольших групп, действовавших полулегально или вовсе подпольно. Выходить на поверхность реакционерам было опасно. Их наверняка смелó бы революционное движение. Рассчитывать на поддержку японских войск уже не приходилось: те сами боялись революционного народа. Пока организационно разрозненные, хотя и довольно значительные численно, правые силы были объединены лишь общей острой тревогой за свою судьбу, желанием помешать революции, не допустить прихода к власти трудящихся, любой ценой сохранить власть капитала.

Вступление в Южную Корею войск США окрылило их. Сразу же стали создаваться правые партии, организации, союзы, реакционные по своему существу, демократические по названию, декларировавшие независимость, но целиком ориентировавшиеся на американский империализм. Если многочисленность и разобщенность демократических организаций была выгодна оккупантам, ибо она распыляла силы революции, то правый лагерь им было важно сплотить в мощный кулак.

В таком направлении и развернулась деятельность США по формированию своей южнокорейской опоры. В первую очередь США делали ставку на буржуазно-помещичью верхушку корейского общества, на чиновников японского колониального аппарата, т. е. на союзников своих предшественников — японских империалистов.

Их объединила созданная 9 сентября 1945 г., в день вступления американских войск в Южную Корею, Демократическая партия. Чрезвычайно интересно познакомиться с ее руководящими деятелями. Это поможет охарактеризовать партию как внутренний форпост колониализма и реакции.

Один из организаторов партии, помещик Сон Джинну, живя после первой мировой войны в Японии, служил в токийской жандармерии. Позднее он деятельно участвовал в захвате японскими милитаристами Северо-Вос-

точного Китая. Вернувшись в Корею, занимался провокационной деятельностью, помогал властям выявлять революционные кадры. Об этом рассказали многочисленные листовки, распространявшиеся демократическими организациями, прогрессивная южнокорейская печать. После убийства Сон Джину (31 декабря 1945 г.; в печати высказывалось предположение, что его убили активные функционеры Демократической партии) лидером ее стал Ким Сонсу — крупный капиталист и помещик, самая главная в партии и весьма неприглядная фигура. Напомним о его деятельности при японском господстве, многообразной и активной. Ким Сонсу был членом Тайного совета при японском генерал-губернаторе, советником Союза по мобилизации сил нации, руководящим деятелем других прояпонских организаций. Даже перечень названий его статей и заявлений, опубликованных в газете «Мэиль синбо» в годы второй мировой войны, достаточен для того, чтобы безошибочно оценить эту политическую фигуру: «Оказать помощь (Японии. — Ф. Ш.) в мобилизации военных сил» (5 августа 1943 г.); «Когда нужно умереть за справедливость, великая честь быть подданным императора» (6 ноября 1943 г.); «Лучшие профессора желают послать своих студентов в армию» (10 декабря 1943 г.) и т. д.

Колоритна политическая фигура и другого видного деятеля Хангук минджудан — Чан Доксу. В колониальный период он также был активным деятелем прояпонских организаций и автором многочисленных статей, призывавших корейцев быть верноподданными японского императора, «отдать все силы победе Японии в войне». Нельзя не привести хоть несколько названий его выступлений в той же «Мэиль синбо»: «Приветствую студентов, идущих в японскую армию» (6 ноября 1943 г.); «Проявляйте смелость» — обращение к студентам (16 ноября 1943 г.); «Без победы Японии Восточная Азия не будет освобождена» (19 июля 1944 г.); «Народ и чиновники должны поддержать своим единством нового генерал-губернатора» (28 июля 1944 г.). И далее в том же духе. Даже одни только эти названия позволяют не заподозрить Чан Доксу в поддержке освободительной борьбы корейского народа и в недостаточной преданности японскому колониальному режиму.

Другие руководящие деятели демократической партии — Хам Санхун, Ю Оккём, Чо Бёнок, Со Саниль, Ку Джеок, Хён Саннюн и прочие — были только калибром поменьше, но мастью — те же.

«Мы встречаем новую весну третьего военного года, желаем процветания японской империи и побед солдатам и офицерам императорской армии», — писал в «Мэиль синбо» 6 января 1944 г. Ю Оккём.

А вот выдержки из выступления Хён Саннюна в «Мэиль синбо» 12 декабря 1944 г.: «Ефрейтор Мацуи и фельдфебель Канехара своими телами указали путь, по которому должна идти молодежь полуострова (Кореи.— *Ф. Ш.*). Молодежь полуострова! Вы должны идти по этому пути. Я уверен, что многие тысячи молодых людей Кореи станут такими, как Мацуи и Канехара». (Мацуи и Канехара — корейцы, летчики-смертники. Они служили в японской авиации и погибли в районе Южных морей; корейские газеты в конце 1944 г. подняли по этому поводу шумную кампанию, пытаясь с ее помощью вербовать новых смертников.)

Когда на страницах сеульских газет в колониальные годы появлялись подобные призывы, кто мог бы поверить, что через короткое время их авторы осмелятся объявить себя поборниками корейской независимости, строителями новой, демократической Кореи? И вот — осмелились.

По заявлению лидеров Демократической партии она насчитывала в это время чуть ли не 50 тыс. членов; левая же печать утверждала, что их было не более 2 тыс. Можно предположить, что в первые после освобождения дни в партии или в числе сочувствовавших ей было немало патриотов. Борьбу за умы и сердца руководство партии вело виртуозно, используя национальную и социальную демагогию, заигрывание и подкуп, шантаж и угрозы. Многое им было взято на вооружение из арсенала японских колонизаторов, которые, как известно, применяли в Корее политику «кнута и пряника» — военного террора и «бархатной кошачьей лапки».

Вот как выглядели основные программные положения Демократической партии, изложенные в ее декларации: «Завершение полной независимости корейской нации, установление демократической власти, улучшение благосостояния трудящихся масс, повышение нацио-

нальной культуры, поддержание мира во всем мире». В качестве политических мероприятий в декларации названы следующие: обеспечение основ народной жизни, установление дипломатических отношений с другими странами, свобода слова, печати, собраний, религиозных обрядов, равенство в образовании и здравоохранении, развитие экономики на основе индустриализации, передача государству или под государственный контроль важнейших отраслей промышленности, рациональное переустройство системы землевладения, создание национальной армии.

Декларация, как нетрудно заметить, включила в себя многие требования, с которыми выступали корейские патриоты в период антиимпериалистического освободительного движения. Ее широко пропагандировали правая печать, радио. Требовалось время, чтобы массы могли убедиться в псевдопатриотической, псевдodemократической сущности этого документа, в том, что дела «демократов» никак не соответствуют словам.

Что же касается руководителей партии, то даже с помощью изощренной пропаганды правых изобразить их борцами-патриотами становилось все сложнее.

Печать сохранила немало свидетельств прояпонской, антипатриотической деятельности руководителей Демократической партии.

Многое было живо и в памяти людей.

Естественно, что ограничиться такой опорой, скомпрометировавшей себя активным сотрудничеством с японскими колонизаторами, США не могли. Они имели в виду использовать ее как цементирующую силу собираемого реакционного блока и основное орудие проведения в дальнейшем политики США. Опыт прояпонских политиков был для таких целей весьма ценен. Их многолетняя антинациональная деятельность, боязнь народного движения, враждебность ему гарантировали верную службу империализму. Это была надежная опора. Но ею нельзя было ограничиться, а до определенного времени ее приходилось и использовать осторожно.

Для сооружения фундамента господства в Корее империалистическим силам США был нужен и другой «строительный материал». Были нужны имена еще популярные в народе — людей, известных как борцы за

независимость страны, и вместе с тем надежных как союзники и помощники. Такие люди были среди эмигрантов. Основную ставку делали на тех, кто специально и долго готовился к роли марионеточных руководителей Кореи, доказал свою верность США. Их «преимущество» перед деятелями Хангук минджудан состояло в том, что они научились ловко жонглировать атрибутами буржуазной демократии, декларациями о борьбе за независимость, политическую свободу и права корейского народа. Если лидеры Хангук минджудан ранее, в годы второй мировой войны, полностью обнаружили свою антинародную, проимпериалистическую сущность, то о предательстве эмигрантских буржуазных деятелей народ не знал и какое-то время они еще могли рядиться в тогу патриотов и демократов. А уж о том, чтобы создать им ореол активных борцов за независимость, позаботился пропагандистский аппарат лагеря реакции.

Главой реакционного лагеря стал Ли Сынман. Об этой зловещей политической фигуре, о человеке, сочетавшем коварство и жестокость восточных феодалов с изощренной лживостью и способностью к маскировке буржуазных деятелей, необходимо сказать подробнее.

Семидесятилетний Ли прибыл в Сеул 17 октября, имея за спиной уже немалый опыт политиканства, весьма обширную политическую биографию, тесные связи с многими американскими капиталистами и официальными учреждениями, непосредственно занимавшимися утверждением позиций США в странах Востока.

С Америкой он был связан давно; незадолго до аннексии, в трудные годы японского протектората, Ли Сынман защищал докторскую диссертацию в Принстонском университете, ректором которого в то время был Вудро Вильсон. Темой диссертации было: «Америка и нейтралитет». В ней, надо полагать, ничего не говорилось о том, что американский «нейтралитет» стал одной из завес тайной сделки, совершенной Соединенными Штатами Америки, которые содействовали установлению японского господства над Кореей в обмен на отказ Японии от претензий на Филиппины. Иначе не стал бы будущий американский президент так доброжелательно и многообещающе пожимать руку новоиспеченному доктору философии.

Вудро Вильсон и его коллеги безошибочно разгадали в Ли Сынмане неудержимую жажду славы, умение приспособливаться к любым условиям, разделять любые догмы, применяться к любым порядкам и ситуациям. В его биографии немало любопытного.

Еще в конце прошлого века, будучи членом Тайного совета при корейском императоре, Ли Сынман усердно протаскивал на различные государственные посты про-японских деятелей. Его разоблачили, обвинили в измене. В 1898 г. Ли был арестован корейским правительством и приговорен к бессрочной каторге. Но в эту трудную минуту у него нашелся защитник. Это был японский посланник в Корее. Он добился смягчения приговора, и бессрочная каторга была заменена семилетним заключением. Отбыв его, Ли укатил в США. Там, завязывая связи с американскими претендентами на господство в Корее, он не забывал о тех, кто ею уже владел. В 1910 г. Ли Сынман вернулся в Корею и до 1912 г. подвизался в Христианском обществе молодых людей, опекавшемся американцами; затем он снова уехал в США.

Когда в 1919 г. под влиянием Великой Октябрьской социалистической революции в Корее развернулось мощное народное движение, Ли взял на себя роль проповедника пресловутых вильсоновских принципов, отравлявших сознание масс, ориентировавших их на «помощь» американского империализма. Он сочинял и направлял в Корею воззвания, сеявшие в народе иллюзии о возможности освободиться от японского империализма с помощью империализма американского. Это было оружие, направленное против корейского народа и его справедливого восстания. Когда же восстание было разгромлено японской военщиной, а корейские буржуазные националисты, стремясь использовать результаты народной борьбы в своих целях, создали в Шанхае эмигрантское «правительство», Ли Сынман был объявлен «президентом Кореи». В качестве такового он настойчиво добивался в период Вашингтонской конференции передачи Кореи под мандантное управление США. Это вызвало протест даже в некоторых группах эмигрантского «правительства».

В корейских эмигрантских кругах было известно если не все, то многое о деятельности Ли Сынмана. В открытом письме Трумэну от 17 марта 1946 г. ко-

рейцы, проживавшие в США, писали, что Ли Сынман, руководствуясь принципом «разделяй и властвуй», сорвал объединение корейцев в США; что он прибегал к терроризму и раздувал «погромные инстинкты толпы», натравливая приспешников на своих политических противников; что он использовал на личные нужды общественные деньги, собранные у корейцев в фонд освободительного движения; что он «самый богатый кореец в США» («Кореан индепенденс», 12.VI.1946).

Ли принял американское подданство, занимался преподаванием, коммерцией и ждал. Ждал, когда пробьет его час и осуществится мечта о генерал-губернаторстве в «диком крае» — так он называл свою родину. Разумеется, ждал отнюдь не сложа руки. Еще в годы войны Ли Сынман сумел закрепить деловыми узами свои теплые отношения с теми американскими дельцами, предпринимателями, которые были непосредственно заинтересованы в эксплуатации горнорудных и других национальных богатств Кореи. Он пообещал не скупиться. Одной из американских компаний, «Ориентал консолидейтэд майнинг», Ли посулил золотые россыпи Унсана, других тоже не обошел обещаниями.

Но основная роль, которую отводили Ли Сынману американские покровители, к которой долгие годы его готовили, заключалась в том, чтобы непосредственно возглавить создание и упрочение корейской опоры США, сил, способных помочь им проглотить «корейский лакомый кусок» (известное определение В. И. Ленина).

И вот 17 октября 1945 г. Ли Сынман прибыл в Кымпхо (близ Сеула). В преддверии этого события правая печать немало потрудились, чтобы окружить имя доктора Ли подобием солнечного сияния, а приезд его в Корею изобразить как национальный праздник.

Ли Сыномана встретили американские генералы, ласковые, предупредительные, но сохраняющие дистанцию, фамильярности не допускающие. Ли Сынман старается держаться скромно. В своем выступлении на аэродроме он заявил, что прибыл в Корею как «частное лицо».

В черном блестящем линкольне, почтительно склонившись к генералу Ходжу, Ли мчится по улицам Сеула. Все в его невзрачном облике говорит, нет, кричит о жажде власти. Картинно приподнята правая рука, чтобы ответить на приветствия толпы.

Но толпы нет. Улицы Сеула пусты.

Ли Сынман, видимо, обескуражен. Правые газетки пытаются объяснить равнодушие населения тем, что оно не было должным образом оповещено о прибытии своего «благодетеля».

Многим по-прежнему далеко не все ясно. Этим пользуется реакция. Так, на 18 октября демократические организации во главе с коммунистами наметили проведение демонстрации и митинга (левая печать и радио сообщили об этом за несколько дней). Неожиданно оккупационные власти их запретили, сообщив об этом также по радио. Однако с самого утра к городскому стадиону, где должен был состояться митинг, потянулись сотни людей. Тут же появились функционеры из правых объединений, организуя в разных местах митинги, развернув яростную антикоммунистическую пропаганду. Выступали оратор за оратором. А демократические деятели молчали. Они опасались нарушить запрет оккупационных властей, на что их явно провоцировала реакция. В общем получилось скверно. Многие уходили со стадиона, не понимая, что же произошло.

20 октября была организована так называемая демонстрация встречи войск США. (Так она именовалась в официальной печати.) Цель демонстрации — представить населению Ли Сынмана и вместе с тем несколько разрядить холодок встречи американских войск 9 сентября, заметное недовольство масс политикой оккупационных властей.

Мне довелось с начала и до конца видеть это зрелище.

Сначала перед зданием Американской военной администрации состоялся митинг. Он был немногочисленным, часть площади пустовала, и на лице генерала Ходжа было нетрудно прочесть раздражение и гнев.

«Корейский народ должен испытывать чувство большой радости,— заявил он в своем выступлении.— В Корею вернулся великий государственный деятель, отец корейского народа Ли Сынман».

Примерно то же говорили и другие ораторы. Ли Сынман угодливо кланялся выступавшим, а перед Ходжем вообще пал ниц. Потом выступил. Генерала Ходжа он назвал «великим освободителем и лучшим другом корейского народа» и произнес в его честь троекратное

«мансе!». А в заключение немного сказал о себе: «Я не стремлюсь к ответственным постам, к высокому положению, но, если вы меня выдвинете своим руководителем, ради блага народа я не откажусь». И в этот момент бесцветное, казалось бы, лишенное жизни лицо человека на трибуне озарилось радостью.

Но торжественной встрече готовился весьма конфузный финал. Когда жиденькие колонны демонстрантов вышли на улицу Чонно, внезапно из окон, с крыш домов, с тротуаров, где стояло множество людей, в демонстрантов полетели булыжники, палки, другие предметы. «Долой национальных предателей!» — кричали из толпы. И неведомо откуда на демонстрантов обрушился дождь листовок. «Власть народным комитетам!», «Мы требуем признания народных органов власти!», «Мы требуем предоставления народу политических свобод, как в Северной Корее!» — говорилось в листовках.

В них сообщалось, что патриоты Южной Кореи продолжают создавать органы народной власти и демократические организации, что 27 сентября был создан народный комитет провинции Северная Кёнсан, 14 октября — народный комитет провинции Канвон, а 16 октября — города Инчхон; что в эти органы демократической власти вошли представители самых различных слоев населения; что народные комитеты ставят своей главной задачей создание независимого, демократического корейского государства, улучшение жизни народных масс.

Как и в других воззваниях и прокламациях, в них рассказывалось о том, что в Северной Корее Советская Армия признала народные комитеты, создала все условия их деятельности, оказывает им братскую помощь, что там восстанавливаются разрушенные японской военной завод, транспорт, налаживается жизнь.

На одних листовках была подпись «Сеульский народный комитет», другие вообще не были подписаны; многие размножены на ротапинтере, иные — рукописные.

В листовках не было критики в адрес американского командования в Южной Корее, но различие в положении на Севере и на Юге страны, которое они подчеркивали, говорило не в пользу политики и деятельности американских войск. Напомним, что в начале октября в Пхеньяне состоялось Совещание представителей народных комитетов Северной Кореи, обсудившее насущ-

ные вопросы их деятельности. Совещание рассмотрело вопрос о создании постоянно действующих местных органов власти и проведении демократических выборов.

Как друзья и помощники, участвовали в нем представители советского командования. Генерал И. М. Чистяков, выступая на этом совещании, еще раз подчеркнул, что Советская Армия в Северной Корее не преследует никаких корыстных целей, не собирается наезывать свои порядки: «Вы сами устанавливайте порядки, какие желает ваш народ. Мы не собираемся захватывать частную и общественную собственность граждан Северной Кореи. Она находится под надежной защитой советских военных властей»⁵. Но вернемся в Сеул.

Распространялись в этот день и воззвания реакционеров, требовавших уничтожения коммунистов и возглавленных ими народных комитетов.

Были и осторожные, вкрадчивые, призывавшие к дружбе и единству корейцев. Множество отпечатанных типографским способом листовок приветствовали Ли Сынмана, прославляли его «заслуги» перед родиной.

Конечно, можно было ознакомиться лишь с малой частицей этой литературы. Однако оставалось несомненным, что подавляющая ее масса была направлена против «отца и учителя» корейского народа — Ли Сынмана.

Шквал булыжников, палок, осколков, летевших в демонстрантов, казался нескончаемым.

Американские полицейские начали дубинками разгонять толпу с тротуаров. Им на помощь бросился отряд корейских полицейских, шествовавших впереди демонстрации.

Вскоре улица Чонно опустела.

Праздника встречи явно не получилось.

Но это не мешало оккупационным властям продолжать делать ставку на Ли Сынмана как на организатора и главу реакционного лагеря Южной Кореи.

Мне не раз довелось слышать выступления Ли Сынмана. Чем-то он напоминал упоенного успехом, любующего собой актера. Вместе с тем бросалось в глаза, что он знает, как найти путь к сердцам слушателей.

...Патетически звучат дорогие каждому корейцу

⁵ См. Н. Г. Лебедев, Заря свободы над Кореей, — «Во имя дружбы с народом Кореи», стр. 38.

слова о родине, о независимости, о свободе. Но вот в голосе зазвенел металл, руки оратора вздымаются. Это Ли говорит об «угрозе», которая якобы нависла над страной, — ей «угрожают»... левые силы. Нет, он не говорит, а истошно вопит, протестует, требует, чтобы вопили, и протестовали все. Он — позер, и откровенный позер. Но некоторые воспринимают с восторгом и его фразу, и позу, и примитивную актерскую игру.

Активной силой правого лагеря стало временное корейское эмигрантское «правительство» в Шанхае. Бесславной была его двадцатипятилетняя деятельность. С одной стороны, «правительство» играло на японо-американских противоречиях, стараясь извлечь из них для себя побольше выгод. С другой стороны, оно спекулировало на стремлении корейского народа к независимости, на его обостренных национальных чувствах и страстном желании иметь свое собственное правительство. Разумеется, все это относится лишь к реакционной верхушке корейских эмигрантов. Как и созданная при правительстве в 1922 г. Партия независимости Кореи, оно не являлось чем-то единым. Было много добросовестно заблуждавшихся, искренних патриотов, плененных декларациями, да и самим названием — «корейское правительство». Разобравшись в антинародных целях, скрываемых под этой вывеской, многие порвали с ним.

Для прозрения других потребовалось больше времени. Часть деятелей «правительства» после метаний, поисков, разочарований оказалась в конце концов в лагере демократических сил. Но и среди оставшихся в «правительстве» и Партии независимости Кореи продолжалась внутренняя борьба, образовались группы, оппозиционные руководству, враждовавшие между собой.

Таковыми в ноябре вернулись члены «правительства» и Партии независимости в Южную Корею.

Стоит напомнить о их предыдущей деятельности и о некоторых программных документах. Так, в обращении к правительству США в апреле 1919 г. они писали, что предполагается «создать правительство по образцу США, насколько это возможно при существующем образовании корейского народа. В первое десятилетие, возможно, будет необходимо установить централизованное управление, но постепенно, с поднятием умственного уровня населения, с увеличением его опыта самоуправле-

ния оно будет допущено к большому участию в государственных делах». И действительно, в «Положении о временном парламенте» говорится, что членом его может быть «гражданин народного государства, имеющий среднее образование (разрядка наша. — Ф. Ш.), в возрасте от 25 лет и выше».

Свои планы и надежды временное «правительство» неизменно связывало с США. В феврале 1919 г. оно послало на Парижскую мирную конференцию своих представителей, но, как известно, собравшиеся в Версале империалистические державы даже отказались их принять и выслушать. В июне того же года Ли Сынман обратился от имени «правительства» и к японскому императору. Он выразил надежду, что «разногласия» между Японией и Кореей «могут быть объяснены и устранены».

Как писала демократическая печать, США финансировали временное «правительство» через корейские эмигрантские организации (это делалось под видом «пожертвований»). Большую помощь деньгами и оружием ему оказывали и правые китайские организации.

Основная деятельность «правительства» концентрировалась вокруг проблем получения денежных средств и признания другими государствами. Что же касается освободительной борьбы корейского народа, именем которого оно неизменно прикрывалось, то к этой борьбе «правительство» отношения не имело, оно фактически ей противостояло. Даже работы, изданные шанхайскими эмигрантами и имевшие целью широко распропагандировать практическую деятельность «правительства», не могли ничего назвать, кроме террористических актов⁶.

О подлинных делах шанхайских буржуазных эмигрантов рассказывала народу корейская демократическая печать. В частности, газеты сообщали, что в июне 1921 г. в Пекине на съезде 15 корейских эмигрантских организаций было принято решение считать временное «правительство» самозванным и объявить его распущенным. Особое возмущение на съезде было выражено в связи с намерениями Ли Сынмана добиться передачи Кореи под мандатное управление США.

⁶ Например, сборник «Первомартовское движение и временное правительство народного государства Тэхан» (Сеул, 1946) и др. (Тэхан — одно из названий Кореи).

Постепенно усилился процесс отхода от «правительства» его временных попутчиков и сотрудничавших с ним патриотических организаций. Оно все больше превращалось в центр антинародных и антинациональных сил. Развитие возглавленного коммунистами корейского партизанского движения, которое было непосредственно связано с освободительной борьбой в стране, делало еще более наглядной жалкую роль временного «правительства», оказавшегося на привязи у империализма. В январе 1934 г. оно переехало в Ханьчжоу, а затем кочевало с места на место. В 1939 г. оно обосновалось в Чунцине.

После Каирской конференции деятельность «правительства» оживилась.

Характерные материалы содержит названная уже книга «Первомартовское движение и временное правительство народного государства Тэхан». В ней сообщается, что после Каирской декларации 1943 г. Чан Кай-ши стал проявлять большой интерес к Ким Гу, являвшемуся в то время премьер-министром «народного государства».

«Правительство» создало военный кабинет и уделяло большое внимание укреплению своих вооруженных сил. Одновременно оно старалось упрочить сотрудничество и связи с правыми элементами гоминьдана. Газета «Кореан индепенденс» (издававшаяся в Сан-Франциско) писала, что эмигрантское «правительство» от имени корейского народа заключило с правительством Чан Кай-ши так называемый договор из 9 пунктов. Точное содержание его не известно, однако по проникшим в прессу сведениям этот «договор» предусматривал в будущем передачу «правительством» прав по внешним сношениям и управлению корейской промышленностью Китаю. Чан Кай-ши в свою очередь обязался оказывать эмигрантскому «правительству» материальную помощь и содействие в превращении его в «законное правительство Кореи».

Демократическая печать, разумеется, широко проинформировала об этом читателей. Особой сенсации сообщение не вызвало. Многие знали, что от эмигрантского «правительства» можно ждать всего.

Его главарь Ким Гу — фигура сложная, противоречивая. По-разному встретили его на различных полюсах южнокорейской политической жизни: реакция — с радостью и надеждой, как друга и союзника; демократиче-

ские круги — с пониманием, что это серьезный противник, опытный политикан, пользующийся популярностью в определенных кругах мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно студенческой молодежи.

Что создало ему такую популярность? Главным образом участие в террористических актах, в частности в покушении на первого генерал-губернатора Кореи Тэ-раути в 1911 г. Ким Гу был тогда приговорен к длительному тюремному заключению, но досрочно освобожден, после чего эмигрировал в Шанхай. Там он также совершал террористические акты против японских государственных деятелей и военных. Вести об этом проникали в Корею, создавали Ким Гу славу «отважного террориста».

Хотя после возвращения в Корею Ким Гу присоединился к лагерю, возглавляемому Ким Сонсу и Ли Сынманом, он все же отличался от них. Как можно судить по многочисленным материалам (публиковавшимся в те дни в печати), это была натура мятежная, неуравновешенная, способная на смелые, решительные поступки и одновременно — на беспринципные сделки, соглашательство и даже измену. Можно допустить, что Ким Гу искренне хотел видеть свою страну независимой. Об этом говорит не только начало его политической биографии, но и конец. (Забегая вперед, напомним, что он выступил против сепаратных выборов в Южной Корее, участвовал в работе объединенного совещания политических партий и общественных организаций Северной и Южной Кореи в апреле 1949 г. Позиция его и тогда оставалась неустойчивой. Он боялся углубления социальной революции, продолжал метаться. Но одно он, видимо, понял и поддержал — идею мирного объединения страны. За это он и поплатился жизнью. 26 июня 1949 г. у себя в квартире Ким Гу был убит ставленниками Ли Сынмана.)

Когда временное «правительство» прибыло в Сеул, Ким Гу был уже очень немолод — ему было почти 70 лет. Однако он энергично добивался признания временного «правительства» законным и единственным, а себя, разумеется, его главой. В этих целях Ким Гу сблизился с руководителями Хангук минджудан и с Ли Сынманом, которые в свою очередь увидели во временном «правительстве» силу, серьезно укрепляющую лагерь

реакции, противостоящую народным комитетам, демократическому движению.

Мне довелось слышать и выступления Ким Гу. Нужно сказать, что они оставляли сильное впечатление, а сам он казался человеком, играющим ва-банк — все или ничего. Несмотря на видимое единство позиций, между Ли Сынманом и Ким Гу начался своеобразный поединок. И дело было не только в том, что каждый хотел лидировать, но и в том, что они не совсем одинаково видели будущее страны. Для Ли Сынмана главным была его неограниченная власть. Для Ким Гу имели значение вопросы национальной независимости родины. Другое дело, что путей ее достижения он так и не понял.

Сразу же после приезда «правительства» газеты правого толка запестрели материалами, рассказывавшими о его «многолетней борьбе за независимость Кореи». Появилось сообщение и о том, что «правительство» выдвинуло требование о его признании союзными державами, что оно заявило об отказе подчиняться распоряжениям военной администрации; более того, что «правительство и его вооруженные силы (которые-де необходимо расширить и укрепить) берут на себя поддержание внутреннего порядка в Южной Корее».

Хотя прогрессивная печать и разъясняла массам, что это маневр, не больше, имеющий целью раскол и дезорганизацию демократических сил, подрыв влияния и популярности народных комитетов, видимо, многие восприняли заявление временного «правительства» как серьезную заявку на власть и как акт гражданского мужества.

Реакционные организации, особенно Хангук минджудан, развернули шумную кампанию за признание временного «правительства». О том, что при этом первостепенной задачей реакции было использование его для расправы с народной властью, свидетельствует опубликованная 7 декабря 1945 г. в газете «Син Чосон» резолюция центрального комитета партии. Резолюция требовала: «Оставить эмигрантское правительство в его настоящем составе... Выработать такую политическую платформу, чтобы все союзные державы признали эмигрантское правительство как правительство Кореи. Необходимо, чтобы военная администрация

издала приказ о роспуске народных комитетов, являющихся помехой для завершения независимости Кореи (разрядка наша.— *Ф. Ш.*)». Яснее не скажешь.

Длительное время находясь в Китае, временное «правительство» испытало на себе большое влияние правых сил гоминьдана, с которыми оно было тесно связано, воздействие их программных положений, методов борьбы. Вооруженные силы «правительства» — непосредственные выученики войск Чан Кай-ши.

Вместе с тем следует, видимо, еще раз отметить, что характеристика временного «правительства» требует внимательного учета его внутренней сложности и противоречивости, а также общего положения в Корее, где не было еще четкой дифференциации классовых сил. Ведь в первый период деятельности «правительства» в него входили и коммунисты. Да и в последующем оно оставалось неоднородным.

Вместе с временным «правительством» в Сеул прибыла группа руководителей Хангук тонниптан (Партия независимости Кореи). Она была основана в мае 1922 г. в Шанхае и в то время насчитывала не более 100 человек. Постепенно ее ряды пополнялись представителями разных классовых слоев, но основу составляла средняя и частично мелкая буржуазия. Вывеска партии национального «правительства» действовала магически. К тому же пропаганда буржуазных эмигрантов немало потрудились, чтобы создать Партии независимости Кореи и в среде трудящихся славу подлинного борца за независимость.

После приезда в Сеул позиция и деятельность партии характеризовались, как и ранее, в эмиграции, постоянными колебаниями, непоследовательностью. Остро давала себя чувствовать социальная неоднородность ее состава. Руководство партии активно участвовало в движении против решений Московского совещания о Корее. Оно мусолило версию, будто СССР «требуется передать в его постоянное пользование порт Вонсан и выдвигает другие притязания». Позднее начнется некоторая трансформация курса партии, снижение его антикоммунистической всинственности, непримиримости к демократическому лагерю. В партию вольются другие организации. Но все это позднее.

Сразу же по приезде в Сеул «правительство» получило не только политическую и моральную, но и солидную материальную поддержку южнокорейской реакции.

6 декабря 1945 г. «Минджу ильбо» писала, что 3 декабря состоялось совещание 17 крупных корейских финансистов, которые создали специальную комиссию для оказания материальной помощи эмигрантскому «правительству». Пока же было собрано «из личных средств присутствующих» 900 тыс. иен.

Как же реагировали на все это оккупационные власти? Весьма любопытно.

«Выпадами» в их адрес со стороны шанхайского «правительства» не возмутились и всерьез их не приняли. С претензиями на реальную власть не согласились. Напомним, что незадолго до приезда временного «правительства», 17 октября, командование американских войск разъяснило в опубликованной декларации, что «военная администрация есть временное правительство, созданное американскими оккупационными войсками к югу от 38-й параллели... и на юге Кореи оно является единственным правительством».

Это заявление было направлено против народных комитетов; но оно не позволяло признать «правительством» и вернувшихся из Китая корейских эмигрантов. Командование заявило, что они прибывают в Сеул как частные лица, однако с первых же дней оказывало им всяческую поддержку, что называется, «взяло на довольствие». Постепенно истошный голос временного «правительства» и Партии независимости в политической жизни менялся, становился ровнее, вливаясь в общий хор оккупантов и южнокорейской реакции. Кроме Демократической партии и Партии независимости Кореи — ведущих сил правого лагеря, — были и другие, близкие им по духу организации. Реакция пыталась укрепить, собрать воедино маломощные, малочисленные группы, именовавшие себя «партиями»⁷.

25 сентября 1945 г. на базе слияния нескольких небольших организаций была основана Кунминдан (Национальная партия) — объединились так называемые

⁷ Эдгар Сногу писал, что последователи появившихся там крохотных партий «едва ли составляли 1% всего населения. В большинстве это были даже не партии, а гильдии партнеров по бизнесу» («Сатэрдей ивнинг пост» 30 марта 1946 г.).

Социал-демократическая, Либеральная, Республиканская и Корейская национальная партии. Как можно было судить по сообщениям демократической прессы, Национальная партия объединила крупных и средних буржуа, помещиков, кулаков. На первых порах в нее стали вступать и представители мелкобуржуазных городских слоев, интеллигенции. Это одна из очень разнородных по составу буржуазных партий.

А в декабре того же года 21 реакционная организация были слиты в так называемую Новую национальную партию. Тоже выразительница интересов буржуазии и помещиков, тоже ориентировалась на помощь американского империализма. Газеты писали, что на организационном собрании партии, где принимались ее программные установки, призванные не столько раскрыть, сколько умело скрыть подлинные цели и задачи партии, присутствовали генерал Арнольд и Ли Сынман, призывавшие к борьбе против народных комитетов.

Вообще, если попытаться охарактеризовать программы южнокорейских реакционных организаций, очень между собой сходные и отличавшиеся лишь в частности и деталях, то главное в них, их конечная цель, общая единая задача — помешать развитию народно-демократической революции, создать буржуазное государство, ориентирующееся и опирающееся на США.

В этих организациях формировалась правящая элита Южной Кореи. Состав ее неоднороден. На традиционные пласты, образовавшиеся из старой корейской аристократии, помещиков, буржуа, крупных чиновников колониального аппарата, наслаивались новые образования из буржуазной эмиграции, в своей массе европеизированной. Несомненно, многие из этого правого лагеря хотели бы видеть Корею независимой от Америки. Но в условиях антикоммунистической истерии, раздувавшейся реакцией, страха перед властью трудящихся они оказались в блоке проамериканских сил.

Программы и декларации правых партий на первых порах могли ввести в заблуждение многих. Все они на словах провозглашали задачи создания независимого, демократического корейского государства, предоставления народу политических свобод. Псевдопатриотическая фразеология в обстановке высокого накала национальных чувств корейцев и отсутствия у большинства из них

политического опыта и закалки действовала сильно и некоторое время была в цель. Это привело в ряды правых партий и организаций наряду с представителями буржуазных и мелкобуржуазных кругов и наименее зрелые группы трудящихся. Правый лагерь в период формирования по своему социальному составу был очень пестрым. Его руководящая верхушка предпринимала немало усилий, чтобы расширить массовую базу, заметно пыталась прибрать к рукам националистические организации, до того не имевшие определенной платформы. Некоторым из них хотелось остаться в стороне от политической борьбы, ограничиться самоусовершенствованием, развитием национального самосознания.

Их сразу проглатывала реакция, вовлекала в свои ряды, что называется, пожирала на глазах. Но не только их. Это, в частности, произошло с одной из довольно крупных организаций — Всеобщим союзом слепых (создана 28.12.1945). «Почему так случилось?» — спросили мы товарища Кима, рассказавшего об этом. «Потому, что слепые», — ответил он.

В той или иной мере все оказавшиеся в сетях реакции — слепые. Но вовлечь в эти сети мало. Важно удерживать, а это сложнее.

Все заметнее становится переливание сил в политической жизни Южной Кореи.

Одно из выражений этого процесса — создание центристских буржуазных организаций. Их образуют различные потоки политической жизни.

Первый, видимо, основной: от правого лагеря откалываются заблуждавшиеся, начинавшие понимать, что лозунги о независимости фальшивы, что в союзе с империализмом ее не обеспечить. Последовательная и честная позиция демократических сил во главе с коммунистами в вопросе борьбы за независимость их привлекает, но социальная программа пугает. Они оказываются где-то в центре. Состояние, конечно, временное, весьма нестабильное. Второй поток устремляется в центр с противоположной стороны. Его образует другое течение.

Углубление революции все настойчивее ставит вопрос о дальнейших путях развития Кореи.

Некоторые мелкобуржуазные и буржуазные патриоты, в первые революционные дни активно поддержав-

шие коммунистов, народно-демократический лагерь, не принимают их социальной программы. Отходят. И пока оказываются в центристских организациях. Для многих они определенный этап, перевал.

Вместе с тем трудно допустить мысль, что американских руководителей устраивала сколачиваемая ими опора. Скорее всего они рассматривали ее лишь как первоначальную базу, вокруг которой впоследствии можно сплотить более широкие слои народа, поставив во главе более авторитетных деятелей.

Вообще же о том, как оценивали американские руководители происходившее в Корее, можно в какой-то мере судить по опубликованной в журнале «Нэйшнл джиогрэфикэл мэгэзин» в июне 1947 г. статье генерал-лейтенанта Дж. Ходжа «С армией США в Корее». Этот бывалый генерал не лишен наблюдательности: «В одном корейцы безусловно сходятся. Они все хотят своей независимости. Свыше 40 лет японского господства, насилия и эксплуатации лишь разожгли их стремление к свободе. Каждому корейцу с детства внушали, что следует жить во имя независимости. Они надеются, что уже недалеко то время, когда они смогут иметь независимую, единую страну». Генерал Ходж не разделял этих надежд. Он даже слегка подтрунивал над легковерием корейцев. «Несмотря на вековую культуру (генерал отдавал ей должное.— Ф. Ш.), корейцы попали в затруднительное положение, когда им пришлось переводить часть Каирского соглашения от декабря 1943 г., которая имела отношение к их стране. Рузвельт, Черчилль и Чан Кай-ши, решившие на исторической конференции освободить народы, поработанные Японией, согласились на том, что Корея должна быть „в надлежащий срок“ свободной и независимой. Даже на нашем языке „в надлежащий срок“ — неопределенно. На корейский же язык эту фразу особенно трудно перевести,— потешается генерал. — Это может означать: „через несколько дней“, „через несколько недель“, „через несколько лет“ или „через несколько десятков лет“. Вот где камень преткновения для корейцев, которые перевели эту фразу выгодно для себя. Многие из них перевели это словами „через несколько дней“».

Связывая независимость Кореи с Каирской декларацией, генерал Ходж, разумеется, не вспомнил о таких

исторических «деталях», как освобождение Кореи при решающей роли СССР от империалистического господства Японии, открывшее пути к созданию независимого, демократического корейского государства; как принятое в соответствии с советским проектом решение Московского совещания министров иностранных дел, призывавшее содействовать быстрейшему осуществлению этой задачи. Ничего этого нет в статье Ходжа.

«Будущее Кореи неопределенно», — писал он.

Один из разделов статьи повествовал о решении американской военной администрацией задачи «восстановления корейской экономики и обеспечения населения продовольствием. Командующий говорил об этом весьма кратко. Все сводилось к тому, что из США ввозятся удобрения и крупа, предотвращен голод. Значительное место в этом разделе отводилось миссионерам. «Много лет американские миссионеры работали с корейцами. С окончанием войны церкви Соединенных Штатов вновь пришли на помощь своим корейским духовным миссиям». Чем же? Оказывается, на рождество 1946 г. для корейских детей поступила от Всемирной церковной службы 1000 коробок с подарками. В них были конфеты, простые игрушки и теплые рукавички.

Расширившееся строительство и переоборудование портов, железных и шоссейных дорог и другие акции, связанные с использованием Южной Кореи как военно-стратегического плацдарма, командующий преподносил как одну из мер предотвращения безработицы.

Генерал не лишен и юмора. Заявляя, что «корейцы — закоренелые индивидуалисты» (?), он пишет, «что с момента прибытия в Корею войск США у корейцев появилась возможность нашего времени осуществить демократические свободы (разрядка наша. — Ф. Ш.)... Политические затруднения Кореи еще не устранены полностью, — продолжал Ходж, — но корейские граждане могут уже забыть свои стычки, продовольственные затруднения, политическую сумятицу и связанные с другими обстоятельствами заботы». Почему они могут все это забыть, неясно.

Генерал Ходж поражен порядками в «русской зоне», как он именует северную часть страны. Чем же? Оказывается, когда проходит через нее конвой американских грузовиков, то «это целая церемония».

«Русские буквально выполняют приказы» — называется один из разделов статьи. Ходж неприятно удивлен. «Там, где мы поощряем проявление фантазии и собственного суждения, укрепление чувства долга в американском солдате, русские не позволяют никаких отступлений». Он приводит такой пример. Один из американских шоферов (по-видимому, неподалеку от контрольного пункта советских войск) увидел доски, лежащие вдоль дороги. Шофер взял эти доски в грузовик. Но бдительный русский солдат заметил это и не захотел разрешить, чтобы доски провозились через русскую зону. «Наши солдаты,— пишет Ходж,— были обвинены тут же в расхищении важных материалов на полуострове Онджин».

Иными словами, советский солдат не позволил бесцеремонно обращаться с корейским добром, будь то заводы, шахты или доски. Генерал смеется над этой «бдительностью», «ограниченностью», «буквальным», «лишенным инициативы» выполнением приказов, в частности приказа советского командования бережно относиться к национальному достоянию корейского народа.

Факт мелкий? Да, конечно. Но, как известно, мир может отражаться и в капле воды. В этой мелочи, в этой «капле воды» отражены два мира, два отношения их представителей к народу, на земле которого они оказались.

В заключение Ходж пообещал, что после создания самостоятельного единого корейского государства «мы покажем корейцам, каким образом они могут идти к прогрессу... дабы занять полноправное место в мире».

Немало потрудились американские военные, политики, пропагандисты, чтобы показать этот «путь к прогрессу» по образцам американской демократии, на поводу у американского империализма.

А между тем революционный процесс в Южной Корее продолжал углубляться. Создавались народные органы власти. В частности, 20 октября — народный комитет провинции Южная Чолла. Демократическая печать отмечала, что местные народные органы власти, созданные во многих деревнях, решительно требовали реализации постановления оккупационных властей о снижении арендной платы до одной трети урожая, которое помещики отказывались выполнять.

В ряде мест вспыхнули забастовки.

Газеты и радио сообщили, что 24 октября объявили забастовку работники сеульского трамвая. Впрочем, об этом можно было и не сообщать. Трамваи стояли, люди шли пешком, власти заметно нервничали. По радио несколько раз передали, что принимаются меры для «урегулирования конфликта» и вот-вот трамвайное движение возобновится.

Более подробно о забастовке рассказали воззвания, распространявшиеся профсоюзами. В них были изложены требования бастующих: повысить заработную плату рабочим и служащим трамвая, снять со всех руководящих постов в компании и трамвайном парке «прояпонские элементы».

В листовках говорилось, что положение южнокорейских трудящихся до тех пор будет тяжелым и беспросветным, пока их представители не станут принимать активного участия в управлении страной: «Да здравствуют народные комитеты, подлинные выразители воли и интересов нации!»

Требования сеульских трамвайщиков в конце концов были удовлетворены.

Забастовки происходили не только на предприятиях Сеула, но и в других городах. Сообщения о них то и дело проникали на страницы газет.

Силы революции в Южной Корее и после вступления войск США и значительнее, и многочисленнее сил реакции. Однако если последние, собранные и организованные оккупантами, получили широкий простор и самые благоприятные условия для своей деятельности, то демократические организации, наоборот, преследуются, подвергаются гонениям и злобной клевете. На их стороне великая сила правды; ее каждодневно подтверждает жизнь, и особенно опыт Северной Кореи. Но доносить до масс эту правду крайне трудно. Ее захлестывают волны дезинформации, клеветы, распространяемой правыми, у которых для этого имеются все необходимые средства — мощный пропагандистский аппарат, материальная и идейная поддержка оккупационных властей.

Особенно тяжелые условия сложились у южнокорейских коммунистов.

На них в первую очередь ополчилась реакция. Ведь

основой ее существования, ее линии и политики стал антикоммунизм.

Компартия Северной Кореи прилагала большие усилия, чтобы помочь южнокорейским коммунистам. Все ее практические дела, стратегия и тактика, методы преобразования общества, ее неутомимая борьба за единство коммунистических сил стали результативной помощью и большой школой для коммунистов Южной Кореи, условия деятельности которых все более усложнялись. Они были совсем иными, чем у коммунистов Северной Кореи. Да и сравнивать невозможно. Там — рядом находились дружественные советские войска, братья по классу, интернационалисты, видящие свою главную задачу в том, чтобы помогать освобожденному народу строить новую жизнь. А в Южной Корее — оккупанты, зачастую проявлявшие откровенный расизм. Они фактически помогали не народу, а его врагам, на них опирались, их поддерживали. И вместе с тем это была армия союзного с СССР государства, участника антифашистского блока. Она находилась в Южной Корее в соответствии с соглашением между союзниками. Выработать в таких условиях тактику борьбы южнокорейским коммунистам было непросто. В сложившейся обстановке нелегко определить и грани единого национального демократического фронта, отличить друга от противника, союзника от временного попутчика.

И тем не менее здоровые силы коммунистической партии Южной Кореи — во главе народной борьбы. Одной из их крупных побед, свидетельством растущего влияния коммунистов в массах стало создание крупных демократических организаций, объединявших основную массу трудящихся города и деревни, значительные слои интеллигенции. Так, на состоявшемся 5—6 ноября съезде представителей местных профсоюзных организаций (присутствовали 515 человек) была создана Конфедерация труда. Она объединила 17 производственных профсоюзов Южной Кореи. Как указывалось в печати, наиболее жизнедеятельные из них — профсоюзы транспортников, горняков, металлистов, химиков, пищевиков, текстильщиков.

На съезде принята следующая программа действий. Борьба за улучшение жизни рабочих и установление минимума зарплаты; за введение восьмичасового рабо-

чего дня; выплату одинаковой заработной платы за равный труд независимо от пола, возраста и национальности; предоставление одного выходного дня в неделю и месячного отпуска в году с сохранением заработной платы за счет предпринимателя; предоставление женщине-работнице отпуска по беременности с сохранением оплаты — по два месяца до и после родов; установление семичасового рабочего дня на вредном производстве; запрещение труда детей в возрасте до 14 лет; строительство для рабочих жилищ, бытовых учреждений, клубов, читален и больниц; обеспечение женщин-работниц детскими яслями, комнатами матери при предприятиях, где они работают; создание для рабочих различных организаций культурно-просветительного характера; против закрытия предприятий и увеличения безработицы; за передачу заводским комитетам всех предприятий японских империалистов, национальных предателей и прояпонских элементов и предоставление рабочим права контроля; введение социального страхования по безработице, болезни, увечьям, а также за обеспечение семей умерших рабочих; против системы надсмотрщиков; за предоставление свободы слова, печати, собраний, организаций, забастовок и демонстраций; предоставление избирательных прав мужчинам и женщинам, достигшим 18 лет; за активную поддержку крестьянского движения.

Программа заканчивалась словами: «Да здравствует независимость Кореи!»

После съезда профсоюзов началось создание местных отделений Конфедерации труда. Печать сообщала, что они созданы в Сеуле, Инчхоне, Пусане, Масане, Мокпхо, Кунсане, Тэгу, Тэджоне, Кванджу и других местах.

Эта программа рабочего движения встретила широкую поддержку трудящихся. На многих предприятиях проходили митинги рабочих. Под руководством коммунистов создавались многочисленные крестьянские союзы. Демократическая печать сообщала, что ведется подготовка к их объединению и созданию крестьянской организации с общим центром.

Союзы выдвигали требования земельной реформы, улучшения жизни крестьян. Как и профессиональные союзы рабочих, они участвовали в общенациональном

движении за создание независимого, демократического корейского государства, за установление власти народа.

Активную деятельность развернули Демократический союз молодежи и Демократический женский союз — мощные отряды складывавшегося под руководством коммунистов фронта революционных сил.

Многие из созданных организаций называли себя общекорейскими. Это не отражало реального положения дел, а было продиктовано, видимо, как тем, что они были созданы в столице Кореи — Сеуле, так и непониманием, что магистраль развития Кореи пролегла не здесь, а в Северной Корее.

Кроме коммунистической партии были организованы Намчосон инминдан (Народная партия Южной Кореи) и Намчосон синминдан (Новая народная партия Южной Кореи), обе весьма характерные для южнокорейской действительности с ее возраставшей поляризацией политических сил.

История создания Народной партии уходит в колониальные годы. Партия выросла из Конгук тонмэн (Союз возрождения государства) (одним из его руководителей был Ё Унхён), подпольно действовавшего в Корее с августа 1944 г. На базе союза после освобождения был организован Чосон конгук чунби вивонхве (Подготовительный комитет по возрождению корейского государства). 12 ноября 1945 г. он был переименован в Инминдан (Народную партию). Ее лидером стал Ё Унхён. Опубликованная в печати декларация партии перечислила ее основные программные требования: создание подлинно демократического государства на основе мобилизации всех сил корейской нации, создание плановой экономики, развитие прогрессивной национальной культуры. Ближайшей политической задачей партия считала созыв съезда народных представителей и ускорение создания конституции, раскрепощение женщин. В области экономики провозглашены конфискация в пользу государства собственности, принадлежавшей японцам и национальным предателям, проведение земельной реформы; передача государству важнейших отраслей промышленности и взятие под контроль государства средней и мелкой промышленности; развитие промышленности. Один из пунктов программных положений провозглашал «защиту частной собственности». Были намечены пре-

образования в области труда, здравоохранения, просвещения, обороны.

Эти требования отвечали задачам первого, общедемократического этапа революции и являлись основой для объединения вокруг партии не только трудящихся, но и патриотических слоев национальной буржуазии. Особенно привлекал их пункт о «защите частной собственности». В основных чертах программная платформа Народной партии совпадала с программой-минимум коммунистов, что сделало их союз прочным и принципиальным.

В конце 1945 г. образовалась Синминдан (Новая народная партия), тоже зародившаяся в условиях национально-освободительного движения. Она была создана на базе Чосон тоннип тонмэн (Союз независимости Кореи), действовавшего в Китае. После капитуляции Японии часть деятелей союза вернулась в Северную Корею, часть — в Южную. Были созданы Синминдан Северной Кореи и Синминдан Южной Кореи. Лидером Новой народной партии Южной Кореи вначале был известный корейский историк Пэк Намун, затем видный адвокат и общественный деятель Хо Хон (он выступал в колониальные годы на процессах против коммунистов их защитником).

Эта партия, тоже близкая к коммунистической, стала одним из важных отрядов демократического лагеря Южной Кореи. К нему относится и Чхонудан (Партия молодых друзей), созданная в октябре на базе прогрессивной части религиозного общества Чхондогё. Она была еще более разнородна по социальному составу своих членов, чем Новая народная партия.

Немного о разном

По радио — интересные сообщения о Северной Корее (их, по-видимому, организуют демократические объединения). Передавали обращение генерал-полковника И. М. Чистякова к корейскому народу и его заявление о политических свободах в северной части страны, о деятельности народных комитетов, продовольственном снабжении, восстановлении предприятий. На днях (13 сентября) была передача о детях, работавших на Хыннам-

ском химическом комбинате. Большинство из них — законтрактованные вербовщиками сироты. Чтобы попасть на работу, они прибавляли себе годы. Вербовщики делали вид, что верят, хотя при взгляде на этих детей нетрудно было убедиться, что возраст их сильно завышен. Многих брали на тяжелые работы. Радио сообщило, что, когда этих детей освободили от непосильного труда, они никак не могли поверить этому, сопротивлялись, плакали, боялись, что лишатся работы. На пищу они набросились, как голодающие.

А сколько таких детей в Южной Корее! Для них пока ничего не сделано.

Беседовала с двумя американскими журналистами. Жаловались, что трудно разобраться в происходящих событиях. «Кто кого поддерживает, кто кого ругает? Не зря, — говорили они, — бытует поговорка: „Албания — загадка Европы, а Корея — загадка Азии“, попробуй, разгадай ее». Впрочем, далеко не все из нахлынувших в Сеул журналистов пытаются разгадать эту загадку, заглянуть в глубь событий, объективно и честно о них рассказать.

Ездили в Инчхон. И раньше я очень любила бывать в этом оживленном приморском городе. Дорога из Сеула в Инчхон лежит через промышленные районы. Заметно большое оживление. На улицах множество людей, дома и учреждения украшены лозунгами, национальными флагами.

В Инчхоне есть музей, созданный японскими властями в конце 1905 г. Он небольшой, всего около 300 экспонатов. Почти все они относятся к периоду русско-японской войны. В числе экспонатов — андреевский флаг с корабля «Кореец», карта боя «Варяга» и «Корейца», за стеклянными витринами — дневники русских моряков.

Мы бывали здесь и раньше.

Как любили сопровождавшие нас японские «комментаторы» рассказывать о победах императорской армии, о «поражении русского флота» в 1905 г. В конце экскурсии они с откровенной издевкой спрашивали о впечатлении. Мы отвечали, помню, так: «Даже эта крохотная часть экспонатов и документов о русско-японской войне очень убедительно говорит о патриотизме и мужестве русского солдата, и поэтому впечатление огромное».

После победы нашей армии в Великой Отечествен-

ной войне, после капитуляции Японии экспонаты крохотного инчхонского музея приобрели особый исторический смысл.

У меня наконец появился постоянный преподаватель корейского языка — Ким Гюён. Одно время он работал в православной церкви в Сеуле. Свободно разговаривает по-русски, и это, по-видимому, не позволит мне научиться свободно разговаривать по-корейски. Занимаемся ежедневно. Но все время сбиваемся с языковых вопросов на разговор о происходящих событиях. Ким Гюён следит за ними внимательно, хотя своих взглядов старается не высказывать. Производит впечатление националиста, очень осторожного, выжидающего. «Главное для Кореи — чтобы ею не командовали ни японцы, ни американцы, ни другие колонизаторы», — говорит Ким. Спросила его, как он относится к власти народных комитетов, в которые, судя по газетам, входят люди из разных слоев народа, в том числе из интеллигенции. (Мой учитель считает себя ее видным представителем.) Ким ответил, что в этих комитетах слишком много «простых, необразованных, неотесанных» людей, которые не в состоянии участвовать в управлении страной. «Руководить нацией должна и способна только интеллигенция», — утверждает Ким.

Несколько раз ходили с Ким Гюёном на демонстрации. Правда, он относится к ним довольно презрительно и недоумеваает: «Зачем шуметь, устраивать уличные шествия? Не проще ли подать прошение американским властям, чтобы изменили порядки, если они не подходят». Он любит подкреплять свои доводы ссылками на корейские традиции. Из рассуждений Кима вытекает, что народная власть, массовые выступления должны быть отвергнуты, как якобы противоречащие этим традициям.

Спорить с Кимом бессмысленно, но беседовать интересно. Он многое знает об истории и культуре Кореи, да и о современных событиях. Во время одного из «походов» в город (ходили целой группой) Ким познакомил нас с пожилым корейцем в национальном костюме, с большим портфелем в руках. Отрекомендовал его как активного деятеля Хангук минджудан. Фамилия нового знакомого тоже Ким. Он владелец текстильной фабрики. Оказался человеком очень разговорчивым. Сразу опове-

Буддийский храм

стил нас, что «всю жизнь отдал борьбе за независимость Кореи» и сейчас, когда страна освобождена, они — Ким и его партия — делают все, чтобы создать корейскую государственность. «Важно суметь это сделать таким образом, чтобы довольны и счастливы были все корейцы, и богатые, и бедные. Наша партия именно этого и добивается», — говорил Ким.

Слушала и невольно представляла законтрактованных девушек-текстильщиц, фактически проданных, может быть и на его, Кима, фабрику.

Хотелось спросить, каким образом собирается его партия сделать их счастливыми и довольными. Но так откровенны фальшь и фарисейство суждений этого партийного деятеля, что не захотелось продолжать разговор.

Ким Гюён переводил и комментировал. Он был явно раздражен.

Ездили с ним и в буддийский храм в районе Северной горы. Дорога завалена камнями, узка, избита. Нищие, покосившиеся хижины, мелкие лавочки, огороды, фруктовые сады. Кругом причудливо раскинутые галереи,

неприветливые скалы. На сопках кое-где растительность. Одинокое стоят красивые, нарядные домики, но их мало и они кажутся случайными. Подъезжаем к большому камню. Существует поверье, что здесь можно узнать свою судьбу. Если предмет, который на него положить, не упадет, то задуманное желание сбудется (например, родится сын). Нас окружила большая группа ребятишек. С трудом двигаемся дальше. Подъезжаем к красиво разлившемуся, одетому в камень ручью. Когда-то это, по-видимому, было красивейшее место. Как рассказал Ким, здесь стояла беседка. Она была знаменита тем, что почти 350 лет назад один из ванов Кореи перед походом точил в ней свой меч. Пожар уничтожил беседку. Высоко на горе пестреет разноцветными красками буддийский храм — он кажется игрушечным. Поднимаемся по кривым ступенькам. Оказывается, это еще не храм, а храмик. Мальчик лет тринадцати, внук священника, открывает главный храм. Снимаем обувь и входим. От позолоты на фонариках, от разных красок пестрит в глазах. На переднем плане три скульптуры будды, на стенах изображения святых. Возле будд чашки для риса и воды.

Настоятель пригласил нас в свою резиденцию. Его жена — приветливая, но неопрятная старушка, за ее спиной привязан очаровательный мальчонка, внук. Говорим на бытовые темы — о детских болезнях, о национальных блюдах, русских и корейских.

На обратном пути по совету Ким Гюёна заехали в одну из деревушек, расположенных километрах в пятнадцати от храма. Впечатление такое, будто уже бывала здесь раньше. Это потому, что корейские деревни очень похожи одна на другую. И показалось также, что по сравнению с колониальным периодом здесь ничто не изменилось. Та же страшная, удручающая нищета, придавленность. Но Ким посоветовал не торопиться с выводами. Он вошел в одну из лачуг, а мы остались в окружении неведомо откуда взявшейся многочисленной ребятни. Очень скоро Ким вернулся в сопровождении двух крестьян, пожилого и совсем молоденького. Говорил только пожилой: «Вас интересует, какие перемены произошли в деревне? Главное, что в деревне, как и в городе, больше нет японских хозяев. Мы все благодарим Советский Союз за освобождение». Он говорил и

держался с большим достоинством. «Мы тоже участвуем в манифестациях. 17 августа в Сеул отправились все крестьяне нашей деревни, да и соседних деревень, кроме женщин и глубоких стариков».

Задала традиционные журналистские вопросы (не в лучшей формулировке): «Как вы представляете будущее Кореи? Какою хотели бы вы ее видеть? Кто, по-вашему, должен быть у власти?» Ким Гюён долго их переводил, потом начался разговор, скорее спор, и довольно темпераментный. Ким перевел ответ следующим образом: «Лим (так зовут крестьянина) хотел бы, чтобы Кореей управляли люди, знающие жизнь деревни. Если будут помещики, они не изменят положения крестьян. Пока оно очень тяжелое. Нужно, чтобы сами крестьяне допускались к власти». Лим рассказал, что в деревне пока сохраняются старые порядки и на своих местах остались саым (доверенные помещика, сам он в Сеуле), однако они держатся осторожно, не злобствуют. А главное, есть надежда на перемены. Народный комитет добивается снижения арендной платы.

* * *

Садовник консульства, старый Юн, рассказал, что его племянница выходит замуж; в семье усиленно готовятся к свадьбе. Напросилась на приглашение, точнее, на разрешение присутствовать.

Свадебный обряд в Корее издавна сложен. Время его упростило, но все же сохранило несколько этапов свадебной церемонии. В старой Корее все начиналось с визита свах. Правда, все чаще браки происходили уже без их участия. Племянница садовника, как я могла понять из рассказов дяди, выходила замуж по любви, за крестьянского парня из сеульского пригорода. Сначала была помолвка (иногда ее здесь называют малой свадьбой). На помолвку пойти я не решилась. Она происходит так: в доме невесты собираются родственники и некоторые соседи. Там же определяют день свадьбы, наиболее счастливый для невесты и жениха. На вопрос: «Каким образом его узнают?» — Юн ответил, что это делают лишь старые, мудрые люди. Заметно, что к их числу садовник относит и себя. Он пояснил, что одним из счастливых для свадьбы дней является 7 июля, «день встречи двух

звезд», но для некоторых более подходящи другие дни.

Период между помолвкой и свадьбой полон хлопот. Невеста шьет платья, одеяла (из материала, присланного женихом), готовится к празднеству и к последующим будням семейной жизни.

В день свадьбы мы с приятельницей рано направились к дому невесты и в числе соседей и других любопытствующих ждали приезда жениха. По обычаю его встретила невеста (жених первым должен видеть ее в этот день). Он передал ей несколько свертков — подарки. Юная, нарядная, румяная, невеста никак не могла скрыть своего счастья. Ее окружали родители, подружки, которые тоже шумно встречали жениха. Затем и он, и невеста выпили вино из одной рюмки и он надел ей кольцо.

Начался обед. Собрались родственники, друзья, соседи. Очень хотелось остаться, но чувствовала, что это неудобно. О последующем нам рассказал Юн. Праздник длился до позднего вечера. На следующий день молодые и их родственники отправились в дом жениха. Это обычно сопровождается шумной церемонией, песнями, танцами. Инициатива переходит к новобрачной. Она готовит угощение новой родне и друзьям. Затем раздает подарки всем по старшинству и подносит каждому рюмку вина. В знак благодарности родные и гости кладут на столик, предназначенный для этого, деньги.

Эти компоненты свадебного обряда не раз пришлось наблюдать и раньше. Они довольно разнообразны. Видимо, каждая рождающаяся семья, строго следуя обычаю, вместе с тем вносит в обряд немало своего.

Довелось мне побывать и на других больших семейных торжествах. Одно из них — годовщина рождения ребенка. Хотя сапожник, к которому я попала на это торжество, беден, гостей собралось немало. На столике перед круглолицым, шумливым юбиляром разложены различные предметы. Все вокруг настороженно следят, до какого из них он дотронется.

Мальчик схватил чашку с рисом. Она была и ближе, и крупнее других предметов. Все одобрительно зашумели, это предвещало сытую жизнь. «А если бы он схватил тетрадь или книгу?» — спросили мы. «Это значило бы, что сын вырастет ученым, не таким темным, как его родители», — ответил отец, скорее с горечью по поводу

своего настоящего, чем с уверенностью в будущем сына.

Очень торжественно отмечается в Корее шестидесятилетие.

Довелось мне видеть и печальные церемонии — похороны, поминки.

Покойника обычно оплакивают трое суток, иногда пять и даже семь. Родственники и друзья, сменяя друг друга, находятся у гроба. Хоронят преимущественно на склонах небольших сопок. Исстари существует обычай — очень тщательно выбирать место для погребения и поминать умерших. Траур обычно длился три года. Траурная одежда делается из неотбеленного льна желтоватого оттенка, а обувь — из рисовой соломы. На голову надевается шапка, похожая на пакет. Близкие родные иногда повязывают голову веревками, связанными из соломы, с белыми лоскутками возле ушей. В последнее время далеко не во всех семьях соблюдается эта траурная церемония. Но поминание усопших проводится широко.

Рассказывают, что поминки происходят так. Собраться положено в полночь. На столе, за которым сидят родные и близкие, поставлена пища с табличкой для поминаемого. Один из сыновей или других родственников читает вслух «поминание»; полчаса дверь дома открыта — «выпускают душу». Затем дверь закрывают, а бумажку с «поминанием» сжигают на свече (мне довелось видеть поминки более простые, без «выпускания души»). Конечно, в северной части страны некоторые обряды стали вчерашним днем. Может быть, они изменились в какой-то степени и на Юге. Но в середине 40-х годов они были там еще распространены.

После освобождения стали заметнее многие национальные черты корейского характера, особенно такие, как гостеприимство, радушие, общительность, готовность прийти на помощь другу, соседу. Несколько гипертрофированно выражалось уважение старшим (по возрасту, общественному положению). Часто оставалось впечатление слепого почитания.

Чрезвычайно сильны были в Корее родственные связи. Прочно укоренилось правило: родственники, все, даже самые дальние, обязаны поддерживать друг друга во всех случаях. Уклонение от этого рассматривается как предательство. И хотя в колониальные годы политика

круговой поруки и так называемая родственная порука нанесли немалый удар по этой традиции, она в Южной Корее сохранялась.

Поездка в Пхеньян. Северокорейская новь

2 ноября всей семьей отправились в Пхеньян на празднование годовщины Октябрьской революции. О делах и событиях в северной части страны мы, разумеется, знали. Туда не раз ездили сотрудники консульства. Бывал там и Анатолий Иванович. В Сеул неоднократно приезжали советский офицер связи подполковник Ланин и другие военные. Рассказывали много, подробно. И все же очень хотелось побывать в Пхеньяне. Предвкушала много впечатлений и радости.

Уехали из Сеула рано утром.

Замелькали первые станции, крохотные полустанки. Пока ничего нового. Наконец Северная Корея. Та же страна, только по другую сторону 38-й параллели, неожиданно превратившейся из географического понятия в очень реальную историческую линию. Она временно разрезала страну на две части.

Из окон видна знакомая панорама. Окруженные сопками деревни. Убогие, нищие мазанки. Все как и раньше? Нет, не все. Первое, что бросается в глаза в северной зоне, — праздничное многолюдье. Буквально на каждом полустанке, не говоря уже о более крупных станциях, большие группы корейцев, оживленно беседующих с советскими военными, и не меньше любопытствующих, молчаливо и заинтересованно прислушивающихся к разговору.

«О чем они беседуют?» — спросили мы сержанта. Он сел к нам в вагон на одной из станций и тоже ехал в Пхеньян. «Обо всем, — ответил сержант. — Вероятно, легче назвать темы, которых не касаются в этих разговорах. Но больше всего корейцы рассказывают о своей прошлой жизни, спрашивают, как живут советские люди, а мы стараемся им это понятнее рассказать. Задают множество вопросов, очень интересуются жизнью советских крестьян, порядками в деревне. Много разговоров о войне. Иногда спрашивают: „Тяжко вам в чужих краях, среди незнакомых людей, скучаете?“ Отвечаем: „Ко-

нечно же, тоскливо, но вместе с тем и радостно от сознания, что этим незнакомым людям помогли стать свободными“. С большим удовольствием и охотой наши офицеры и солдаты беседуют с корейским населением,— продолжал сержант. У многих из нас далеко от Кореи остались семьи. У других никого не осталось. Об этом тоже рассказываем. О товарищах, погибших на войне, в том числе и при освобождении Кореи. Об этом слушают с особым, благоговейным вниманием. Расспрашивают, кем они были до войны. Недавно из соседней деревни пришли в нашу комендатуру несколько корейцев и от имени всех ее жителей сообщили о решении посылать продукты семьям воинов, погибших за освобождение Кореи. А деревни здесь нищие. Мы были очень тронуты и, разумеется, отказались. Ответили, что государство наше обеспечивает семьи погибших».

Сержант рассказал еще много интересного о дружбе наших воинов с корейским населением.

На одной из станций мы вышли и присоединились к большой группе беседующих. Нас встретили приветливо, как старых знакомых. Разговор велся на языке, состоявшем из разрозненных русских и корейских слов и жестов, восполнявших недостаток словарного запаса. А речь шла о том, что русский лейтенант приютил и воспитывает двух корейских сирот — пятилетнего мальчугана и его трехлетнюю сестренку. Это очень взволновало жителей. Наш солдат, высокий, ладный парень, доказывал, что ничего особенного в этом поступке нет, что в Советском Союзе тысячи сирот разных национальностей нашли себе новые семьи. В роли переводчика выступал шустрый школьник. Его запас русских слов был несколько бóльшим, чем у остальных, и он заметно гордился этим. Кореец в ярко-васильковой жилетке и серой фетровой шляпе, молчаливо стоявший в стороне, на вопрос одного из наших товарищей, понимает ли он, о чем говорит солдат, кивнул головой и неожиданно по-русски ответил: «Мы с русскими старые друзья, а старые друзья всегда понимают друг друга». Много раз приходилось слышать такие слова от людей очень разных профессий и возрастов. Но там, в Южной Корее, они стали крамольными. Говорят, недавно в Сеульском университете за подобные высказывания сначала отстранили от работы, а затем арестовали одного из профессоров.

Наконец мы в Пхеньяне. Слышала и читала о нем много, но бывать здесь раньше не приходилось. Волей истории этот древний город, которому отроду более полутора тысяч лет, становится центром корейских событий, корейской народной революции. Он раскинулся у подножия поэтической величавой Горы пионов — Моранбон, перерезан полноводной рекой Тэдонган и, как Сеул, противоречив, полон неожиданностей и контрастов. Европейский, точнее, смешанный, центр — и типично корейские национальные окраины; современные заводы — и старинные пагоды, древние беседки. Все это соседствует, но словно обрело новый смысл, новую жизнь. Может быть, так кажется сейчас, спустя более четверти века? Нет, уже тогда во всем осязаемо проглядывали реальные картины не столько прошлого и настоящего, сколько будущего.

В те дни, накануне Октябрьской годовщины, город был ослепительно ярким, многоцветным, очень оживленным.

Прошло два с половиной месяца после освобождения. По-всякому можно оценить такой срок.

Один скажет: уже два с половиной месяца, а еще бездействуют многие предприятия, не хватает питания, нерегулярно ходят поезда, лишь частично восстановлено городское хозяйство и т. п. и т. д.

А другой заметит (и будет прав): «Прошло только два с половиной месяца, а сколько перемен, как преобразилась жизнь! Конечно, еще повсеместно вокруг следы колониализма, войны, много нужды. Но сколько уже сделано! Сколько голодных накормлено, получило работу, сколько предприятий пущено, и, главное, сколько делается для того, чтобы быстро и радикально перестроить жизнь».

Но это эмоции. Обратимся к фактам. Невольно все сравнивалось с тем, что происходило к югу от 38-й параллели. Первое, главное. Если на Юге непреложным и печальным фактом стал направленный против интересов народа союз оккупационных войск США с корейской реакцией, то в Пхеньяне буквально осязаем союз Советской Армии с освобожденным народом Кореи. Этот интернациональный братский союз приносит свои плоды во всех сферах жизни. Вместе восстанавливают народное хозяйство корейские труженики и советские люди.

Старый Пхеньян

Нелегка это задача. Не говоря уже о тяжелом наследии колониального прошлого, которое досталось народу, японские милитаристы, поспешно убегая из Кореи, затопили немало шахт и рудников, разрушили десятки предприятий, взорвали многие мосты и тоннели. К моменту прихода советских войск в Северной Корее бездействовали почти все промышленные предприятия. То же было с транспортом и связью. Отсутствовали кадры специалистов. Ведь раньше здесь все руководство промышленностью, транспортом было сосредоточено в руках японцев. И вот, одетые в серые шинели военнослужащих, инженеры и техники, учителя и врачи, железнодорожники и связисты, металлурги и печатники — люди самых разных профессий вместе с корейскими тружениками восстанавливают народное хозяйство, готовят квалифицированные кадры.

Ничего подобного нет в Южной Корее. Войска США и официально называют себя оккупационными, и действуют как оккупанты.

Советское командование в Северной Корее, чтобы

полнее, и лучше организовать помощь освобожденному народу, создало Управление советской гражданской администрации. Этот специальный орган по гражданским делам занимался самыми различными вопросами, связанными с восстановлением и развитием Северной Кореи. Его возглавил генерал-майор А. А. Романенко, человек большой души и неиссякаемого юмора.

Особняк, где помещалось Управление советской гражданской администрации, знал в Пхеньяне каждый. Нет возможности, да и необходимости рассказывать о том, что довелось увидеть в Пхеньяне. О Северной Корее много написано людьми, которые там долго жили и плодотворно трудились.

Неизгладимое впечатление производил наш генералитет. Прославленные в боях мужественные люди в мирных условиях были так удивительно сердечны, так внимательны к нуждам корейского населения. Назову лишь некоторых. Известный герой Отечественной войны, очень простой в обращении, командующий 25-й армией генерал-полковник И. М. Чистяков — член Военного совета Армии; старый политработник, человек высокой культуры и больших знаний Н. Г. Лебедев; приветливый, немного лукавый начальник штаба армии, генерал-лейтенант А. А. Пеньковский; немолодой, но очень подвижный, живой заместитель командующего 25-й армией генерал-лейтенант П. Ф. Лагутин; член Военного совета армии генерал-майор И. С. Фурсов; заместитель начальника штаба армии генерал-майор Г. И. Шанин. Они и многие другие представители советского командования в Корее, каждый по-своему, воплощали черты интернационалиста-освободителя.

Впечатления, переживания и радость этих дней в Пхеньяне усиливались от необычности, от особой значительности происходящего.

В самом деле, — канун Октябрьской годовщины. Первой после неслыханно трудной и небывало героической войны; первой годовщины Октября в свободной Корее, которую ее благодарный народ отмечает как свой победный праздник. Ведь именно государство, рожденное Октябрем, принесло на корейскую землю свободу. Все это так реально и так символично.

Город одевается в красочные наряды — огромные полотнища транспарантов со словами благодарности Со-

ветской Армии, верности коммунистической партии, поддержки народной власти. Портреты В. И. Ленина, а также И. В. Сталина. Гирлянды цветов, разноцветные украшения. И во всем — своеобразный национальный колорит: в манере выражения своих чувств, в одежде, убранстве улиц.

Как и в каждый революционный праздник, подводятся итоги. Пока всего лишь за 75 дней. Главное, что достигнуто, — у власти народ!

Незадолго до праздника, с 7 по 11 октября, в Ихеньяне состоялось совещание представителей народных комитетов. Была определена единая организационная структура народных органов власти; выработаны меры по быстрейшему вводу в действие промышленных предприятий и обеспечению их сырьем, по налаживанию транспорта, упорядочению финансовой системы, снабжению населения продуктами питания, организации торговли и заготовок. На совещании обсуждался и вопрос, ставший одним из самых насущных, — вопрос о кадрах. Их малочисленность ставила под угрозу решение многих актуальных задач развития страны, преобразования общества. Было выражено пожелание, чтобы в Северную Корею откомандировали специалистов-консультантов из Советского Союза.

В работе совещания участвовали представители советского командования. Оно явилось одним из звеньев подготовки к радикальным преобразованиям, которую активно развернули массовые демократические организации.

Созданные волей и усилиями масс, пользовавшиеся их доверием и поддержкой народные комитеты вели многообразную деятельность. Они участвовали в ломке старого колониального аппарата и создании новой системы управления. Уже с осени они приступили к конфискации земли, принадлежавшей бывшим японским колонизаторам и национальным предателям, и передавали ее безвозмездно беднякам и батракам. По принятому народной властью и неуклонно проводившемуся положению арендная плата не могла превышать 30% урожая. Для деревни это явилось очень ощутимым облегчением. Народные комитеты и огромный актив, которым, как рассказывают, они обросли буквально с первых же дней своего существования, проводили большую работу

по восстановлению промышленности, налаживанию нормальной жизни. Для их деятельности советское командование не только создало все необходимые условия, но и обеспечило многообразную повседневную помощь.

Возглавляла революционное преобразование общества коммунистическая партия.

В один из октябрьских дней 1945 г. на стадионе Моранбон состоялась массовая встреча жителей Пхеньяна с Ким Ир Сеном и его соратниками — героическими партизанами-коммунистами, долгие годы боровшимися с японскими колонизаторами за свободу Кореи. Об этой встрече сообщали и южнокорейские газеты.

В октябре же было избрано Северокорейское Оргбюро Коммунистической партии. Под ее руководством действовали массовые демократические организации, в частности Демократический союз молодежи, Союз демократических женщин, профсоюзы, крестьянские союзы, объединения деятелей культуры и др. Все эти организованные силы революции были сплочены стремлением создать независимое, демократическое корейское государство, они получали поддержку и помощь. Это прямо противоположно тому, что происходило в Южной Корее, где силы революции подавлялись.

Пхеньян отпраздновал годовщину Октября с ликованием и подъемом. Ведь на корейской земле продолжалось преобразование мира, начатое Октябрем. Оно происходило в своеобразных формах (что было вызвано конкретно-историческими условиями, внутренними и внешними) и пока еще, наверное, в самом зародыше. Но было совершенно очевидно, что трудовая Корея страстно хотела, чтобы идеалы, во имя которых свершилась Октябрьская революция, победили и здесь. Об этом говорили, писали, пели. Это читалось на лицах многих тысяч людей, вышедших на праздник.

Много позже, уже в Москве, мы с мужем узнали, что в Северной Корее в одно время с нами находился наш старый товарищ — Александр Михайлович Чернышев. Мы подружились на прославленном московском заводе «Серп и молот». Саша Чернышев вместе с моим мужем учились в заводском фабзавуче, работали подручными вальцовщиков в прокатном цехе, а затем были выдвинуты на руководящую работу в Учебный комбинат завода, включавший ФЗУ, техникум, рабфак и институт. Туда

же после окончания 2-го МГУ направили работать и меня. Замечательной оказалась «серповская» школа, крепкой — «серповская» дружба. О людях, с которыми мне посчастливилось там работать, неизменно вспоминаю с благодарностью и уважением. Приходят на память слова бывшего токаря завода, ныне известного поэта А. Филатова: «Как я счастлив и горд, что отсюда я родом».

Прошло более трех десятилетий. Жизнь раскидала «серповских» друзей в разные стороны. Многих отняла война. Но те, кто остались, по-прежнему близки и дороги. Редкие встречи, иногда — только телефонные звонки. В шутку называем их «серповским перезвоном»: «Как ты там? Дышишь? Держись, старушка. Если что нужно, ты только свистни!».

Верная, надежная, эта дружба никогда не была лицеприятной. Молодые коммунисты, комсомольский актив завода, мы изломали немало копьев в спорах, бывали порой безжалостны к промахам друг друга, открыто говоря о них в глаза, поправляя, может быть излишне прямолинейно, но неизменно доброжелательно.

Иногда на заводе собираются ветераны-комсомольцы. Встречи эти незабываемы. Но, к сожалению, чаще мы не встречаемся, а «проводжаемся». И в этом своя, грустная закономерность.

Вспоминая о «серповцах», я не отдаляюсь от Кореи. Замечательные люди с «Серпа», как и многие тысячи им подобных, — носители идей патриотизма и интернационализма в действии в самом широком и самом благородном смысле этих понятий. Они были патриотами и интернационалистами всеми своими помыслами, каждым движением сердца.

Помню, как горячо и остро воспринималось все, что происходило дома, в стране и вне ее. Как переживали события в Китае, борьбу его народа против японского вторжения. Переживали, словно свое непосредственное, кровное дело. Как рвались в Испанию! Как завидовали заводскому комсомольцу Леше Удальцову, которому посчастливилось воевать в небе Испании! Оттуда он вернулся, но погиб во время Великой Отечественной войны.

Развивая традиции завсда — активного участника трех революций и гражданской войны, «серповцы» самоотверженно сражались против гитлеровских захватчиков. Только в первые пять месяцев Великой Отечествен-

ной войны ушли на фронт, преимущественно добровольцами, более трех с половиной тысяч рабочих и служащих завода. Легендарна слава пяти «серповских» комсомольцев, погибших у Волоколамска в дни обороны Москвы.

А в боях за освобождение Польши пал вожак заводских комсомольцев, наш друг Лева Корнаковский. В письме заводчанам, написанном перед самой смертью, он сообщал: «Мы идем на Берлин. Мы ждем металл». И металл шел с завода на многие участки великой битвы. И отважно, не щадя жизни, сражались за Родину, за освобождение от фашизма других стран и народов патриоты-интернационалисты «Серпа» — сплав прочности неодолимой. И, конечно же, их не могло не быть и среди освободителей Китая и Кореи. Но чтобы в числе их был Саша Чернышев, притом в одно время с нами, и мы об этом не знали, не встретились — такое казалось невероятным. Как все получилось?

Привожу рассказ самого Чернышева. В августе 1945 г. в составе войск 1-го Дальневосточного фронта он вступил в Маньчжурию. Войска с боями прошли вглубь и дислоцировались в г. Яньцзи. В ноябре по приказу командования часть совершила марш-бросок в Северную Корею. Условия перехода, и погодные и дорожные, были крайне трудными. Снежные заносы, высокие перевалы, неблагоустроенные дороги, не рассчитанные на технику, находившуюся на вооружении Советской Армии. А потом служба в Пхеньяне и в других городах Северной Кореи в рядах Советской Армии в качестве командира одной из частей. Часть занималась обеспечением советских войск в Северной Корее. Но на нее, как и на другие части, была возложена задача помочь местной корейской власти и населению восстанавливать хозяйство, налаживать и переделывать жизнь. Тем и занимались. А практически это вылилось во множество крупных и мелких будничных, но очень важных дел. Например, участие в ликвидации вспыхнувшей в одном из районов эпидемии холеры и чумы. За эту непростую операцию многие были удостоены правительственных наград. А население наградило благодарностью и ответной заботой. Ведь многих корейцев буквально вырвали из лап смерти. Или, например, проведение денежной реформы. Задача была не из легких. Помогали местным

народным комитетам ее решать. Корейские товарищи советовались по самым различным вопросам и всегда спрашивали, как это проводилось у нас в стране. Их горячим желанием было делать жизнь по нашему примеру. Подолгу беседовали с ними, рассказывали о наших делах, напоминая, что использовать опыт советского народа нужно с учетом местных условий.

Подготовкой национальных кадров занималось большинство из нас, и повседневно. Офицеры и солдаты — специалисты самых различных профессий, которые находились в советских войсках, передавали корейцам «секреты» мастерства, знания, навыки. Проходила своеобразная непрерывная напряженная учеба.

Нужно сказать, что Саше Чернышеву не присущ пафос. Его спокойный, внешне бесстрастный, но доверительный разговор и раньше, на заводе, нравился слушателям. Саша считался одним из лучших пропагандистов. Представляю, как любили корейские жители беседовать с ним. Какой большой школой стали для них рассказы советских людей о нашей стране, многочасовые беседы на самые различные темы.

В Пхеньяне Чернышев неожиданно встретился с молодым, но уже знатным «серповским» сталеваром Гавриилом Свиридовым (за рыжую шевелюру, пылкий темперамент и «горячую» профессию его в шутку называли «огневым Гаврюшей»).

Вместе с большой группой советских специалистов Свиридов приехал в Корею, чтобы помочь восстанавливать металлургическую промышленность, готовить кадры. Чернышеву довелось побывать с ними на некоторых заводах. Жизнь там только возрождалась. Повсюду советских металлургов встречали как желанных друзей и помощников. Первые плавки на Чхонджинском заводе так и называли — «плавками дружбы».

Немало и других посланцев «Серпа и молота» поработали в Северной Корее.

Сейчас металлургия в КНДР — одна из самых развитых отраслей тяжелой промышленности республики. Часто приходится читать и слышать о ее больших успехах, о замечательных корейских мастерах металла. И невольно думаешь, что немало вложено в эти успехи, в сегодняшние плавки корейских сталеваров труда, умения, сердца «огневого Гаврюши» и его товарищей.

Что же касается Саши Чернышева, то во время эвакуации советских войск из Северной Кореи в 1948 г. на него была возложена задача обеспечить их транспортировку. В декабре 1948 г. вывод советских войск из КНДР был завершен. Через р. Туманган перешли последние части.

Тут обычная сдержанность изменяет Чернышеву. Не стыдясь высоких слов, он говорит о том, какую большую радость доставляет чувство выполненного долга, как хорошо сознавать, что ты в числе многих других советских людей участвовал в освобождении братского народа, помогал ему строить новую жизнь.

В Сеул из Пхеньяна мы возвращались взволнованные. После всего виденного в Северной Корее острее проступала неприглядность южнокорейской действительности.

Несмотря на противодействие реакции, годовщину Октябрьской революции отметили и здесь. В частности, Общество корейско-советской дружбы организовало выставку, посвященную Советскому Союзу. Она открылась 7 ноября и стала местом паломничества жителей.

«Ревизор» Н. В. Гоголя и «Мать» М. Горького в Сеуле

Неожиданно познакомилась с одним из руководителей корейской театральной труппы товарищем Чхве (он просил так его называть).

У корейского прогрессивного театра есть свои традиции. В 1924 г. в Корее была создана пролетарская театральная труппа «Ёмгун» («Искра») во главе с писателем Сон Ёном. В свой репертуар она включила наряду с пьесами корейских драматургов «На дне» М. Горького и «Ревизора» Н. В. Гоголя. Но деятельность этой труппы была кратковременной, колониальные власти ее запретили.

После создания в 1925 г. Корейской ассоциации пролетарских писателей снова были предприняты попытки организовать прогрессивное театральное объединение. Возникла труппа «Пульгэми» («Красные муравьи»). Но полицейские власти запретили и ее. В 1930 г. в Пхеньяне революционно настроенные театральные деятели соз-

дали театр «Мачхи» («Молот»). В разных концах страны стали возникать небольшие труппы, выступавшие, точнее, пытавшиеся выступить, перед рабочими, крестьянами, рыбаками. Их преследовали, запрещали, а они возрождались.

В 1932 г. в Сеуле был создан театр «Новое строительство». Характерно, что ему немало помогали рабочие-печатники: они оформляли декорации, участвовали в массовых сценах и т. п. В свой репертуар театр включил пьесу В. Киршона «Город ветров», но цензура ее запретила. В 1934 г. все артисты театра были арестованы.

В начале 1933 г. один из драматических коллективов поставил в актовом зале сеульской школы «Пэджэ» спектакль «На дне»; другие театральные коллективы ставили «Ревизора» Н. В. Гоголя, «Вишневый сад» А. П. Чехова, «Кукольный дом» Г. Ибсена, «Венецианского купца» В. Шекспира. Обращались и к другим шедеврам мировой классики.

Обо всем этом нам рассказал товарищ Чхве. Руководимая им труппа была создана в Токио проживавшими там корейскими патриотами, связанными с театральным искусством (артисты, режиссеры). В ее составе были не только профессионалы, но и талантливые любители. В Токио, где организовались и другие театральные корейские коллективы, они получали поддержку и помощь от японских прогрессивных театральных деятелей. «Мы тяжело переживали угнетение нашей родины, запрещение национального искусства,— говорил Чхве.— Своей задачей мы считали всеми возможными средствами бороться за спасение корейской культуры, за создание прогрессивного национального театра. Хотя возможности были ограниченными, мы не сидели сложа руки. Изучали теорию и практику театрального дела, готовились к выступлениям, а иногда и выступали перед узким кругом корейцев.

Мы ориентировались на самое прогрессивное в мире искусство — искусство Советской страны. Я так говорю не потому, что, как и все корейцы, преисполнен благодарности к Советскому Союзу за освобождение, а потому, что это действительно было так. Нам, корейцам, всегда был близок и дорог гуманизм русской культуры».

Товарищ Чхве рассказал, что прогрессивные корейские деятели перевели на корейский язык многие произведения русской классики, что, вернувшись в освобожденную Корею, труппа намеревается поставить в ближайшее время «Ревизора». Репетиции ведутся уже давно.

Товарищ Чхве просил кого-нибудь из нас, видевших эту постановку в Москве, посидеть на репетициях, иначе говоря, выступить в роли консультантов. Я оказалась в их числе, так как не раз видела «Ревизора». На репетиции я ходила вместе с вице-консулом Иваном Михайловичем. Мы самонадеянно даже позволяли себе высказывать кое-какие соображения о постановке. Товарищ Чхве и все артисты были чрезвычайно тактичны и деликатны; они делали вид, что наши замечания для них очень ценны. Положение осложнилось, когда перед нами был поставлен вопрос о костюмах. Как одет городничий, другие чиновники? Кто во фраке, кто в мундире? Общее представление, конечно, было, но ведь этого мало. Следовало набросать хоть какие-то эскизы. Какие? Уточняли воспоминания всех наших «театралов». В конце концов что-то посоветовали, честно признавшись, что за точность не ручаемся. Несмотря на этот явный конфуз, мы с Иваном Михайловичем продолжали бывать на репетициях и чувствовали себя чуть ли не Станиславским и Немировичем-Данченко.

И вот 20 ноября в одном из самых больших кинотеатров Сеула состоялась премьера «Ревизора». Приехали за полчаса до начала и увидели, что никакой надежды попасть на спектакль нет. Вокруг театра массы людей. Какими путями и кому удалось их раздвинуть и пропустить нас, не понимаю до сих пор. Зрительный зал, проходы, фойе — все было заполнено до отказа. Трудно двигаться, дышать. Но когда начался спектакль, обо всем этом забыли. Артисты играли хорошо, слаженно, с большим подъемом. Но дело не только в игре. Что-то неизмеримо более значительное, символичное было во всем это спектакле. В том, с какой жадностью и интересом смотрели эту пьесу из далекого прошлого другой страны; как остро и мгновенно реагировали дружным смехом, репликами, аплодисментами. Что же касается костюмов, то, глядя издали в качестве зрителя (а не консультанта) на актеров, я неожиданно вспомнила, ка-

кими должны быть их костюмы. Вспомнила, когда все уже было непоправимо.

Применив наши советы к местным корейским условиям, постановщики нарядили актеров в весьма своеобразную одежду с ярко выраженным национальным колоритом. Персонажи «Ревизора» внешне походили на чиновников и янбанов (помещиков) феодальной Кореи. И это было воспринято зрителями с восторгом.

Успех постановки товарищ Чхве, с которым мы долго беседовали после спектакля, объяснял многими причинами: «Пьеса на корейском языке, который так долго запрещали, изгоняли из искусства; пьеса русского писателя, классика. Она не только из русской жизни и для русских людей, она всеобща.

Зрительный зал видел в этой бессмертной комедии и пороки феодального корейского общества, одновременно смеялся над ничтожеством, тупостью правителей старой Кореи. А ведь некоторые в нашей театральной труппе вначале сомневались: поймет ли зритель „Ревизора“? И хотя очень многие и не слышали никогда о Гоголе, но они сразу его приняли, поняли как своего. В общем, мы не ошиблись, избрав для постановки это произведение».

Товарищ Чхве рассказал, что в ближайшее время их труппа вместе с другим театральным коллективом поставит «Мать» Горького. «Это мой самый любимый писатель,— сказал Чхве.— Большинство его произведений не переведено еще на корейский язык. Читаю их на японском и английском, мечтаю прочесть в оригинале» (Чхве усиленно изучал русский язык).

Почему труппа избрала для постановки именно «Мать»? Товарищ Чхве объяснил это следующим образом. Ставя «Ревизора», театр устами русского классика клеймил, высмеивал, осуждал старую, феодальную Корею. Произведением Горького театр хотел как бы возвестить о новой Корее, о революционном классе, который призван ее преобразовать.

Чхве говорил несколько высокопарно, но очень искренне, убежденно. Он образован, начитан и буквально одержим своей работой.

Забегая вперед, расскажу о спектакле «Мать». Он состоялся в декабре, когда в Южной Корее обострилась политическая борьба и реакция постепенно переходила

в наступление. Однако постановка была разрешена властями. Билеты расхватали мгновенно.

В день премьеры возле кинотеатра, где обосновалась труппа, собралось так много людей, что полиция забеспокоилась. «Мы не нарушим порядка, будем стоять спокойно», — обратился к корейскому полицейскому юноша. Тот заорал на него и предложил всем разойтись. Американские военные полицейские сначала потешались: «Можно и здесь постоять, все равно ничего не поймете. Деньги целее будут», но затем и они стали разгонять собравшихся с помощью резиновых дубинок.

А в переполненном зрительном зале уже шло первое действие. Мы немного опоздали и с трудом пробрались на свои места в третий ряд. Показалось, что в пьесе многое опущено, но играли артисты хорошо, с воодушевлением. Затаив дыхание, смотрел и слушал зрительный зал. В начале второго действия из фойе неожиданно донеслись громкие окрики, затем на сцену поднялся невысокий человек в темных очках и объявил, что представление прервано, так как «определенные лица попытались использовать его для подрывной деятельности». Все оцепенело молчали. Некоторые, видимо, не сразу поняли, в чем дело, полагая, что представление продолжается. На сцену поднялись еще несколько гражданских лиц и двое полицейских. Потребовали немедленно очистить помещение. К ним подбежали товарищ Чхве, артисты, они что-то возмущенно доказывали. Их довольно грубо отстранили. А зрители не уходили. Действительно, казалось, что продолжается спектакль.

Вскоре сцена опустела, действие было перенесено в зрительный зал: полицейские — корейцы, американцы из «милитэри полис» — попросту стали выводить, выталкивать, выволакивать зрителей. На следующий день по радио сообщалось, что «коммунисты воспользовались спектаклем, чтобы распространять среди зрителей листовки, призывавшие к поддержке народных комитетов, и другую вредную литературу, опасные издания».

Как оказалось, студенты в фойе продавали открытки с портретами Ленина, Сталина и Горького, а также «Мать» Горького на корейском языке.

Больше ничего о судьбе корейских театральных трупп, приехавших в Сеул после освобождения, узнать не удалось. Может быть, слишком громко именовать их

труппами, это были просто кружки. Но ядро их, несомненно, составляли талантливые артисты и искренние патриоты.

Жаркий, жаркий декабрь

Декабрь в Сеуле теплый. Почти каждый день после работы сотрудники консульства играли в волейбол. На скамейке возле площадки появились зрители и даже болельщики. Один из них — отец Поликарп, глава русской православной миссии в Сеуле, человек очень сложной судьбы, больших знаний, многосторонних интересов. Он молод — ему около 30 лет, хотя борода и ряса сильно его старят. Еще до Октябрьской революции родители о. Поликарпа отправились в поисках работы в Маньчжурию, застряли там, а затем перебрались в Корею. В общем, у себя на родине он никогда не был и мучительно это переживает.

Несмотря на то что территория консульства отделена лишь небольшим забором от миссии, где о. Поликарп живет с матерью, раньше мы никогда не встречались (до освобождения это было почти невозможно). Но слышали о нем много. Рассказывали, например, что японские власти были им недовольны, так как он слишком откровенно проявлял свой патриотизм, воздействуя в том же духе на прихожан. А во время войны, особенно в наиболее трудные для нашей страны дни, он служил молебны «за победу советского оружия». Когда же такой молебен состоялся в августе 1945 г., в дни советско-японской войны, о. Поликарп был арестован, жестоко избит и подвергнут пыткам. Но об этом вспоминать не любит.

И вот Поликарп — наш частый гость. Интереснейший собеседник. Впрочем, пока это еще не беседы, а вопросы и ответы. Он абсолютно ничего не знает о советской действительности, а знать хочет обо всем и в подробностях.

«Не удивляйтесь моим наивным вопросам. Ведь откуда бы я мог выяснить что-либо о сегодняшней России? Ни почитать, ни поговорить о ней не дозволялось, — говорил Поликарп. — Проявите терпение и снисходительность». Мы проявляли. Пытались как можно обстоятельнее рассказать этому, видимо, большому и мужест-

венному патриоту о родине, которую он никогда не видел, о которой ничего не ведал. Как-то Поликарп пригласил нас посмотреть его библиотеку. С удовольствием приняли приглашение и не раскаялись. Библиотека обширнейшая. Русская классика. Множество книг об искусстве, исторические сочинения. Все — старые, дореволюционные издания. О современности нет ничего, да и откуда? Узнали, что хозяин дома рисует. Неохотно, явно смущаясь, он показал свои работы. Впечатление производят сильное, но на всех картинах — печать тоски, даже обреченности. Впрочем, не берусь о них судить. Расспрашивал о советских художниках и вообще об искусстве нашей страны.

Вопросов религии старался не касаться.

Большинство русской эмигрантской колонии в Сеуле относились к Поликарпу враждебно. Это главным образом белоэмигранты. Они бежали из России после Октябрьской революции, пристроились здесь кто где и влачили довольно жалкую жизнь. Один из их главарей, господин Чиркин, ранее служил в русском консульстве, был одно время даже поверенным в делах России в Корее, считает себя до сих пор единственным русским дипломатом в Сеуле. Он не только не скрывает, но и старательно подчеркивает свою ненависть к советской власти. До августа 1945 г. Чиркин был служащим в аппарате японской администрации, а с августа — «свой человек» у американцев. Правда, в первое время после капитуляции Японии этот господин и его семья, по-видимому, чувствовали себя скверно. Дошло до того, что мадам Чиркина, долго и откровенно проявлявшая неприязнь к советским людям, стала напрашиваться к нам в гости. Ей вдруг очень захотелось познакомиться. Мы такого желания, естественно, не испытывали, и встреча не состоялась.

Впрочем, одна из белоэмигранток, работавшая на японском радио диктором, довольно бесцеремонно явилась как-то в консульский парк, «представилась» и стала уверять, что не по доброй воле служила у «этих варваров», что всегда с большой симпатией относилась к советским людям и ей было очень тяжело читать (тут она замялась) «не совсем дружелюбные в отношении Советского Союза материалы». Мягко сказано! Сейчас и эта дама, и чета Чиркиных снова к нам охладели.

Самая мрачная фигура среди сеульских белоэмигрантов — некто Белоголовый. В годы гражданской войны он был активным участником семеновской банды; говорят, специализировался на расстреле детей. После разгрома банды перебрался в Сеул и стал мелким торговцем. Ежедневно проезжая на велосипеде мимо консульских ворот, он с вызовом отворачивает острее, безобразное лицо в темных очках. У Белоголового интересная, молодящаяся жена и две внешне весьма привлекательные дочери. Ныне дом Белоголовых — один из самых популярных у американских офицеров, причем высшего ранга. Вокруг него группируются и другие, как их называют, «белые русские семьи».

Тяжелые, противоречивые чувства вызывает соприкосновение с эмигрантами. Мне довелось видеть этих лишивших себя родины людей в Корее и особенно в Китае в разное время (в 1940, 1943, 1960—1961 гг.). Разумеется, никак нельзя рассматривать их как нечто единое. Давным-давно в их среде образовались два полюса, это видишь сразу.

О русской эмиграции в восточных странах написано немало интересных книг. Не собираюсь касаться этого вопроса. Хотелось бы только обратить внимание на то, что на Востоке колонии русских эмигрантов особенно замкнуты и обособлены. Они, как мне показалось, образуют некие изолированные от окружающего мира островки. И из-за этого по-особому, очень сложно и мучительно протекает там борьба: между людьми, прозревшими, понявшими, какую ошибку они совершили, пытающимися ее исправить, и теми, кто вконец потерял чувство родины и вместе с ним — всякое человеческое достоинство; между последними и их детьми, внуками. Проблема отцов и детей в этом мирке остра и трагична.

Наступил декабрь — последний месяц бурного 1945 года, воистину исторического.

На поверхности все словно бы без перемен. Но это не так. За три с лишним месяца после освобождения обстановка существенно изменилась.

Стали сбрасывать с себя маску поборников демократии и корейской независимости оккупационные войска. Если в первое время они заигрывали с демократической общественностью, то позднее, собрав в увесистый кулак местную реакцию, они почувствовали себя увереннее и

уже не считали нужным скрывать свои симпатии к ней, свою враждебность к левым силам.

Больше того, ограничение, сдерживание этих сил сменилось прямым наступлением на них. Это не мешало руководителям американского командования в Сеуле изображать себя закадычными друзьями корейцев. Особенно был активен в этом отношении генерал Ходж. В газетах то и дело появлялись его пространные статьи, интервью, беседы. Он часто выступал по радио. Этаким «рубаха-генерал»! Любил подчеркивать не только заботу о благополучии и счастье корейцев, но и свою близость к простым людям, свои заслуги в войне. «Я человек труда, — писал Ходж в газете „Кореан таймс“ 25 сентября 1945 г. — Родился на ферме в США. Сражался в первую мировую войну. Во время второй мировой войны командовал войсками на Новой Гвинее, на Алеутских островах, Филиппинах и Окинаве. Я это говорю для того, чтобы вы поняли, на чьей стороне мои симпатии в борьбе наций». «Я желаю свободы и независимости Кореи так же сильно, как этого желает каждый кореец», — заверял Ходж в газете «Сеул таймс» 15 декабря 1945 г.

Видимо чувствуя, как не согласуются эти заверения с практикой оккупантов, Ходж частенько подчеркивал, что сам он не занимается делами управления. За них, дескать, спрашивайте с военной администрации.

А дела эти вызывали все большую тревогу. Наступление на демократические силы развертывалось одновременно с массовой идеологической диверсией. Реакция пыталась разлагать изнутри прогрессивные организации, развращать и подкупать все, что поддавалось подкупу и разложению. Методы ее подрывной работы в демократическом лагере дифференцированы, продуманны. Так, например, в отношении Народной партии, классовый состав которой разношерстен, правые применяли иные приемы, нежели в отношении коммунистов. Народную партию реакция пыталась приручить, сколачивая внутри нее группировки и оппозицию, нацеливая против союза с коммунистами. Открыто заигрывала с наименее устойчивой частью руководства партии. Такая же тактика проводилась и в отношении многих других организаций. Что же касается компартии, то свою враждебность к ней ни оккупационные

власти, ни их корейские союзники даже не пытались скрывать. Компартия подвергалась яростным гонениям.

Нетрудно было обнаружить и такую линию наступления реакции на лагерь революции, как создание в противовес подлинно прогрессивным организациям псевдодемократических, буквально одурманивавших массы своими декларациями, призывами, заманчивыми обещаниями.

Особенно большое внимание уделялось молодежи. Ее энергия и неискренность, ее быстрая воспламеняемость были взяты реакцией на вооружение (и, надо сказать, умело). В первую очередь это касалось учащихся, связанных с мелкобуржуазной и буржуазной средой.

Еще ранее в молодежном движении Юга в основном оформилось правое крыло. 5 ноября 1945 г. была создана Молодежная лига по ускорению независимости Кореи. Газеты сообщили, что состоялась беседа руководителей лиги и других молодежных организаций с Ли Сынманом, во время которой обсуждался вопрос о «всемерном расширении молодежного движения». 15 ноября было объявлено о создании Всекорейской лиги молодежных организаций. Эта уж рангом повыше! Под ее руководство попали сравнительно крупные реакционные объединения, такие, как Молодежное общество строительства корейского государства (создано 19 сентября 1945 г., руководитель О Чонбан), Партия буддийской молодежи (создана 20 сентября 1945 г., руководитель Ли Буэль) и другие организации.

Руководство лиги приняло меры, чтобы поглотить и молодежные образования, еще не определившие своей политической линии, с тем чтобы нанести удар демократическому молодежному движению, в первую очередь — Коммунистическому союзу молодежи. По этому поводу газета «Хэбан ильбо» поместила карикатуру: раскрытая пасть акулы и множество устремившихся в нее рыбок.

Примерно то же происходило и в женском движении. В противовес Союзу демократических женщин Южной Кореи, созданному 17 августа 1945 г. и насчитывавшему более 850 тыс. членов (руководитель Ю Ёнджюн), реакция сколачивала правые объединения. В их числе Патриотический женский союз по ускорению независи-

мости (создан 10 сентября 1945 г., руководитель Иак Сынхо — жена активного прояпонского деятеля). Первые газетки писали, что союз насчитывал более 3 млн. членов. Дело объяснялось просто. В этот союз женщин зачисляли принудительно, как в колониальные времена. Было основано Женское христианское общество (1 декабря 1945 г.) и другие реакционные объединения, руководство и ядро которых составляли жены капиталистов и помещиков. Эти организации шумливы, многословны, весьма воинственны и злобны. Корейцы нередко называют их «клуб-мадам» или «союз-мадам». А вообще, судя по газетам, процесс создания разного рода политических партий и организаций продолжался. В нем все явственнее проступало организующее начало — и со стороны революционного фронта, и со стороны реакции. Накал борьбы становился все ощутимее. Возникало немало центристских организаций, пока еще неясно каких, больших и крохотных, жизнеспособных и распадавшихся сразу же после своего рождения.

С 9 сентября, с момента вступления в Южную Корею войск США, и до конца 1945 г., по данным печати, здесь возникло 114 новых партий и организаций. 200 было создано до прихода американских войск. Если верить публикуемым данным, то число членов всех этих организаций достигало астрономической цифры: оно в несколько раз превысило численность всего населения Кореи, включая грудных детей. Американские журналисты не уставая потешались над этим. А между тем все легко объяснялось. Организаторы некоторых обществ, видимо для большей солидности, преувеличивали их численность. Главное же, была ключом творческая активность народа, никогда ранее не имевшего права на создание своих организаций, на политические свободы.

Разобраться сразу в том, что представляли собой новые объединения, не просто, хотя печать пестрела материалами о них. Некоторые корейцы вступали сразу в несколько организаций, притом разных политических направлений. Например, студент Ким Гилён, с которым мы познакомились на одном из митингов, рассказал, что он является членом 11 организаций, причем одна из них, Объединенный союз корейской молодежи, относится к демократическому лагерю, а общество Труд, например, и Партия буддийской молодежи — к правому.

Знакомый зубной врач Ким Хину тоже был членом нескольких организаций: и демократических — Корейское общество народной жизни (создано 21 августа 1945 г.), Общество помощи участникам движения против японского империализма, Комитет борьбы против фашизма (7 декабря 1945 г.), и реакционных, в частности Общества зубных врачей Кореи (создано 9 декабря 1945 г.).

Конечно, такие случаи, видимо, были не очень часты, но для тех дней естественны. Ведь ясного представления о характере организации подчас не было даже у ее непосредственных создателей. Многие общества местные. Например, Общество новой нации уезда Кымхэ (создано 27 октября 1945 г.), Объединенное общество торговцев рынка Намдэун в Сеуле (17 августа 1945 г.) или Молодежная организация уезда Аннам (17 августа 1945 г.). Названия некоторых из них звучали например, так: Общество паровых машин провинции Кёнги (5 октября 1945 г.) или Корейское общество удобрений (15 сентября 1945 г.).

Реакционеры развивали в этих организациях бурную деятельность. Засылали туда специальных агитаторов, финансировали и в конце концов подчиняли себе многие из них. А одновременно создавали все новые и новые. Но главная роль в разворачивающемся наступлении на революционные силы отводилась военно-полицейскому террору. Создавались армия, полиция, тайный сыск — все, что было так знакомо и ненавистно народу по недавним колониальным временам. Возникали многочисленные террористические группы, причем, конечно, не стихийно. Они подбирались из фашиствующих головорезов, проходили специальную подготовку в «тренировочных пунктах», а затем направлялись для организации и обучения местных террористических групп в разные районы, в первую очередь в промышленные, где революционные силы удерживали прочные позиции. Демократические газеты писали о разнузданных действиях террористов в Инчхоне, Пусане, других городах, а также в деревнях Южной Кореи.

Полицейский корпус состоял в основном из лиц, служивших ранее в японской полиции (по данным печати, к началу 1946 г. в Южной Корее насчитывалось около 2 тыс. полицейских участков). Главой полиции был дея-

тель Демократической партии Чо Бёнок (1894—1960). Он, как и Ли Сынман, и некоторые другие южнокорейские лидеры, прошел курс обучения в США, окончил Колумбийский университет, получил степень доктора философии. Если же говорить о практической школе национального предательства, то Чо Бёнок с блеском сдал экзамен в годы второй мировой войны. Он активно сотрудничал в Обществе по ускорению мобилизации нации (1944), возглавлявшемся Ким Сонсу, вместе с ним и ему подобными призывал корейский народ поддерживать японских милитаристов. Направляли деятельность южнокорейской полиции и ее шефа — доктора философии Чо Бёнока — оккупационные власти.

Полицейские все заметнее заполняли город. Они могли без санкции прокурора арестовать за любой, самый незначительный проступок, подвергнуть телесному наказанию, оштрафовать.

Формировалась южнокорейская армия. Еще в ноябре 1945 г. при военной администрации был создан Департамент национальной обороны (с сухопутным и морским отделами), который, по заявлению Ходжа, должен был заложить основы формирования корейской армии и флота. Готовился офицерский состав, главным образом из числа корейцев, служивших в японской и гоминьдановской армиях. 4 декабря «Тона ильбо» писала, что в порту Чинхэ обучалось 10 тыс. моряков для будущего военно-морского флота и насчитывалось 1500 летчиков, ранее служивших в японской авиации.

Итак, свою социальную опору в Корее США оснащали не только идеологически, но и военными средствами. Все откровеннее обрушивался террор на народные комитеты. Отказавшись вначале признать их в качестве органов власти, оккупанты перешли к их подавлению и разгрому. Они официально и публично потребовали самороспуска народных комитетов.

20 ноября в Сеуле открылась конференция представителей народных комитетов и демократических организаций Южной Кореи. Она была весьма представительной: из 25 городов и 175 уездов прибыло около 650 делегатов. Генерал Ходж в ультимативной форме потребовал немедленного прекращения работы конференции и принятия решения о самороспуске народных комитетов.

Делегаты единодушно отклонили этот по меньшей

мере странный, ничем не обоснованный ультиматум. «Народные комитеты не согласны на самоубийство», — заявили они. Было принято решение еще настойчивее добиваться передачи власти народным комитетам и продолжать борьбу за независимость.

Принципиальная и мужественная позиция народных комитетов и демократических организаций была воспринята общественностью с большим одобрением. На предприятиях, на транспорте, в шахтах, в ряде учреждений и учебных заведений проходили собрания и митинги в поддержку конференции и ее решений. Принимались резолюции, требовавшие признания народных комитетов и создания нормальных условий для их деятельности. Но реакция усиливала наступление на демократию. 7 декабря в газете «Син Чосон» и в других изданиях правых было опубликовано и передавалось несколько раз по радио решение Центрального комитета Демократической партии, требовавшее, чтобы военная администрация издала приказ о роспуске народных комитетов, якобы «являющихся помехой для завершения независимости Кореи». 12 декабря опубликовано заявление американского командования о непризнании (в который раз!) народных комитетов, фактически о их роспуске. А 19 декабря американская военная полиция вместе с корейскими головорезами совершили налет на народный комитет в Сеуле. Учинили настоящий погром. Все документы уничтожены — разорваны в клочья — или захвачены. Работники комитета, находившиеся там во время налета, избиты. В ярости громилы переломали мебель.

На следующий день мы проезжали мимо этого здания, одного из самых известных в столице. Впечатление такое, что произошло стихийное бедствие. Вокруг валяются выбитые стекла, рамы, двери, разбросаны папки, разорванные бумаги, какие-то облитые чернилами вещи. Даже не торопятся убрать. Может быть, в назидание другим?

Расправа с народными органами власти, деятелями демократических организаций началась в эти дни и в других городах Южной Кореи.

Вот тебе и «поборники демократии»!

Переход реакции в наступление против демократических сил самым непосредственным образом повлиял на

расстановку политических сил в Южной Корее, на позиции различных социальных слоев.

Немалую роль при этом сыграли экономические акции оккупантов, тоже противоречившие интересам южнокорейского населения, задачам независимости и социального прогресса. Как известно, в колониальные годы более 90% всех капиталов, вложенных в разные отрасли предпринимательской деятельности, были в руках японских империалистов⁸. Проведя предварительный учет всей этой собственности, по праву принадлежащей корейскому народу, оккупационные власти издали «приказ № 33» (опубликован 12 декабря 1945 г.), передавший Американской военной администрации право на владение любой собственностью японского правительства и японских подданных в Корее, как и на доходы от нее. В ведение АВА перешли банки, железные дороги, шахты, рудники, промышленные предприятия, электростанции, административные и жилые здания, магазины, художественные ценности. Иными словами, все, что японские колонизаторы ранее захватили и трудом корейцев преумножили или заново создали, сейчас прибрали к рукам американские оккупанты (вместе с запасами сырья и продовольствия, которые прежние хозяева не успели вывезти). На бывшие японские фабрики, заводы, акционерные компании и т. д. АВА назначила своих уполномоченных фактически в качестве руководителей. В связи с тем что японские собственники разными путями продолжали переправлять свое имущество в Японию, АВА издала 3 января 1946 г. приказ № 39, в котором указывалось, что транспортировка воздушным, сухим, а также морским путем в Корею и из Кореи различного имущества (грузы, ценности) не разрешается, кроме тех случаев, когда такие операции проводятся особыми представительными органами, наделенными полномочиями со стороны АВА.

Ничего существенного для налаживания хозяйственной жизни оккупационные власти не сделали. Большинство предприятий бездействовало, часть работала с перебоями. Напомню, что в Южной Корее были сосредото-

⁸ Экономический ежегодник, изданный в 1948 г. в Сеуле, указывал, что, по данным на декабрь 1945 г., японская собственность на территории всей Кореи оценивалась в 17 млрд. иен («Чосон кёндже ёнбо», Сеул, 1948, раздел II, стр. 5).

ны главным образом заводы и фабрики легкой промышленности, в первую очередь текстильной и пищевой. Имелись машиностроительные и инструментальные заводы, производившие механизмы для горнорудной и судостроительной промышленности, несколько металлообрабатывающих, небольшие химические заводы и др.

Накануне освобождения в Южной Корее насчитывалось 9323 промышленных предприятия с 300 тыс. рабочих. Значительную часть рабочего класса составляли женщины и подростки (на текстильных предприятиях — до 80% работающих). Многие из них оказались выброшенными на улицу без всяких средств к существованию.

Недовольство южнокорейских предпринимателей вызвали акции военной администрации в отношении «вражеского имущества».

На страницах южнокорейских газет все чаще можно было увидеть требования деловых кругов Юга — передать право управления бывшим японским имуществом корейцам, распродать японскую собственность.

Южная Корея — важнейший сельскохозяйственный район страны (в конце 1945 г. там насчитывалось 2 065 477 крестьянских дворов, из них собственников — лишь 13,8%, остальные — арендаторы, полуарендаторы. Батраков было около 130 тыс.).

Никаких мер не принимали оккупационные власти и для улучшения положения крестьянства, буквально задышавшегося в тисках полуфеодальной эксплуатации.

В сентябре 1945 г. администрация США в Южной Корее заявила, что формы земельной собственности остаются неизменными, а это означало, что большинство крестьянских хозяйств Южной Кореи по-прежнему будут владеть жалкое существование, зависеть от помещика и ростовщика.

Правда, разговоров и обещаний было множество.

Правая печать и радио излагали проекты предстоящей земельной реформы, якобы «обсуждали» их с читателями и слушателями. По одному из этих проектов предполагалось, что землю выкупит у помещиков государство (которое еще предстояло создать) и раздаст крестьянам. По другому после выкупа государство должно продавать землю крестьянам. Отклики на эти предложения, особенно на второе, были довольно скептическими. «А где крестьянин возьмет деньги на покупку

земли? Нет, крестьянство хочет радикальной земельной реформы». Такой тезис содержался в программах демократических организаций.

Но оккупационные власти, судя по всему, и не помышляли о каких бы то ни было преобразованиях. Был издан приказ (12 ноября) о создании на базе Восточно-колониального общества компании «Новая Корея». Весьма симптоматичное наименование! Старый и самый крупный колониальный хищник в корейской деревне стал называться «Новой Кореей». По этому поводу корейцы злословили и невесело шутили. В какой-то газете промелькнула карикатура — матерый волк с лисьей мордочкой. И подпись: «Это не новая, это старая Корея». Компания была учреждена как «независимый орган» военной администрации США в Южной Корее. Последняя оплатила акционерный капитал компании в 100 млн. иен, передав ей имущество Восточно-колониального общества. Согласно приказу от 21 февраля 1946 г. компании передавались земли японцев (не реквизированные американскими войсками) и вся частная японская собственность, находившаяся под контролем ВКО. «Новая Корея» стала владельцем больших земельных и лесных массивов, различных предприятий. Она получила право заниматься сельскохозяйственным производством, лесоводством, рыболовством, добычей морских продуктов, всеми видами промышленной деятельности, разработкой естественных богатств. Был создан Совет компании, состоявший из 10 директоров и президента — офицера американской армии.

Крестьянские союзы и другие демократические организации заявили свой протест против передачи новоявленной компании принадлежавших японцам земель. «В новой Корее, — говорилось в листовках, — земля должна принадлежать крестьянам. Им нужно передать и японские земли». Даже на совещании начальников провинциальных сельскохозяйственных отделов АВА, которое состоялось в Сеуле 10 марта 1946 г., вскоре после принятия в Северной Корее закона о демократической земельной реформе, некоторые из них выразили недовольство несправедливой передачей бывших японских земель не корейцам, а американской компании.

Положение мелких городских буржуа тоже было тяжелым. Предприятия и мастерские не могли работать:

не было сырья, материалов. Безработица, нехватка продуктов, бешеная спекуляция, в которой немалую роль играла и американская военщина (об этом немного дальше), а главное, явное нежелание оккупационных властей исправить положение, принять меры к налаживанию хозяйства и жизни народных масс — все это наряду с усиливавшимся террором серьезно влияло на позиции разных социальных слоев. Происходил как бы двуединый процесс: убыстрялась поляризация политических сил и усиливался процесс перехода этих сил из лагеря в лагерь. Хочется оговориться: хотя к концу 1945 г. вполне правомерно утверждение о наличии двух лагерей, грани между ними были весьма подвижны. Нельзя представлять себе дело таким образом, будто каждый из этих лагерей имел уже четкую программу действий, определившийся состав участников и руководителей. Все было гораздо сложнее, противоречивее. В демократических организациях наряду с засланными и засылаемыми вновь в провокационных целях реакционерами немало было и временных попутчиков. Их прибили к демократическому лагерю волны августовского революционного шторма.

Хотя в программных документах коммунистов первоочередные задачи революции не затрагивали интересов буржуазных попутчиков, последние понимали, что углубление революции означало борьбу не только против национального, но и против социального гнета, против любых форм эксплуатации. А власть трудящихся их явно пугала. Вот почему кое-кто из них отошел в сторону, предпочитая отсиживаться в тылах; некоторые при активном воздействии реакции оказывались в конце концов в ее стане. А этот стан, несмотря на несравненно большие возможности деятельности, на покровительство и помощь оккупационных властей, чрезвычайно не постоянен. Устойчиво было только его ядро, состоявшее из помещиков и крупных буржуа.

Все честные, патристически настроенные люди, по той или иной причине оказавшиеся в этом стане, прозревая, покидали его. Особенно большую роль в их отрешении играли события в Северной Корее.

Самой последовательной и негибкой силой патристического демократического фронта по-прежнему являлся рабочий класс и его авангард — коммунисты.

В ряде мест вспыхивали политические забастовки. В декабре 1945 г. рабочие одного из заводов, принадлежавших крупнейшему капиталисту Кореи Пак Хын-сику, забастовали и потребовали предания его суду как военного преступника. В обращении к другим пролетариям бастующие писали, что такие преступления, какие совершил Пак Хынсик, не должны оставаться безнаказанными, что он содержит на свои средства реакционные банды, помогает громить народные комитеты и демократические организации, хотя старается действовать тайно, так как боится народного гнева. Забастовка была подавлена полицией, а ее зачинщики арестованы.

Демократическая печать сообщала, что в Сеуле арестовано 50 трамвайных рабочих за стачку протеста против сохранения на постах японских служащих. Реакция наступала, народ усиливал сопротивление.

Характеризуя положение в Южной Корее, «Дэйли уоркер» писала в те дни, что американские оккупационные власти применяли на Юге Кореи трехстороннюю политику. Во-первых, они пытались использовать весь полицейский и экономический аппарат японского империализма. Во-вторых, назначали на разные высокие посты таких корейцев, которые известны как прояпонские элементы, предатели, и американские представители пользовались их советами. В-третьих, и это самое важное, они стали проводить в жизнь такую экономическую программу, которая способна была лишь углубить аграрную и промышленную проблемы Кореи. «Дэйли уоркер» приводила в этой статье следующий любопытный факт. Вернувшись в Корею в качестве протеже государственного департамента, Ли Сынман, сторонник гоминьдановского режима, выступил с заявлением, в котором он фактически призывал к гражданской войне. «Я следил за распространением коммунизма в Европе и Азии, — сказал Ли Сынман, — и пришел к заключению, что лучше не откладывать решение этого вопроса, а разрешить его здесь и теперь же».

Действия южнокорейской реакции свидетельствовали, что она разделяла точку зрения Ли Сынмана и политику оккупационных властей.

«Одним из самых важнейших результатов нашей оккупации Кореи, — с циничной откровенностью писал в „Сатэрдей ивнинг пост“ 30 марта 1946 г. американский

публицист Эдгар Сноу,— пожалуй, является то, что мы приостановили здесь революцию. Если не во всей Корее, то в одной ее части во всяком случае».

Впрочем, эта задача оказалась нелегкой. Новые послевоенные международные условия, политика Советского государства, неуклонно отстаивающего независимость и свободу народа Кореи, так же как и других народов, победа революции в Северной Корее, ее огромное стимулирующее воздействие на южнокорейское население сдерживали антикоммунистические вождедения реакции и укрепляли силы южнокорейской революции, повышая их сопротивляемость и жизнеспособность.

Наиболее рельефно все это проявилось в развитии событий после Московского совещания министров иностранных дел СССР, США и Англии в декабре 1945 г., принявшего решения о Корее (к этим решениям присоединился и Китай).

ЮЖНАЯ КОРЕЯ
ПОСЛЕ МОСКОВСКОГО
СОВЕЩАНИЯ

Массовое движение поддержки.
Фальшивки реакции

Инициатором постановки на совещании вопроса о Корее были США. Проект, предложенный ими, предусматривал фактическое превращение Кореи в подмандатную территорию. Он не был направлен к тому, чтобы помочь созданию национального правительства Кореи, ускорить предоставление ей независимости.

Советское правительство, разумеется, не могло с этим согласиться и выдвинуло свой проект, продиктованный заботой о независимости и прогрессе Кореи. Не решаясь в те дни открыто выступить против справедливых советских предложений, США и Великобритания были вынуждены с ними согласиться. Принятый на Московском совещании с небольшими поправками советский проект отличался от американского в ряде решающих положений.

США предлагали на первое время создать в Корее единую администрацию во главе с двумя командующими. Они и должны были управлять ею до установления опеки. Участие корейцев в органах администрации военных командующих допускалось только в качестве администраторов, консультантов и советников. Создания национального правительства в этот период не предусматривалось.

Московское совещание по предложению Советского правительства признало неотложность образования Временного корейского правительства, поскольку это отвечало и назревшим национальным требованиям корейско-

го народа, а также должно было содействовать скорейшей ликвидации пагубных последствий длительного японского господства в Корее.

Американский проект предлагал для установления опеки¹ в Корее создать административный орган четырех держав (США, СССР, Великобритания и Китай), который должен был осуществлять свои полномочия через Высокого комиссара, и Исполнительный совет из представителей четырех государств.

Этому административному органу американский проект отводил функции законодательной, исполнительной и судебной власти во время осуществления опеки в Корее. И на этот период создания национального корейского правительства не предусматривалось. В принятом по советскому проекту решении образование корейского национального правительства не только не откладывалось, но было предусмотрено содействие со стороны СССР и США его созданию. Американский проект предлагал установить опеку на пять лет, и допускалось ее продление еще на пять лет. Решение совещания ограничивало срок опеки пятью годами. Продление его исключалось.

Принципиально по-разному ставился в американском и советском проектах и вопрос о самом существовании опеки. Советская сторона рассматривала ее как средство обеспечения независимости Кореи, как содействие ее экономическому, политическому и социальному прогрессу, демократическому развитию. Так и было записано в принятом решении. Условия опеки должны были вырабатываться с участием корейского правительства, демократической общественности и всего народа; осуществляться она должна была не через иностранные органы, а через национальное правительство Кореи.

Для содействия созданию Временного корейского правительства было решено образовать Совместную ко-

¹ Уместно напомнить, что США еще на Ялтинской конференции великих держав в феврале 1945 г. высказались за установление опеки над Кореей. В вопросе учреждения опеки, говорил Ф. Рузвельт, у США есть опыт Филиппин, где ими был установлен 50-летний срок для подготовки филиппинского народа к самоуправлению. Ссылаясь на этот опыт, Ф. Рузвельт считал, что в отношении Кореи может быть намечен переходный период в 20—30 лет. Иными словами, вынашивался план длительной опеки (см. В. Воронцов, Корея в планах США в годы второй мировой войны, стр. 89).

миссию из представителей командований американских войск в Южной Корее и советских войск в Северной Корее. Ей вменялось в обязанность при выработке предложений о составе Временного правительства консультироваться с корейскими демократическими партиями и организациями.

Комиссии поручалось с участием Временного корейского правительства и с привлечением корейских демократических организаций разработать меры помощи и содействия прогрессу корейского народа, развитию демократического самоуправления и установлению государственной независимости Кореи.

Решения Московского совещания о Корее были важной победой демократических сил, открывали перед народом Кореи перспективу национального возрождения и социального прогресса.

28 декабря 1945 г. все основные корейские газеты опубликовали Московские решения. Сейчас я пытаюсь точнее воспроизвести в памяти картину — как принял это известие Сеул? Вначале — массовым ликованием. Затем неожиданно стали сгущаться тучи. Из подворотен и закоулков поползли зловещие слухи о «новом закабалении страны». В передачах по радио слово «опека» стало переводиться «синтхак чедо», т. е. «протекторат».

В действие были приведены многочисленные рычаги идеологической машины правых.

29 декабря создан так называемый комитет по мобилизации нации против опеки. Он сразу же развил бурную деятельность в различных организациях, чтобы объединить их для борьбы против Московских решений. Одновременно стали инспирироваться «массовые выступления» — демонстрации, митинги.

Но как же реагировали на это американские оккупационные власти в Южной Корее? Ведь США подписались под Московским соглашением, более того, были инициатором постановки вопроса о Корее на Московском совещании, автором проекта об опеке². И тем не

² Еще до Московского совещания реакционные газеты Южной Кореи обрушились на решения Ялтинской конференции, хотя последние и не были опубликованы. Тон газетных выступлений поражал своей разнузданностью. Выдвигалось требование: «Отменить ялтинское секретное соглашение, разделившее Корею на две части!» Ялтинское соглашение изображалось как антикорейское, а вина за

Менее они участвовали вместе с корейской реакцией в движении протеста против этих решений. Во всяком случае, не обнаруживалось никаких признаков того, что власти не согласны с действиями реакционеров. Американская печать вопреки фактам стала приписывать инициативу постановки корейского вопроса на Московском совещании Советскому Союзу, а сущность опеки трактовать таким образом, чтобы она вызвала недовольство народа. И это сразу же после совещания!

Можно было удивляться вероломству, но цели были совершенно ясны — повернуть южнокорейское освободительное движение в выгодное для США русло. Эти цели — составная часть империалистического плана подавления революции в Корее, ослабления там авторитета и влияния СССР, притягательности идей социализма.

Для проведения этой крупной политической провокации использовался большой арсенал средств и приемов. Активным рупором клеветы и дезинформации стали правая печать и радиопередачи.

Они буквально неистовствовали.

Обманутых, одурманенных, на какое-то время растерявшихся людей реакционеры втягивали в ими же самими инспирированные выступления. Широко применялась вооруженная сила. Вот как была организована «забастовка протеста», о которой много шумели американские журналисты. Вооруженные головорезы из террористических отрядов врывались в учреждения, магазины, мастерские, требуя немедленно прекратить работу. О причинах не говорили, если кто-нибудь пытался их выяснить, отвечали: «В знак протеста против нового закабаления Кореи». Если кто-то медлил, колебался, не хотел участвовать в забастовке, его жестоко избивали, некоторых арестовывали. И тут же вывешивали заранее заготовленные объявления: «Магазин (мастерская, парикмахерская) не работает. Забастовка».

В учебных заведениях применялись несколько иные методы. Рассказывали, что туда направили видных деятелей Хангук минджудан и временного «правительства»

него взваливалась на Советский Союз (на страницах правых газет появились карикатуры антисоветского характера). При этом Каирская декларация 1943 г. всячески пропагандировалась реакцией как акция, направленная на сохранение корейской независимости.

для бесед с учащейся молодежью. По-видимому, ее активное участие в революционном движении серьезно беспокоило лидеров правых. Развязанную ими же кампанию борьбы против опеки они решили использовать для переориентации учащейся молодежи. И надо сказать, что часть ее по незрелости и легкой воспламеняемости откликнулась на провокацию. Некоторые учебные заведения включились в забастовку.

На заводах и фабриках реакция действовала осторожно. Во-первых, многие ее представители — сами владельцы предприятий; во-вторых, они побаивались рабочих. Демократическая печать писала, что участники забастовки отобраны ее организаторами из наиболее отсталой части рабочих и из безработных. Им внушалось, что забастовка проводится во имя улучшения их жизни. Газеты сообщали, да это было видно каждому и невооруженным глазом, что корейская и военная американская полиция активно помогают проведению провокационной кампании.

Пока я пишу лишь о том, что предпринимала реакционная верхушка. Но ведь передовая, патриотическая часть южнокорейского общества, демократические организации поняли суть Московских решений, горячо поддерживали их, хотя дезинформация и клевета, распространявшиеся реакционерами, временно повергли некоторых деятелей этих организаций в смятение. Как же реагировали демократические силы на происки реакции? Что они предприняли?

Они развернули движение в поддержку Московских решений, за разъяснение их сущности. Эту деятельность возглавила компартия. К ней присоединились Народная партия, Новая народная партия, народные комитеты, Конфедерация труда, Крестьянский союз, Демократический женский союз, Ассоциация по возрождению корейской культуры и другие демократические объединения. Больше того, в первые дни вместе с ними выступила часть деятелей правых организаций.

Внутри этих организаций заметно обострилась борьба.

31 декабря 1945 г. был убит лидер Хангук минджудан Сон Джину. В чем дело, никто толком не знал. Говорили, будто поводом к убийству послужило заявление Сон Джину, что раз уж опека над Кореей неиз-

бежна, то пусть ее осуществляют только США. Убийцу не называли, но намекали, что это один из активных деятелей Хангук минджудан.

Демократическая печать квалифицировала убийство как протест против антипатриотических действий реакции. Похоже, что это именно так.

После Сон Джину лидером партии стал Вон Сехун. Но ненадолго. В связи с тем, что представители Демократической партии приняли участие в совещании компартии, Народной, Новой народной и Национальной партий и выступили с заявлением о поддержке Московских решений, Вон Сехун был отстранен с поста лидера. Им стал Ким Сонсу. В газетах было опубликовано опровержение Хангук минджудан, в котором говорилось, что ее представители не имели права подписывать «Заявление пяти партий», ибо партия не согласна с решением министров иностранных дел о Корее. Опровержение, одобренное многословными комментариями, неоднократно передавалось по радио. Попробуй разберись!

Компартия, другие демократические организации прилагали большие усилия, чтобы прояснить обстановку. На заводы, в учебные заведения, учреждения, в деревни были посланы группы агитаторов, чтобы рассказать правду о Московском соглашении, разоблачить вражескую клевету.

Сеул снова стал ареной многоголосых, бурных демонстраций, острых политических сражений, кое-где перераставших в потасовки. Террористы не допускали прекращения сорганизованной реакцией забастовки. В начале января, когда магазины и мастерские открылись, их владельцы жаловались, что забастовка причинила им большой убыток. «Но что можно было сделать?— говорил часовой мастер, с которым мы были знакомы уже несколько лет.— Когда я попытался начать работу, ко мне ворвалась группа хулиганов, они обозвали меня предателем и пригрозили, что, если я открою мастерскую, меня и семью изобьют. А пока на всякий случай побросали и изуродовали инструменты, разбили несколько пар часов».

Примерно о том же рассказывали знакомые владельцы магазинов. «Считается, что бастовала и наша парикмахерская»,— говорил ее владелец Чхве Доман. В этой парикмахерской много раз приходилось бывать

и раньше. Угрюмый, уже очень немолодой, Чхве был первоклассным мастером, и, хотя эта парикмахерская на улице Содэун не относилась к числу перворазрядных, мы любили здесь бывать. Так вот что рассказал Чхве Доман: «Сначала ко мне, как и во все соседние мастерские и магазины, пришли два господина и сказали, что где-то принято решение опять установить над Кореей синтхак чедо и что нужно протестовать: закрыть мастерские, магазины и, выйдя на улицы, требовать независимости, как когда-то, в 1919 г. Я спросил, кто же принял такое несправедливое решение о протекторате. Надо обратиться к Советскому правительству. Оно не допустит несправедливости. „Дурак, идиот! — закричали на меня пришедшие. — Ведь именно Советский Союз предложил установить синтхак чедо“. Я не поверил и сказал, что такого не может быть. Господа очень рассердились на меня. Они топали ногами, угрожали и наконец ушли. Через некоторое время в мастерскую ворвались несколько хулиганов, они кричали, что я предатель родины, избили меня и сказали, что, если я не присоединюсь к „бастующим патриотам“, мне и моей семье несдобровать. Пришлось три дня не работать. Я не знаю, какое в Москве принято решение о Корее. На митингах говорят об этом разное, по-разному пишут и в газетах, но убежден в одном: раз решение подписал Советский Союз, значит, оно нужно и полезно нашему народу».

Действительно, разобраться в захлестнувшем город потоке листовок, газетных сообщений, речей, радиопередач было нелегко, особенно людям, только-только приобщившимся к участию в политической жизни. Некоторым помогала интуиция, классовое и национальное чутье. Немалую роль играли авторитеты, за которыми подчас шли вслепую.

Реакция пыталась захватить инициативу в свои руки. У нее для этого было много возможностей, как и во всем остальном, были покровительство и поддержка оккупационных властей.

Демократические силы не располагали такими условиями и возможностями. Но изо дня в день они вели свою нелегкую кропотливую работу в массах. Центром их деятельности стали промышленные предприятия. Рабочие в своем большинстве первыми поддержали Мос-

ковские решения, многие стали активными их пропагандистами.

А город пестрел разноцветными транспарантами, шумел многоголосыми призывами. На площадях — импровизированные трибуны.

Теми же методами, какими была инспирирована забастовка, реакционеры организовали демонстрации и митинги. Вооруженные полицейские и террористы ходили из дома в дом, сгоняя население на улицу. Уклоняющихся вытаскивали из домов и вталкивали в колонны так называемых демонстрантов, которых обильно снабжали лозунгами и плакатами, призывавшими к борьбе против Московского соглашения. По обе стороны колонны шествовали вооруженные террористы и бдительно следили, чтобы «демонстранты поневоле» не выскользнули из колонн. На тротуарах цепью стояли бойскауты (реакция усиленно привлекала их к погромным действиям), полицейские, террористы, актив правых организаций. Многие «демонстранты» все же пытались уйти, прорваться сквозь густую цепь охраны. Однако беглецов задерживали, нередко избивали и вталкивали назад. Это было зрелище тяжкое, потрясавшее своим цинизмом и разнузданностью. Именно так была организована Демократической и Национальной партиями демонстрация 31 декабря.

На транспарантах — требования поддержки временного «правительства» и проведения всеобщей забастовки в знак протеста против опеки. «Над Кореей устанавливается протекторат! Страну нашу хотят сделать колонией четырех государств!» — истошно вопили ораторы.

Группа студентов несла, держа с четырех сторон, национальный корейский флаг. Как-то странно подергиваясь, они скандировали: «Не отдадим национальную независимость». Вообще много молодежи, все шумно, крикливо. Несколько раз вспыхивали драки.

В такой бурной политической обстановке начинался новый год. Мы встречали его в консульстве. В Белом зале расставили столы, приготовили любимые домашние блюда. Слушали по радио наши песни. Веселились и грустили. Мучительно хотелось домой.

Каким он будет, этот новый, первый послевоенный, 1946 год? Что готовит нам? Можно ли сейчас вспом-

На одной из улиц Сеула

нить, о чем думалось тогда, более четверти века назад? А дневники разве все подскажут?

Ночью выпал снег, как будто для того, чтобы острее вспоминалось о доме. Снега совсем мало. Тоненький белый пласт лежал только до утра, потом растаял. Солнце подсушило землю, и днем мы, как обычно, играли в волейбол. Многие приходили поздравлять с Новым годом.

1 и 2 января гуляли по городу.

Открылись магазины, мастерские, учреждения. Загрохотал трамвай.

«Думаете, мы бастовали?—широко улыбаясь, говорил вагоновожатый (его звали Лим).— Компания бастовала. Ей не нравятся решения о Корее. Вот и остановили движение, заявив, что бастуют трамвайщики. Наш союз протестует против таких действий. Мы поддерживаем Московские решения».

Это говорилось 3 января на одном из многолюдных сеульских митингов. В тот день демократические силы Юга организовали демонстрацию поддержки Московского соглашения. С самого утра была в городе. Газеты писали, что в демонстрации участвовало 100 тыс. человек. Мне казалось, значительно больше. Центральные улицы, стадион, площади были заполнены людьми. Многие — с национальными флажками, красными знаменами, красочными полотнищами. «Приветствуем решения Московского совещания о Корее! Они открывают путь к созданию независимого, демократического корейского государства!» — написано на большом полотнище по-корейски, по-русски и по-английски.

Вынесли и лозунги, развевавшиеся над праздничными демонстрациями в первые дни освобождения: «Спасибо Советскому Союзу — нашему освободителю, защитнику и другу! Спасибо армиям союзников!». О дружбе, о благодарности советскому народу написано на множестве транспарантов. В руках у демонстрантов призывы не верить реакционерам, разоблачать и срывать их происки. У некоторых лозунги перекинуты через плечо. На самодельных трибунах друг друга сменяют ораторы. Зачитывают текст Московских решений, разъясняют их, отвечают на вопросы. Не обошлось и без провокаций. На площади, прилегающей к воротам Содэун, в выступающего бросили булыжник, который угодил прямо

в лицо. Хулиганов тут же схватили, но именно на это и рассчитывали реакционеры. Они попытались организовать потасовку, нарушить мирный характер демонстрации. Не получилось. Зачинщиков провокации передали американским полицейским, те их, конечно, сразу же отпустили, но митинг не был сорван.

В демонстрации участвовали самые различные слои населения. Много рабочих. Пестрели таблички с наименованиями организаций — профсоюзов, женских, молодежных, культурных объединений. Несколько табличек Крестьянского союза. Видимо, крестьяне пришли из окрестных деревень.

Присутствовавшим раздавали листовки, — в них разъяснялась сущность Московских решений, их значение для народа Кореи.

Очень хотелось подробнее узнать о выступающих. Мы попытались расспросить о них стоявших рядом. Те отзывались с большим уважением. Один, по виду интеллигент, сказал примерно так: «Это те, что посвятили свою жизнь интересам нации, ее независимости, — хорошие, справедливые, смелые люди. Им можно доверять». «А чем они занимались, кем были раньше?» Он ответил: «Тем и занимались». Поняла — профессионалы революционеры.

Демонстрация и митинги 3 января свидетельствовали о многом. О последовательности позиций демократических сил в вопросе о Московском соглашении. О его поддержке со стороны значительных слоев населения, особенно трудового люда. О росте организованности демократического лагеря, целенаправленности его действий. О чрезвычайной сложности обстановки.

Правые не брезговали ничем, чтобы скомпрометировать Московские решения, чтобы использовать в выгодных для реакции целях сложившиеся в Южной Корее условия — недовольство масс, вызванное дороговизной, спекуляцией, безработицей, нехваткой питания. Вопреки всякой логике и здравому смыслу они валили все беды на решения, принятые в Москве. И одновременно нагнетали националистический угар, одурманивали массы, особенно молодежь.

Это очень наглядно проявилось во время студенческой демонстрации 7 января. Реакционные газеты писали, что в ней участвовало около 3 тыс. человек, демокра-

тические называли вдвое меньшую цифру. Вот как все это выглядело. Впереди демонстрации двигались джипы, по бокам — конные полицейские. Юнцы буквально неистовствовали. Многие производили впечатление психически больных. Руки их сжаты в кулаки, подняты кверху. Скандируют срывающимися голосами не то лозунги, не то стихи, разобрать невозможно.

Может показаться, что я слишком много пишу о демонстрациях и митингах. Но они стали неотъемлемой частью жизни Сеула. С них обычно начинался и ими же кончался почти каждый день. На первый взгляд одинаковые, какие они на самом деле непохожие, разные по содержанию, целям! Вот уж воистину: один и тот же дождь родит и урожай, и грязь на дорогах, несет расцвет, жизнь и разрушительные стихийные бедствия.

Много интересного было в те дни — встречи и беседы с очень разными людьми — студентами и рабочими, корейскими писателями и американскими журналистами. Но, каких бы вопросов ни касались в этих разговорах, всегда возвращались к тому, чем жили Сеул, вся Корея. В свободное от работы время я продолжала исправно ходить на демонстрации с кем-нибудь из товарищей, очень редко — одна. Все эти дни было холодно, зябко, шумно и беспокойно.

Повсюду листовки. Их раздавали прохожим, разносили по домам, забрасывали в подъезды, учреждения, оставляли на прилавках магазинов, наклеивали на стены. Тексты разноречивы, противоположны по содержанию, призывам. У стендов с газетами и воззваниями множество людей — читали, спорили. Оглушительно орали радиорупоры.

Были в кинотеатре. Там демонстрировался советский фильм «В 6 часов вечера после войны». Зрителями забиты проходы, стояли в фойе. Многие реагировали мгновенно, остро, хотя перевод был явно не на высоте. Переводчик все время сбивался и порой даже мешал. Реплики, советы, аплодисменты, смех слышались со всех сторон. Зрители оживленно беседовали не только друг с другом, но по ходу действия и с актерами: подсказывали, одобряли, протестовали, шумно радовались их удачам.

Почти каждый день кто-нибудь из главарей реакции, чаще всего Ли Сынман, выступал по радио, изощряясь

в клеветнических измышлениях по поводу Северной Кореи. Особенно старались запугать южнокорейских буржуа тем, что на Севере-де ликвидируется частная собственность, конфискуются предприятия, магазины.

12 января правые снова организовали демонстрацию. Заранее оповестили о ней, бросили на сбор демонстрантов десятки террористических групп, бойскаутов, наиболее воинствующую часть реакционного студенчества.

Любопытная деталь. В нескольких местах мелькали таблички «Уличный комитет». Значит, возрождены и приведены в действие и эти организации, созданные ранее японскими властями.

С большим трудом добрались до улицы Чонно.

Из окон верхнего этажа магазина «Хвасин», принадлежавшего одному из крупнейших капиталистов Кореи Пак Хынсику, летели листовки; магазин известен в городе как осиное гнездо реакции.

На улицах десятки ярких агитмашин, оклеенных разноцветными лозунгами, воинственными плакатами, карикатурами. Из них несутся истошные крики. Это агитаторы призывают население идти на стадион, где будет митинг.

Разбрасываемые с машин листовки полны злобной ругани в адрес коммунистов, народной власти Северной Кореи и клеветы на мероприятия Советского командования. Главный призыв — «Долой опеку!». Листовок летит с разных сторон столько, что кажется, будто огромными хлопьями идет снег. Ловить их стало излюбленным занятием ребятишек и своеобразным видом спорта некоторых взрослых.

Одновременно с многих зданий разбрасывают листовки коммунисты. Большими буквами сверху написано: «Читайте, здесь правда о Московском соглашении! Не верьте прояпонским элементам, национальным предателям!».

Борьба вышла на улицы. Нет, это не словесная, не бумажная — это лютая классовая борьба. Это борется революция против поднявшей голову, распоясавшейся реакции.

Магазины, рынки, мастерские открыты, но там пусто. Народ на улице. Мы примкнули к одной из колонн и с ужасом обнаружили, что оказались под плакатом, при-

зывавшим уничтожать сторонников Московского соглашения о Корее. Его нес долговязый юноша. С трудом добрались до стадиона. У входа конные полицейские. Рядом невысокий кореец, в шубе с воротником из выдры и такой же шапке, выкрикивал лозунги. Надтреснутый, срывающийся от усердия голос и весь его угодливый, сытый, самодовольный облик не вызывали доверия. Кое-кто посмеивался. Это, видимо, приводило агитатора в ярость. Он уже не кричал, а буквально лаял к немалому удовольствию проникшей сюда детворы.

При входе на стадион каждому учреждению, предприятию, учебному заведению выдавался план и указывалось место, где им надлежало стоять. Чувствовалась тщательная подготовка.

Мы устроились на возвышении, откуда все было хорошо видно. Первыми прошли на отведенное им место трамвайщики. Похоже, что это были главным образом служащие и хозяева компании. На нескольких полотнищах, которые они несли, по-русски, по-английски и по-корейски написано: «Долой опеку!». Глава колонны все время выкрикивал лозунги, требовал, чтобы их повторяли; пятясь, он словно дирижировал хором, правда не очень послушным и слаженным. Оказалось, что это был один из функционеров профсоюза трамвайщиков. Туда уже успели пробраться правые.

Рабочих с предприятий было мало. Хотя некоторые таблички гласили: «Текстильная фабрика», «Спичечная фабрика», «Ремонтный завод», стояли под ними явно не пролетарии. В большинстве это были служащие, руководящий состав и, конечно, владельцы предприятий.

Бросается в глаза преобладание молодежи. Студенты несут огромный транспарант. В три ряда — по-китайски, по-английски и по-русски — написаны призывы. Русский текст с множеством ошибок (например, «Да здравствует независимость Кореи! Мы категорически протестуем против решения совещания!» и т. п.).

Когда все встали на отведенные им места, присутствующим было приказано повернуть головы сначала на восток, а затем к центральной трибуне. Митинг начался.

Первым выступил заместитель председателя Комитета по ускорению независимости — весьма состоятельный сеульский адвокат Ким. За ним еще несколько ораторов. Все об одном. Речи заканчивались призывом: «Тоннип

мансе!» («Да здравствует независимость!»), и стадион дружно его подхватывал. Но единодушие только в этом. Когда ораторы, обрушиваясь на левых, выкрикивали призыв «уничтожать коммунистов», большинство присутствующих не поддерживало их. На митинге много коммунистов, актив демократических организаций. Однако им не только не дают возможности выступить с трибуны, но прерывают каждую попытку разговора в колоннах, грубо выталкивают из рядов.

Американские полицейские на все взирают спокойно, пожевывая резинку.

Как странно, что все это сборище, направленное против решений, под которыми подписались США, разжигаемая реакцией кампания против этих решений встречают такой доброжелательный нейтралитет оккупационных властей. Пресловутая американская демократия? Но почему она не проявляется во время демонстраций левых сил? Почему эти добродушные полицейские звереют, пускают в ход дубинки, когда многочисленные представители различных слоев населения выходят на улицы с лозунгами поддержки решений Московского совещания, с требованиями подлинной независимости?

Подошел долговязый студент с красной ленточкой на фуражке. Напомнил моему спутнику, что раньше встречался с ним в поезде. Сразу же заявил: «Мы, студенты, против опеки». На вопрос, что же он понимает под опекой, ничего внятного сказать не смог. На нас защи-кали. Студент на ухо сказал что-то другому, по-видимому что мы советские. Сразу же к нам подошли еще несколько молодых демонстрантов. Один из них показался знакомым. «Мы с вами встречались на репетиции „Ревизора“», — напомнил он (подошедший свободно говорил по-английски и немножко по-русски). Попросили его переводить выступления и некоторые лозунги. Он не только переводил, но и пояснял: «Вы не удивляйтесь всему этому. Ведь люди не сразу могут понять все, особенно если столько лет они были в самой настоящей темнице».

Товарищ Пак (так наш добровольный переводчик просил называть его), посоветовал идти в район парка «Пагода», куда направится демонстрация. Он-то и рассказал нам по дороге, что среди собравшихся многие не разделяют взглядов организаторов демонстрации; они

сейчас молчат, но вскоре скажут свое слово. «Не удивляйтесь, что Ким Гу, Ли Сынман еще популярны у многих корейцев. Ведь они выступали против японцев. О них много писали корейские газеты. А коммунисты были в тюрьмах, в подполье, о них народ почти ничего не знал. Враги же старались их оболгать». Пак сказал также, что сочувствует коммунистам, однако в партии не состоит.

От стадиона до парка «Пагода» расстояние порядочное, но мы его не заметили. Наш новый знакомый оказался интереснейшим собеседником. Он как бы извинялся за происходящее. Особенно за молодежь. «Ее нельзя обвинять. Она ведь хочет, чтобы у нее была родина свободная и счастливая, как у вас. Но молодежь не понимает, как это сделать. Со временем она поймет, где правда, поймет, что ей хотят помочь, что в Москве не принимают решений, направленных против независимости народов».

Как хотелось бы узнать о судьбе этого молодого корейского патриота. Если он остался в Южной Корее, наверное, ему нелегко пришлось, как и его единомышленникам.

На улице Чонно все было приготовлено для встречи демонстрации. Наконец она показалась. Впереди ползли два американских джипа, за ними с небольшим интервалом шли знаменосцы. Полотнище знамени несли распластанным, низко над землей, и что-то скорбное, удручающее было во всем этом шествии.

Демонстрация не остановилась у парка, а направилась к зданию Американской военной администрации. На углу улицы Анкоку произошел такой случай. Несколько демонстранток подбежали к двум стоявшим на тротуаре женщинам и, видимо, предложили им примкнуть к шествию. Те не пожелали. С какой же яростью набросились на них! Первым подбежал высокий кореец в национальном костюме и начал избиение. У кого-то из демонстрантов оказалась палка. Женщин били по голове, по лицу. Лишь спустя некоторое время появился полицейский и разогнал собравшихся. Хулиганов он не задержал, изувеченным женщинам не помог. Как обычно!

Это было на тротуаре, а по середине улицы продолжала двигаться процессия.

Примерно так же проходили и другие организованные реакционерами демонстрации против опеки. Характерно, что в них все более активно участвовали женщины, главным образом жены состоятельных корейцев и новых функционеров. Они проявляли неустойчивую энергию, заслуживающую лучшего применения. То и дело выбегали из колонн и силой втаскивали туда стоявших на тротуарах корейцев, отчитывали их за «пассивность». Вспыхивали своеобразные кухонные свалки. Похоже, что этим «активисткам» было поручено высказывать вслух, точнее, выкрикивать, самые разнузданные измышления антисоветского толка. Организаторы демонстраций сами это делать в открытую не решались.

В руководстве АВА в Южной Корее произошли изменения. Вместо генерала А. Арнольда, который почти четыре месяца был ее главой, назначили генерала А. Лерча. Некоторые газеты в весьма осторожной форме высказали предположение, будто причина замены кроется в «антидемократичности» позиций Арнольда. Очень скоро, однако, стало ясно, что дело не в этом. Скорее наоборот. Не потому ли был отозван генерал Арнольд, что он допустил образование народных комитетов и даже присутствовал на некоторых их совещаниях? Но ведь он немало сделал и для их ликвидации?.. Может быть, с точки зрения правящих кругов США, немало, однако недостаточно? Такие вопросы возникали неизбежно. Ответ на них дали сами оккупационные власти, которые двинули в бой отмобилизованное войско своих союзников. А оно из всех сил старалось оправдать доверие.

В январе 1946 г. на совещание представителей советского и американского командования приехала советская делегация. Для нас это был настоящий праздник. Большинство приехавших были старыми знакомыми. На чужбине соотечественники, даже не долго и не близко знакомые, все равно воспринимаются как друзья и родные.

Совещанию предстояло установить постоянную координацию административно-хозяйственной деятельности американского командования в Южной Корее и советского командования в Северной Корее.

16 января совещание начало работу.

Северная Корея, являвшаяся промышленным райо-

ном страны, нуждалась в сельскохозяйственном сырье и продовольствии, которые она могла получать из южных, сельскохозяйственных районов. Для Южной Кореи, ранее получавшей с Севера уголь, электроэнергию и химические удобрения, нормальные связи с Северной Кореей были тем более необходимы.

Советское командование, исходя из принципов интернационализма, учитывая интересы южнокорейского населения, изъявило согласие поставить Южной Корее необходимое количество электроэнергии, угля, химических удобрений, стали, меди, цинка, свинца, лесоматериалов и т. д. на сумму 90 млн. иен. Что же касается поставок Южной Кореи, то представители Советского командования, учитывая ее возможности, предложили, чтобы продукты сельского хозяйства, прежде всего рис, составили две трети всех южнокорейских поставок. Кроме того, предполагалось получение из Южной Кореи запасных частей и материалов для транспорта, угольной и электрической промышленности Северной Кореи.

Совершенно очевидно, что такой обмен отвечал бы интересам как Северной, так и Южной Кореи и благоприятствовал развитию национальной экономики. Но представители командования США отвергли этот проект, выдвинув вместо него предложения, грубо нарушавшие эквивалентный характер обмена. Они представили список товаров широкого потребления, запасных частей на общую сумму 10 млн. иен.

Из поставок продовольствия был исключен рис, хотя советская делегация заявила, что вопрос товарообмена будет решаться Советским командованием в зависимости от поставок продовольствия американским командованием для снабжения рабочего населения Северной Кореи, которое производит товары и должно быть накормлено.

Не вызывало сомнений, что, отказываясь поставлять продовольствие в Северную Корею, США надеялись осложнить ее продовольственное положение. Они добились также, чтобы на Юге сосредоточились главные управления всех отраслей народного хозяйства не только Южной, но и Северной Кореи. Иначе говоря, чтобы обе части страны фактически перешли под контроль американского командования.

Таким образом, США помешали установить эконо-

мические связи между двумя зонами, усугубляя расчленение единого хозяйственного организма Кореи.

Совещание приняло решение лишь по вопросу об обмене почтовой корреспонденцией. Еще во время его работы, 18 января, реакция спровоцировала в Сеуле беспорядки. Полиция совершила налет на Демократический союз студентов и обстреляла здание, где он был расположен. Трое студентов убито, несколько ранено и около ста арестовано. Налеты были совершены и на другие демократические объединения. Опять улицы заполнили хулиганствующие молодчики. Из домов и магазинов они выволакивали людей для участия в очередной демонстрации. Ее организаторы — Ли Сынман, Ким Сонсу — неистовствовали. Им вторила правая печать. Чего только не выдумывали, чтобы скомпрометировать предложения советской делегации на совещании и вообще позицию СССР, всей демократической общественности по вопросу о Корее.

Даже генерал Ходж был вынужден заявить по радио, что некоторые политические деятели вводят в заблуждение корейцев, «дабы добиться личной власти и преимуществ».

Видимо, присутствие советской делегации на совещании вынудило генерала пойти на такое признание.

25 января 1946 г. было опубликовано сообщение ТАСС по вопросу о Корее. В нем говорилось, что ряд южнокорейских газет распространяют неправильные сообщения, искажают позицию Советского правительства.

На следующий день, 26 января, глава советской делегации Т. Ф. Штыков сделал в связи с этим заявление корреспондентам корейских газет. Он обстоятельно изложил истинное положение дел, вскрыл подоплеку провокационной возни реакционеров. Реакционная печать растерялась, но демократическая была окрылена. Все левые газеты опубликовали полный текст сообщения ТАСС, набрав крупным шрифтом его заключительные строки — о том, что сообщения правых корейских газет искажают фактическое положение дела и извращают действительную позицию Советского правительства и что корейские газеты стали жертвой неправильной и недобросовестной информации. Излагалась сущность Московского соглашения, позиция Советского правительства. «Кому выгодно натравливать корейцев на их осво-

бодителя — Советское государство? Задумайтесь, товарищи, над этим. Не позволяйте себя обманывать, раскройте глаза», — писала «Хэбан ильбо». О том же говорилось на страницах других левых газет.

28 января состоялась внушительная демонстрация в поддержку Московского соглашения. В ней участвовало более 200 тыс. человек.

Попытки реакции скомпрометировать Московское соглашение в глазах корейского народа явно терпели крах, и она усиленно лавировала, изыскивая способы упрочить свои позиции. Последовала серия акций с целью создать видимость демократизации общественной жизни, приобщения масс к самоуправлению. Началась работа «подготовительного совещания» по созыву так называемого Учредительного собрания. Временное «правительство» надеется использовать его для того, чтобы наконец прорваться к долгожданной власти. 21 января 1946 г. газета «Сеул синмун» сообщила, что эмигрантское «правительство» созвало чрезвычайное политическое собрание, которое должно легально утвердить правительство Ким Гу в качестве законного правительства Кореи. «Государственный совет» эмигрантского «правительства» внес на рассмотрение собрания следующие предложения: Чрезвычайное политическое собрание является временным законодательным органом Кореи и выполняет функции временного парламента. Депутатами парламента являются члены настоящего собрания. Собрание будет существовать до создания настоящего парламента.

Компартия, другие демократические партии и организации опубликовали в печати заявления об отказе участвовать в этом «предпарламенте» реакции. (Характерно, что три члена временного «правительства» и несколько других участников «подготовительного совещания» покинули его, объяснив корреспондентам, что «невозможно создать единый фронт только из правых элементов».)

«Подготовительное совещание» решило 1 февраля созвать «Учредительное собрание» для создания корейского правительства и подготовило его состав: президент — Ли Сынман, вице-президент — Ким Гу, премьер-министр — Ким Сонсу. Сообщалось об открытии 1 февраля «Учредительного собрания», объявившего себя

«парламентом временного правительства». Основу его составило руководство Демократической и Национальной партий.

В качестве постоянного органа «Учредительное собрание» создало так называемую демократическую палату народных представителей великой Кореи. Название-то какое! Она же выступает в роли института советников при американском командовании. А возглавил «демократическую палату» Ли Сынман, который открыто заявил, что она «мыслится как правительство». «Мы стремимся добиться согласия Американской военной администрации на превращение в будущем демократического собрания (палаты) в правительство Южной Кореи», — заявил Ли Сынман на открытии «Учредительного собрания». Об этом он и его сообщники неоднократно говорили в выступлениях по радио и в печати.

«Временная программа действий», которую приняла и широко разъясняла «демократическая палата», декларировала политические свободы и всяческие блага для народа. Но ей не верили. И это было очень заметно. Однако если большинство населения не поддержало очередного маневра реакции, рассчитанного на срыв Московских решений, то его явно поддерживали оккупационные власти. Об этом тоже весьма откровенно говорил Ли Сынман. На первом заседании «демократической палаты» 15 февраля, где присутствовали Ходж и другие руководители оккупационных властей, он заявил: «Пользуясь присутствием здесь генерала Ходжа, я хочу сказать, что, бесспорно, весь корейский народ не желает введения в Корею опеки, но также не желают опеки в Корею все солдаты и офицеры американской армии, включая генерала Ходжа». Последний дал немало поводов для такого утверждения.

Правда, в дальнейшем руководители АВА, в частности генерал Ходж, заговорят об опеке по-иному. «Из моих наблюдений и бесед с корейцами по этому вопросу, — заявил он в ноябре 1946 г., — я убедился, что те из них, кто возражает против слова „опека“ в Московском решении, имеют весьма ошибочное понятие о его значении. Они сделали поспешный вывод, что это будет нечто подобное протекторату над Кореей, который установили японцы. Такое понимание является абсолютно неверным» («Сеул таймс», 8 февраля 1948 г.). Харак-

терно, что это заявление было сделано в разгар народного движения, которое оккупационные власти и южнокорейская реакция подавляли и силой оружия, и методами заигрывания с разными социальными слоями, всемерно пытаясь уменьшить накал борьбы. Это произойдет позже. Пока же американские оккупационные власти не только не пресекали разнузданную провокационную кампанию против Московских решений, но явно поддерживали ее.

Выступление Ли Сынмана опубликовала «Тэтон син-мун». Ей ответили левые газеты. «Очередная провокация Ли Сынмана. Кто дал ему право говорить от имени корейского народа, интересы которого он предает уже несколько десятилетий?» — писала «Хэбан ильбо».

«Демократическая палата» оказалась детищем мертворожденным. Намерения правых перехватить инициативу и создать реакционное правительство Кореи не давали желаемых результатов. Обнаженность маневра оборачивалась против его же инициаторов. В немалой мере это было связано и с деятельностью левых сил, которые разоблачали этот маневр, вели неустанную разъяснительную работу в массах, боролись за создание единого, демократического национального фронта. Появились сообщения о выходе ряда организаций из «палаты». В частности, газета «Ханмин синбо» поместила заявление ЦК Народной партии. В нем говорилось:

«Народная партия получила от американского командования приглашение послать своих представителей в совещательный орган — демократическую ассамблею (палату). Наша партия вошла в ассамблею, поставив условие, что эта организация не будет органом подведомственным генералу Лерчу, или органом подобным временному правительству. Ввиду того что сущность настоящей ассамблеи теперь выяснилась и она противоречит поставленным нами перед вхождением в нее условиям, Народная партия решила отозвать из ассамблеи своих представителей».

20 февраля 1946 г. АВА издала приказ о создании Коллегии экономических советников из числа корейцев. В ее функции входило: содействовать стабилизации стоимости жизни и распределению товаров, давать советы по разным экономическим вопросам. Советников назначал глава Американской военной администрации,

которой они и подчинялись. В дальнейшем права Коллегии свелись на нет. В мае 1946 г. при военной администрации была создана так называемая Центральная экономическая комиссия. Коллегия советников могла лишь по требованию этой комиссии и АВА излагать свое мнение по той или иной экономической проблеме.

Демонстрации демократических сил продолжались.

Во время этих февральских демонстраций было много призывов к единству действий разных слоев населения в борьбе за независимость. В них участвовало все больше и больше крестьян. Приходили из окрестных деревень. Молодежи, пожалуй, было меньше, чем в шестивиях, организованных правыми. Но это «прикидка на глазок». Ведь газеты сообщали скупое: участвовали 200, 100, 50 тыс. человек. А кто именно, какие слои составили эту внушительную массу, не учитывалось. Да и как учесть? Стихийное начало еще было сильно во всем южнокорейском движении, хотя и слева и справа предпринималось немало усилий, чтобы внести организованность в борьбу. В февральских демонстрациях обращало на себя внимание множество призывов к созданию единого национального фронта, сплочению сил нации для создания на основе Московских решений независимого, демократического корейского государства.

Вместе с тем заметны усилившаяся напряженность, настороженность участников демонстраций. Словно ждали все время, где, в связи с чем, в какой форме будет учинена очередная провокация.

Реакция прибегала к ним все чаще. Чтобы помешать созданию единого фронта, сплочению демократических сил, спровоцировать «незаконные действия» и немедленно применить репрессии.

Одним из распространенных приемов правых была дискредитация лидеров демократического движения, возможных кандидатов во временное правительство. Так, например (это произошло несколько позже), газетка «Тэтон синмун» напечатала «интервью и статью» Ё Унхёна, якобы опубликованные в годы войны, где он призывал корейских студентов идти служить в японскую армию. «Тэтон синмун» сопровождала эту фальшивку соответствующими комментариями. Ее поддержали другие реакционные газеты, радио.

Поднялся злобный вой. Сразу же последовало опро-

вержение. Демократические газеты разъяснили, как было дело. В 1944 г. к Ё Унхёну действительно приходили корреспонденты газеты «Кэйдзё ниппо», но он их даже не принял, так как был болен. Тем не менее в газете появилась фальшивка — «интервью» с Ё Унхёном и статья, в которой он якобы ратовал за участие корейских студентов в войне. Подобные случаи в то время были довольно частыми и проходили безнаказанными для клеветников. Когда Ё Унхён обратился в редакцию «Кэйдзё ниппо» с заявлением, что никакого интервью не было и статьи он не писал, его обвинили в подрывной, «антипатриотической» деятельности. В Сеуле об этом случае хорошо знали и ближайшие соратники, и противники Ё Унхёна, знали о нем и организаторы новой провокации. Но многим южнокорейским читателям ничего не было известно и кое-кто поверил. А сам Ё Унхён, как говорили, растерялся. Он принадлежал, по рассказам, к числу людей мягкотелых, беспомощных перед подлостью, особенно если это касалось его лично.

В городе стало известно, что 7 февраля в советской печати опубликовано объединенное коммюнике советского и американского командований в Корее о создании Совместной советско-американской комиссии для содействия образованию временного корейского правительства.

Вскоре комиссию ожидали в Сеуле. Город ждал ее прибытия с нетерпением. Впрочем, это не вполне точно. Ждал патриотический прогрессивный Сеул, а реакция продолжала злобствовать, протестовать, надеялась сорвать работу комиссии.

Снова о разном

Получили приглашение на первый съезд писателей. Не берусь судить о том, насколько этот съезд был своевременным и хорошо подготовленным. Станным казалось, что он именовался «корейским», хотя на нем были представлены только литераторы Южной Кореи. Но сейчас речь не об этом. Подпись на пригласительных билетах гласила: «Секретариат Центрального исполнительного комитета Союза корейских литераторов». Съезд открылся утром 8 февраля в здании клуба Христиан-

ского союза молодежи. С трудом пробрались к входу. Дом был окружен плотным кольцом людей.

Несколько необычной показалась проверка билетов. Тщательно устанавливалась личность каждого входящего, его обыскивали. Впрочем, этому перестали удивляться, когда у некоторых «гостей» было обнаружено оружие. Правые тоже готовились к съезду и приложили немало усилий, чтобы его сорвать. (Стенографический отчет съезда позволил мне проверить свои воспоминания.)

Зал был украшен множеством лозунгов, призывавших к развитию демократической корейской литературы, к установлению ее тесных связей с мировой прогрессивной культурой.

Все вокруг было необычайно торжественно и празднично, хотя лица многих делегатов и гостей измождены, одежда сильно поношена, обувь стоптана. Часть присутствующих — в национальных костюмах.

Председательствующий зачитал приветственную речь председателя Центрального исполнительного комитета Союза литераторов известного корейского писателя (впоследствии видного государственного и общественно-го деятеля КНДР) Хон Мёнхи, который не смог присутствовать на съезде. Аплодисментами были встречены его слова о необходимости крепить связи с прогрессивной, демократической культурой передовых стран.

Но вот зал взорвался бурей аплодисментов. Председатель сообщил, что получено приветствие от Союза советских писателей.

«Слава Советскому Союзу!», «Да здравствует советская литература!», «Всегда будем вместе с советскими друзьями!» — раздавалось из разных рядов. Потом сразу воцарилась тишина, какая-то неожиданная, абсолютная, радостная. «Съезду корейских литераторов, — медленно, внятно, торжественно читал пожилой кореец. — Союз советских писателей шлет свои искренние поздравления корейским литераторам и надеется, что между корейскими и советскими литераторами будут установлены творческие и прочные дружеские отношения. От имени Союза советских писателей Николай Тихонов». Снова шквал аплодисментов, здравицы, слова благодарности советскому народу, Советской Армии. На съезде присутствовала группа американских журналистов. Не-

которые тоже аплодировали, другие недружелюбно молчали.

Председательствующий долго не мог восстановить тишину. Да он, собственно, и не пытался это сделать. Что-то порывался сказать, а потом вместе со всеми снова аплодировал.

Известный корейский историк Пэк Намун (ныне действительный член Академии наук и видный государственный деятель КНДР) огласил послание Ассоциации научных работников. Съезд приветствовали также Подготовительный комитет Демократического национального фронта ЦК Компартии Южной Кореи, Народный комитет Сеула, Союз театральных работников и другие южнокорейские демократические организации. Сейчас рассказ об этом кажется сухим репортерским отчетом. Но в те дни каждое выступление волновало до глубины души. Не преувеличиваю.

Демократическая направленность съезда не вызывала сомнений, хотя состав его участников был весьма пестрым.

После бурной овации был оглашен текст ответного приветствия Союзу советских писателей. Оно прозвучало как клятва в верной дружбе. Тепло и единодушно были приняты послания писателям США, Великобритании, Китая.

Начались доклады. Они были посвящены многим вопросам: задачам корейской национальной литературы, литературной критике, корейской прозе и поэзии, драматургии, детской литературе, принципам преемственности и отношению к литературному наследию, тенденциям развития мировой литературы. Были и общие доклады, например «Демократия и гуманизм», «Новый творческий метод» (речь шла о социалистическом реализме). Специальный доклад и выступления касались проблем возрождения национального языка и развития просвещения, воспитания нового человека. В одном из докладов (по сути, это было политическое выступление), «Угроза фашизации и задачи литераторов», в осторожной форме шла речь об опасности, нависающей над Южной Кореей. Да и другие высказывания были проникнуты беспокойством и тревогой по поводу активизации реакции и ее усиливающегося наступления на демократические силы Юга.

Не решившись воспрепятствовать проведению съезда, оккупационные власти попытались лишить его политической направленности, переключить в русло общих разговоров на литературные темы. Они предложили ограничить число участников, изменить состав докладчиков и темы докладов. Однако инициативу удерживали коммунисты и довольно большое крыло сочувствующих им прогрессивных буржуазных писателей. Ссориться с литераторами власти не хотели. Но правые все-таки предприняли попытки сорвать съезд. Характерно, что Хангук минджудан, временное «правительство» Ким Гу, некоторые другие правые организации даже не ответили на приглашение оргкомитета присутствовать на съезде и приветствия ему не прислали. Вместо этого они направили на съезд специалистов по провокациям. В кулуарах произошло несколько столкновений и даже потасовок, вину за которые реакционеры ввалили на коммунистов. Но все обошлось сравнительно благополучно. Организаторы съезда были очень осторожны, чтобы не дать повода для провокаций.

Незабываемо интересными оказались беседы во время перерывов. Мы перезнакомились со многими писателями. Один из них вызвался переводить и делал это с блеском и явным удовольствием. Наши новые знакомые интересовались всем, что происходит в советской литературе. С большой теплотой и уважением отзывались о писателях-фронтовиках. Большинство читали их в английском переводе. «Их произведения для нас — источник мужества. Мы их читали, несмотря на все запреты. И ленинградскую блокаду, и сталинградскую эпопею мы пережили с вами».

Переводчик говорил четко, тщательно отработывая каждую фразу, и многие из них звучали как афоризмы — мудро и точно, красиво и задушевно. Даже некоторая приподнятость разговора казалась естественной. К сожалению, далеко не во всех вопросах, которые мне задавали, я была сведуща. Особенно в организационных. Постаралась восполнить этот пробел. Рассказала, что много раз слышала и видела Владимира Маяковского, Всеволода Вишневского, Всеволода Иванова, что бывала на диспутах с участием А. В. Луначарского, и, кажется, была прощена за свою неосведомленность в организационных вопросах.

Много интересного рассказали писателям другие сотрудники нашего консульства, приглашенные на съезд. Вопросы задавали самые различные, не только о корейских событиях. Это было естественно.

И общая атмосфера съезда, и беседы во время перерывов оставили впечатление сильное и противоречивое. В целом съезд, конечно, был крупной победой демократических сил. Однако не столько осознавалась, сколько чувствовалась какая-то двойственность во всем, что происходило на съезде. Нетрудно было заметить, что некоторые настороженно, даже злобно слушали яркие, обжигавшие сердце воспоминания писателей-революционеров о том, что пришлось пережить корейской литературе в колониальные годы, их видение будущей Кореи, независимой, демократической, их рассказы о возрождении культуры в северной части страны. Кое-кто был заметно растерян. Независимость родины — ее хотели все. Но в условиях какого социального строя, на каком пути возможна она, подлинная и полная независимость, — это понимали далеко не все.

Дифференциация национальных писательских сил только начиналась. Пройдут годы — и в разных лагерях окажутся участники первого сеульского съезда писателей. Многие, перебравшись в Северную Корею, станут активными строителями новой, социалистической культуры. Часть оставшихся на Юге, несмотря на репрессии властей, будет продолжать освободительную борьбу; кое-кто, изменив идеалам независимости и демократии, превратится в послушных слуг реакционного режима. А некоторые, не имея средств к существованию, переключатся на занятия, очень далекие от литературы.

Одну из писательниц, с которой мы познакомились на съезде, мой муж встретил на окраине Сеула в 1947 г., во время работы Совместной советско-американской комиссии. Она продавала... блины, выпекая их тут же на маленькой жаровне. Рассказала, что писателей, сочувствующих коммунистам, власти взяли под особый надзор: «Не только писать и печататься, дышать не дают. Как мы завидуем нашим братьям в Северной Корее. Какая у них счастливая судьба!». Она и плакала и радовалась, что может высказаться, и все время озиралась по сторонам, боясь, как бы не заметили, что она разговаривает с советским человеком.

Оживленно откликнулась печать на такой факт: Ли Сынман обратился к генералу Ходжу с просьбой, чтобы он помог «освободить из заключения корейца, являвшегося в прошлом видным военным деятелем в японской армии». Такие кадры сейчас остро нужны Ли Сынману.

Сливаясь с событиями политическими, текла жизнь повседневная, со своими бурями, заботами, невзгодами и радостями, овеянная традициями веков.

Февраль в этом отношении был очень симптоматичным. Корейцы праздновали Новый год по лунному календарю. Как и у многих других народов Востока, возраст человека исчислялся там с Нового года. И это делало праздник особенно торжественным и значительным.

И раньше было интересно наблюдать подготовку к Новому году. Нынче (в 1946 г.) она не так бросалась в глаза из-за других событий, которыми жил город. Но вот начались новогодние праздники (длившиеся обычно 15 дней — до середины первого лунного месяца). На улицах стало еще оживленнее. Семьями горожане отправлялись в гости к родным, друзьям, соседям. И характерно, что иногда демонстрациями поглощались эти семейные шествия. Звучала музыка, исполнялись национальные танцы. В разных местах можно было видеть молодых корейнок, качающихся на досках (нольттвиги).

Особенно людным, оживленным и живописным город был 15 февраля. Отмечалось полнолуние. На горах, опоясывающих город, были разведены костры (чтобы огонь уничтожил болезни и другие беды). Вечером с факелами туда двигались большие группы людей. Создавалось впечатление широко раскинувшегося пожара. Музыка, песни не смолкали. Считается, что в этот день нужно ходить по мостам, чтобы набраться храбрости, грызть орехи, чтобы иметь здоровые зубы, веселиться, чтобы весь год был веселым, много есть, чтобы весь год был обильным.

Знаменательно, что и новогодние шествия по сопкам и мостам сопровождались политическими столкновениями и даже, как рассказывали, потасовками.

Бурные события политической жизни поглотили все внимание. Только урывками я продолжала знакомство с историей, бытом и нравами этой своеобразной страны.

В этом отношении мне не очень повезло. До освобождения, в военные годы, заметный отпечаток на традиции народа наложила война. Да и вся обстановка тех лет мало способствовала их изучению. А затем всепоглощающий шквал событий тоже многое изменил в народной жизни.

И все же столько кругом прекрасных произведений искусства, столько уникальных памятников старины, что не попытаться побольше узнать о них просто нельзя. К тому же все время гложет мысль, что если сейчас, находясь в стране, я не посмотрю и не пойму всего этого, то после буду, что называется, «локти кусать». Не использовать такую возможность — преступление.

Вопросы о нравах, обычаях, о достопримечательностях, которые я часто задавала и своему учителю языка, и другим осведомленным корейцам, порой, скажем прямо, звучали назойливо, неуместно. Я чувствовала это — и продолжала спрашивать.

Я уже писала, что в Сеуле, как и вообще в дореволюционной Корее, поражали контрасты, в первую очередь социальные.

Один из них — массовая неграмотность и отсталость, наследие феодального и колониального прошлого, — и богатая, древняя корейская культура, великолепные памятники старины, шедевры искусства, созданные народом.

О традициях своей культуры корейцы могли рассказывать часами, подробно, обстоятельно. Не раз на митингах ораторы — учителя, студенты, писатели — напоминали, что уже в 682 г. в Корее открылось первое высшее учебное заведение, что в 1443 г. был создан национальный буквенный алфавит, что примерно тогда же корейцы уже пользовались дождемером, составили медицинскую энциклопедию. Напоминалось о многих других достижениях национальной культуры.

Богат достопримечательностями Сеул. Он стал столицей почти 600 лет назад — в конце XIV в. Дворцы, храмы, пагоды (буддийские башни), молчаливые свидетели многих бурных событий, красивы и таинственны. В городе сохранились воздвигнутые в середине XV в. двухъярусные Южные ворота (Намдэмуи), Восточные ворота (Тонэмуи), Ворота независимости (Тонниммуи), Церемониальные ворота (Суннемун), Ворота процвета-

ния и гуманности (Хыннимун). Они невольно обращают мысли к истории народа, яркой, славной, многосложной.

Величавы сеульские дворцы. На горе Пэгаксан высится королевский дворец Кёнбоккун, построенный в конце XIV в. Два столетия спустя, во время японо-корейской войны 1592—1598 гг., дворец был разрушен, а в конце XIX в. реставрирован. О том, как восстанавливалось, точнее, заново строилось, это сооружение, рассказывают следующее.

Население близлежащих районов власти обязали работать на строительстве дворцовых зданий. У жителей отбирались лес и другие материалы. Были удвоены налоги и подати. Когда, наконец, каторжным трудом населения необходимые материалы были заготовлены, однажды ночью кто-то поджег их и они сгорели. Снова, с еще большей жестокостью, корейские власти собирали у народа средства на новое строительство, и снова трудились мобилизованные на строительные работы люди, оторванные от своих хозяйств. «Главный строительный материал, использованный для создания этого дворца,— пот и кровь народа»,— говорят корейцы. Так же создавались и другие сооружения, воплотившие талант и труд народа, его удивительное мастерство.

Памятников искусства много не только в Сеуле. Слово драгоценности, они украшают живописную землю Кореи, ее гористые окраины, ее словно нарисованные, многоцветные пейзажи. О многообразии искусства говорят памятники архитектуры, живописи, редчайшей тонкости резьба по дереву, инкрустация. Корейский народ, создав богатую самобытную культуру, не имел возможности пользоваться ее плодами. В этой связи небезынтересен такой факт. В 1443 г. корейскими учеными было создано национальное фонетическое письмо — алфавит. То было крупное событие в истории страны, тем более что это письмо очень простое, доступное для широких слоев народа. (Использование китайской иероглифической письменности, которая проникла в Корею в начале нашей эры, было уделом лишь немногих — представителей имущих классов.)

Рассказывают, что через несколько десятилетий после создания нового письма кое-где появились написанные национальным алфавитом призывы: «Долой вана, да

здравствует свобода!». Тогда правители Кореи стали препятствовать распространению новой письменности. Одно время алфавитное письмо было разрешено только в переписке между женщинами (они, надо полагать, не считались способными освоить иероглифическую письменность). С большими трудностями пробивало оно дорогу к широким слоям населения. Точнее, народ — к своему национальному письму. Главной преградой на этом пути была боязнь правящих сил феодальной Кореи, что народ приобщится к культуре³. Одной из крупнейших задач культурно-просветительного движения в Корее была борьба против китайской письменности за национальный корейский алфавит.

С первых месяцев пребывания в Корее я полюбила корейские национальные блюда, как правило острые, с многочисленными приправами. Подробнее узнать о национальной пище оказалось довольно сложно. Ведь главное, с чего такой разговор мог начинаться, — это рис. Но для большинства населения рис был редким лакомством. Его заменили просо, чумиза.

Основное, непременно блюдо корейской кухни — кимчхи. Кто однажды попробовал кимчхи, будет искать возможность отведать его еще и еще. Сначала во рту возникает ощущение пожара, однако оно быстро проходит и забывается. На вопрос, что такое кимчхи, иногда отвечают — квашеная салатная капуста. Но это не полно. Кимчхи состоит (во всяком случае, должно состоять) из множества компонентов, и капуста — только главный из них. Кроме нее в кимчхи кладутся редька, чеснок, петрушка, морская капуста, перец, кедровые орехи, каштаны, груши, имбирь, разные сорта рыбьей икры и др. Все это готовится в ноябре, складывается в горшки и закапывается в землю. Примерно к январю кимчхи бывает готово. Бедняки многих приправ не употребляют, добавляя к капусте и редьке только чеснок и перец. И все равно — вкусно.

Вообще в Корее употребляют овощей очень много.

³ В Корейской Народно-Демократической Республике с 1949 г. газеты, журналы, книги, в том числе научные и специальные, печатаются без иероглифов, корейским национальным алфавитом. Иероглифы приводятся изредка — лишь для пояснения отдельных слов. В Южной Корее используется смешанная графика — корейская азбука и иероглифы.

Приготовление национальной пищи

Из свежих овощей готовят и горячие, тоже острые блюда, например чхэ (овощной гарнир).

Одно из распространенных национальных кушаний — куксу (лапша из пресного теста). Трубочки лапши бывают очень длинными, и их используют в самых неожиданных целях. Так, во время встреч близких товарищей сидящие друг против друга едят такую трубочку лапши с двух концов. Это символизирует близость и дружбу. (В 1958 г. во время пребывания в Пхеньяне мы с мужем участвовали в одной из таких встреч.)

Из сырой рыбы или мяса готовят хве, тоже вкусное блюдо. Рыбных блюд употребляли много, мясо же в Южной Корее было доступно только состоятельным. В некоторых магазинах продавали собачье мясо. Считалось, что бульон из собачины полезен при туберкулезе и горловых заболеваниях, а в жаркое время такой суп предотвращает желудочные болезни.

Есть блюда и особые, составляющие гордость национальной кухни, например синсолло (в переводе это

означает «пища богов»), очень сложное по своей технологии.

Корейцы едят деревянными или костяными палочками. Ложки с длинными ручками металлические или фарфоровые.

Все это — небольшое отступление от основной темы.

17 февраля в газетах появилось опровержение относительно Ё Унхёна: «Он не призывал корейских студентов помогать победе Японии в войне». Для любого здравомыслящего человека это и так было ясно.

Но как понять другое? Генерал Лерч щедро награждал полицейских за то, что они «доблестно проявили себя» во время ликвидации беспорядков и разгрома студенческих организаций. Основной состав этих организаций — именно те студенты, которые отказались в годы тихоокеанской войны служить в японской армии.

Еще один парадокс истории? Ведь эти молодые патриоты не захотели воевать на стороне Японии против США. Ныне же американская полиция, расправляясь с ними за участие в демократическом движении, припоминает им как крамолу и этот отказ.

Проходила на днях мимо резиденции Ли Сынмана. Вокруг снует множество шпиков. Подозрительно всматриваются в лица прохожих злыми, острыми глазками. Мешкающих торопят, подталкивают. Наглые, озверелые. Так и хочется спросить словами поэта: «Ты скажи мне, гадина, сколько тебе дадено?».

В печати промелькнуло сообщение, что в Южную Корею для работы в аппарате военной администрации прибыло 1700 американских чиновников. Симптоматично, что оккупационные власти призывают шире использовать на службе в разных учреждениях корейцев-христиан.

Реакция пыталась подчинить своим интересам и религиозные организации.

Как известно, в Корее, хотя религия там и не имела большого влияния, были распространены многочисленные религиозные учения и верования.

Наиболее заметный след оставило конфуцианство и его проповедь уважения к установленным Небом порядкам на земле, его догмы, касающиеся строжайшей иерархии — общественной, семейной. Это ощущалось в повседневной южнокорейской жизни, широко использо-

валось правыми силами, особенно для утверждения недопустимости выступлений против власть имущих.

Активны были и христианские миссионеры — католики и протестанты. Их деятельность имела откровенно политический характер. Протестантские миссионеры были представлены главным образом посланцами Америки. Многие годы они рыхлили почву для установления в Корее господства США, прокладывали пути к сердцам корейцев и намеревались собрать плоды. Считали, что для этого настало время. Большинство из них, имея политический заказ своих хозяев, не очень-то и заботились о чистоте проповедуемой ими религии. Не случайно выученик протестантских миссионеров Ли Сынман заявлял, что превратит Корею в горнило, где сплавятся воедино учения Конфуция и Христа.

Миссионеры в Корее не однородная масса. У некоторых условия жизни довольно трудные, содержание небольшое. Американцы, как правило, богаты.

Миссионеры издавна как бы разделили сферы влияния: американцы обосновались главным образом в северных районах страны и в Сеуле, французы — на юге, англичане — в центральной части, немцы — на севере.

В колониальные годы право официально именоваться религией японские власти предоставили только синтоизму, который был объявлен государственной религией, буддизму и христианству. Буддизм и его идеи непротивленчества, отрешения от жизненной суеты тоже были взяты на вооружение южнокорейской реакцией в ее борьбе против революционного движения.

Что же касается национальных религиозных сект, то внутри их после освобождения страны еще более усилилась дифференциация.

Секта Чхондогё (Учение небесного пути) с ее очень эклектичными принципами, проповедующими создание «царства божьего» на земле, идеями равенства, ненасильственными методами борьбы со злом имела многочисленных последователей, особенно в среде интеллигенции и крестьянства. После освобождения прогрессивная часть Чхондогё поддержала Демократический национальный фронт, стала его активной участницей. Помещичье-буржуазная верхушка секты влилась в ряды правых, в борьбу против сил революции.

Обращало на себя внимание, что против японской

официальной религии синтоизма, проповедующей культ императора, поклонение богине Аматерасу, ополчились все; даже бывшие союзники японских колонизаторов были вынуждены делать вид, что протестуют против синтоизма и ранее его не признавали. В городе снова появилось много шаманов (одно время они исчезли, особенно из центра, районов массовых демонстраций).

Шаманизм с его поклонением природе, почитанием духов распространен в Корее с древнейших времен. Его не сумели вытеснить ни буддизм, ни конфуцианство, ни другие религии. Люди, исповедовавшие их, тоже нередко совершали шаманские обряды. Полагая, что все земные дела происходят по воле Неба, они усиленно пытались умиловить при стихийных бедствиях, болезнях небесного владыку (ранее совершались благодарственные приношения домашним духам, которые якобы населяют землю, воздух, воды, обитают в домах). «Посредником» при «общении» с духами считался шаман (паксу). Он читал молитвы, заклинания. Часто шаманы сидели на перекрестках сеульских улиц, предлагая прохожим свои услуги в качестве лекарей. Это были, как мне объяснили, шаманы не в полном смысле слова, а их своеобразная разновидность.

Однажды во время массовых народных выступлений 1945 г. мы спросили одного из знакомых, почему не видно в городе шаманов. Он ответил: «Тоже участвуют в демонстрациях».

В печати появилось сообщение, что несколько эмигрантских организаций — Корейская национальная революционная партия Северной Америки, Корейская федерация тред-юнионов США, Комитет помощи народной партии и информационное агентство «Кориен индепенденс» — направили Трумэну письмо, в котором требуют, чтобы Ли Сынман и Ким Гу не были допущены на руководящие посты во временное правительство Кореи.

Создание Демократического национального фронта Южной Кореи

Конец февраля ознаменован крупными политическими событиями общекорейского значения.

Коммунистическая партия Северной Кореи разработала программу экономических и социальных преобра-

зований, называющуюся «20 пунктов» или «20 принципов». Демократические газеты Юга разъясняли населению сущность этой программы: речь идет о первоочередных задачах корейской революции, о путях ликвидации колониализма и его последствий, о возрождении государственности на демократических началах, о коренных преобразованиях во всех сферах общественной жизни. Все эти официально именуемые «пункты» программы выношены в умах и сердцах народа. На Севере они уже претворяются в жизнь, но для Юга это пока только надежда, задача будущего, возможно и не близкого.

Разработка коммунистами Северной Кореи четкой программы действий, развернутой политической платформы серьезно облегчила борьбу южнокорейских патриотов. Под руководством коммунистов они принимают меры к объединению национальных демократических сил, к организационному оформлению единого демократического национального фронта Южной Кореи. Коммунисты Юга обратились ко всем демократическим организациям, группам, общественным деятелям со следующим воззванием: «Принимайте участие в предстоящем совещании представителей демократических организаций, созываемом для объединения всех сил демократии. Создание демократического народного фронта является насущной задачей текущего момента и отвечает интересам демократизации страны, установления всеобщего спокойствия. Объединение всех демократических сил — средство для завоевания независимости Кореи». Далее подчеркивалось, что патриотам нельзя стоять в стороне от событий, занимать нейтральную позицию. Это замедлит «историческое дело объединения».

Съезд, основавший в феврале 1946 г. Демократический национальный фронт Южной Кореи (ДНФ), был весьма представительен: 458 делегатов от 42 левых партий и общественных организаций.

В ДНФ вошли Коммунистическая, Народная, Новая народная, Национально-революционная партии, Партия молодых друзей Чхондогё — Чхонудан и массовые организации: Конфедерация труда, Крестьянский союз, Женский союз, Союз кооперации, Союз демократической молодежи, Союз корейцев, проживающих в Японии, Общество помощи борцам против японского империализма,

Лига корейских культурных организаций (последняя объединила в свою очередь Союз писателей, Союз ученых, Академию наук, Общество по изучению проблем промышленности, Общество корейских педагогов, Союз юристов, Общество журналистов, Союз деятелей науки и техники, Союз инженеров, Союз врачей, Союз фармацевтов). В ДНФ вошли также народные комитеты Южной Кореи, Общество корейско-советской культуры, Союз безработных, другие демократические организации.

Некоторые из них именовались общекорейскими. На самом же деле их деятельность ограничивалась рамками Южной Кореи.

Газеты писали, что ДНФ объединил около 7 млн. человек.

Создание Демократического национального фронта Южной Кореи — крупная победа южнокорейской демократии. Своим главным программным требованием он провозгласил образование независимого, демократического корейского государства.

Реакция в бешенстве. Она изыскивает новые способы наступления на демократические силы, действуя при этом в тесном контакте с оккупационными властями.

23 февраля 1946 г. военная администрация опубликовала ставший печально знаменитым приказ № 55, официально устанавливавший военно-полицейский надзор над демократическими организациями Южной Кореи.

В нем говорилось, что любая группа из трех и более человек, образующая какую-либо организацию или ассоциацию и занимающаяся в любой форме политической деятельностью, должна быть зарегистрирована в качестве политической партии. В приказе требовались регистрация таких групп и представление о них точных сведений: члены (домашние адреса, место работы и т. п.); средства; лица, оказывающие помощь (тоже с указанием точных адресов), союзы, объединения, примыкающие к той или иной партии или находящиеся под ее влиянием и руководством. Приказ предупреждал о строгих мерах наказания за нарушение какого-либо из его пунктов.

Не вызывало сомнений, что власти выявляли, брали под надзор революционные кадры и всех, кто за ними

шел. Это была попытка предотвратить возможность создания революционного подполья. Вместе с тем было очевидно и другое: приказ № 55 (как и другие акции) ставил задачу помешать Совместной комиссии консультироваться с демократическими партиями и организациями, облегчить создание реакционного корейского правительства.

Прогрессивная общественность была глубоко возмущена.

Демократическая пресса опубликовала массовые заявления протеста, требовала отмены приказа. В частности, в коллективном заявлении 22 культурных организаций Южной Кореи (напечатано 28 февраля в газете «Чунан синмун») говорилось, что под действие приказа № 55 подпадают не только политические партии, но и различные культурные организации, что он препятствует работе, росту этих организаций и потому антидемократичен.

«При японцах существовал закон о сохранении общественного спокойствия, — писали деятели культуры, — принесший много мучений корейскому народу. И когда сейчас, после освобождения Кореи, снова вводится подобный закон, — мы не можем не выразить против этого свой категорический протест».

Аналогичные заявления были опубликованы в других газетах. Требования отменить приказ № 55 звучали на митингах и демонстрациях, которые продолжались в Сеуле и в других городах. В начале марта начальник военной администрации генерал Лерч весьма определенно заявил в печати и по радио, что приказ № 55 ни отменен, ни изменен не будет, что начальнику полиции Чо Бёноку дано указание строго следить за его выполнением.

Как можно было судить по всему, что делалось в городе, Чо Бёнок с большим рвением выполнял указания американского начальства. Полицейские не скрывали от населения приказ своего шефа: недовольных арестовывали по первому подозрению и особенно не церемонились с коммунистами и сочувствующими им.

Все это основательно встревожило корейцев, хотя и не так испугало, как надеялись реакционеры. В разных формах борьба продолжалась. Крупная забастовка вспыхнула в конце февраля в одной из сеульских типо-

графий. Прекратился выход пяти газет. Печатники требовали гарантированного минимума заработной платы, улучшения условий труда. Их требования были удовлетворены. Радио сообщило, что забастовки произошли и на нескольких предприятиях Сеула. В последних числах февраля состоялась демонстрация протеста против того, что оккупационные власти до сих пор не привлекли к ответственности японских чиновников, допускавших бесчинства и насилия в отношении корейцев. Газеты писали, что наказаниям подверглись лишь те японские полицейские, которые ранее плохо относились к американским миссионерам.

Наверное, настало время немного рассказать о южнокорейской печати тех дней.

Многоголосая, многоликая, выражавшая накал политических страстей, борьбы, разгоравшейся между силами революции и реакции, колониализма и независимости, пресса Южной Кореи давала довольно противоречивую картину событий.

Газеты, издававшиеся в 1945—1946 гг. коммунистами и близкими им организациями, подвергались гонениям. Условия их деятельности были крайне трудны, тиражи изданий ограничены. Писать приходилось с оглядкой. Оккупационные власти искали любой предлог, чтобы закрыть или скомпрометировать такое издание. И тем не менее они выходили и в сочетании с непосредственными наблюдениями помогали осмыслить происходящее.

После освобождения в Южной Корее стали издаваться несколько прогрессивных газет. Главная из них «Хэбан ильбо» — официальный орган компартии. Ее тираж составлял в среднем 30 тыс. экземпляров. Газета выходила ежедневно или через день и финансировалась компартией. Своей типографии «Хэбан ильбо» не имела, не хватало бумаги. Но трудовой люд Юга полюбил газету: в ней разъяснялись программа и политика коммунистов, много статей посвящалось борьбе за социальные права трудящихся.

Не раз доводилось наблюдать, с каким острым интересом воспринимались материалы о Северной Корее и проводившихся там демократических преобразованиях. «Хэбан ильбо» пользовалась популярностью и в среде интеллигенции. Она публиковала много статей, разъяснявших политику Советского Союза по вопросу опеки и

создания временного корейского демократического правительства.

К «Хэбан пльбо» близко примыкала прогрессивная газета «Чосон инминбо» (тираж 50 тыс. экз.). Она финансировалась Народной партией и народными комитетами. Публиковала много материалов о задачах и деятельности демократических органов, особенно органов народной власти на местах; разъясняла решения Московского совещания. Помещала острые разоблачительные статьи, чаще всего в адрес Ли Сынмана, Ким Сонсу, Ким Гу. Газета была популярна, широко известна в разных слоях населения.

С заметным интересом ждали и читали газету «Чунан синмун» (выходила с 21 декабря 1945 г.). Она не отличалась последовательностью, не имела определенной направленности, но часто выступала против реакции, в защиту национального демократического фронта. Популярность газете создавала разнообразная, хотя не всегда точная информация и, главное, остроумные политические карикатуры.

Остальные газеты были либо открыто правого толка, либо пытались вуалировать свою реакционную сущность. В числе правых особое место занимала злобная клеветница «Тэтон синмун». Ее издатель Ли Джонхё при японском господстве был чиновником особых поручений департамента полиции. Редактор тоже ранее дружил с японскими колонизаторами, сотрудничал с ними. Газету финансировали Ли Сынман, Ким Гу и близкие им круги корейских капиталистов. Говорят, ее субсидировали и оккупационные власти, но опосредствованно, через Союз молодежи. Характерно, что газета распространялась среди жителей Сеула бесплатно. Газетчикам было дано указание заносить ее в каждый дом. Нередко в демократической печати «Тэтон синмун» называли провокационным листком. Она полностью оправдывала это наименование. Особенно усердствовали ее издатели и авторы в антисоветских измышлениях. Так, 25 декабря 1945 г. газета опубликовала статью «Угроза советского империализма»; в январе 1946 г. — серию статей о том, будто СССР «инициатор опеки, лишаящей Корею независимости»; в феврале и марте — клеветнические материалы о Советской Армии в Северной Корее. 26 февраля в статье «О положении в Северной Корее» газета

извергла столько злобной клеветы, что это вызвало раздражение даже оккупационных властей. Она, например, писала, что «в истории Запада и Востока не было и не будет такого угнетения народа, как на Севере Кореи».

Вместе с тем из номера в номер «Тэтон синмун» всячески восхваляла порядки в Южной Корее и «благотворения» Американской военной администрации. «Мы безмерно счастливы,— вещала газета 12 марта 1946 г.,— что имеем друзей, подобных генералу Ходжу».

А вот и давняя знакомая — «Тона ильбо». Она прошла сложный путь вместе со своими хозяевами — буржуазными националистами, металась, искала, лавировала, временами на гребне освободительной борьбы общалась к революционным событиям. Тогда японские власти и закрывали ее. Так было не раз. Но длилось, как правило, недолго. «Тона ильбо» снова разрешали, и она становилась все более ручной.

В годы второй мировой войны газета не выходила. И вот с 1945 г. «Тона ильбо» — фактический орган самой реакционной партии Южной Кореи, Хангук минджудан. Ею, да еще компанией «Кэйдзё босёки», финансируется. Даже среди некоторых патриотических групп буржуазной интеллигенции отношение к «Тона ильбо» презрительное. Знакомый корейский журналист охарактеризовал ее примерно так: «Думали — уважаемая дама, а оказалась проститутка». Злобные статьи против южнокорейских демократических организаций соседствовали на страницах газеты с антисоветскими, иногда поразительно нелепыми. Так, 26 января 1946 г. в передовой статье было написано: «Если Советскому Союзу нужна Корея как дружественная страна, то просим выражать чувства дружбы и любви к корейскому народу вместо вооруженного подавления (???), установления опеки и требования портов Вонсан, Чхонджин и др. (???)». Временами «Тона ильбо» несколько меняла тон, становилась сдержаннее.

Другая знакомая по колониальным временам — «Чосон ильбо». Она тоже прошла большой, но никак не славный путь. «Чосон ильбо» активно выступила против Московских решений, против совещания в Сеуле советских и американских представителей, против порядков в Северной Корее. Все — против. А что «за»? Какова ее

позитивная платформа? Не очень ясно. Казалось, главное, что тревожит газету,— как бы не установилась власть трудящихся.

Крикливая реакционная газета «Сеул синмун». Вначале она являлась органом Американской военной администрации, затем стала издаваться от имени газетной компании. Активно проводила линию Ли Сынмана и Ким Гу, защищала их от «нападок» левых. В газетном «ассорти» излюбленная тема — противопоставление «свобод» в Южной Корее «притеснениям» и «насилию» — в Северной.

А вот кокетливая, заигрывающая с разными слоями читателей «Чаю синмун», тоже правая газета. Ее финансировал Ли Сынман и стоявшие за его спиной крупные корейские капиталисты. Газета пыталась выглядеть нейтральной, независимой. Она часто помещала статьи и заметки на бытовые темы, веселые карикатуры, развлекательные материалы. Но была коварна, лицемерна и неавторитетна среди читателей.

Ли Сынман и его окружение финансировали и «Хансон ильбо».

В своем первом номере, 26 февраля 1946 г., газета поместила приветствия, присланные ей генерал-лейтенантом Ходжем, главой АВА Лерчем, начальником департамента информации АВА и, конечно, Ли Сынманом. Эта визитная карточка сразу насторожила читателей газеты. Популярностью она не пользовалась.

И наконец, «Сеул таймс». В отличие от названных газет она выходила на английском языке. Финансировалась американским командованием и издавалась нерегулярно. Главная задача газеты — изображать Америку освободительницей и благодетельницей Кореи. На эту тему публиковались многословные материалы из истории корейско-американских отношений. У многих читателей они, естественно, вызывали недоумение, раздражение.

Все эти реакционные издания творили одно дело. Они стали одним из важных рычагов идеологического наступления правых сил на массы.

В начале марта в Сеуле было уже по-весеннему солнечно и тепло. Но в политической атмосфере продолжали бушевать бури.

1 марта оккупационные власти объявили националь-

ным праздником⁴. Правые были в умилении. Вот, мол, как уважают корейцев, их историю, их борьбу за независимость.

С утра началась многолюдная демонстрация, посвященная 27-й годовщине всенародного восстания 1919 г. На улицы вышли люди разных классов, возрастов, профессий, политических ориентаций. Начало было торжественным, величавым. Казалось, перед памятью патриотов, погибших в дни героического восстания за независимость, все едины. Седовласые старики несли огромный национальный флаг, в руках у многих демонстрантов флажки и транспаранты. Бросалось в глаза, что пожилых среди демонстрантов больше, чем обычно. В старинных национальных одеждах, они открывали шествие.

Но нет, не единой была эта демонстрация. И не прошлому она была посвящена.

Возле парка «Пагода», где 27 лет назад была оглашена Декларация независимости, неожиданно произошло какое-то замешательство. Ряды заволновались, зашумели, началась никак не праздничная перепалка. Кого-то волокли полицейские. В нескольких местах возникли митинги. Понять, кто и о чем говорил, было почти невозможно. Подробности я узнала на следующий день.

Дело в том, что задачи этой общенациональной демонстрации по-разному понимали демократия и реакция Южной Кореи, по-разному ее готовили и по-разному относились к самому движению 1919 г. Их требования, лозунги, позиции были столь различны, что не могли не привести к столкновениям. И привели.

Революционеры, оценивая уроки движения 1919 г., считали, что оно учит бороться за независимость, опираясь на союз с Советским государством, которое оправдало надежды корейского и других народов, освободило их от фашизма, от колониальной неволи, что идеалы патриотов-демократов, участников народного восстания 1919 г., воплощаются в Северной Корее и за них должны бороться народные массы Юга, что для победоносной борьбы за новую жизнь все прогрессивные патриотиче-

⁴ 1 марта 1919 г. в Корее началось мощное антиимпериалистическое движение, длившееся около трех месяцев и жестоко подавленное японской военщиной. В движении участвовало более 2 млн. человек.

ские организации должны сплотиться вокруг Демократического национального фронта. Об этом говорили с трибун, писали в газетах, листовках и обращениях коммунисты.

А реакционеры твердили свое. Дескать, попирается воля нации, «оскверняется память 33 ее представителей» (речь шла о буржуазных националистах, подписавших в 1919 г. Декларацию независимости, а в конечном счете предавших народное восстание). «Над страной снова хотят установить протекторат. Не допустим! — вопили правые, обрушиваясь на Московские решения, извращая их содержание. — Все как один, как наши соотечественники 27 лет назад, будем протестовать против нового закабаления!» И все в таком же духе. Листовки реакционеров были сдобрены изрядными порциями антикоммунизма и антисоветизма. Пытались и историю взять себе в союзники.

В Пхеньяне же в этот день, как мы узнали позже, произошло вот что.

Тысячи демонстрантов вышли на улицу отметить годовщину народного восстания. Счастливые люди свободной Кореи с революционными знаменами, с песнями шли мимо центральной трибуны. Там стояли руководители коммунистической партии, народной власти, представители Советского командования. Неожиданно из толпы чья-то преступная рука бросила в стоящих на трибуне гранату. Катастрофа, казалось, была неминуемой. Решали доли мгновения. И тут стоявший на трибуне советский офицер — Яков Тихонович Новиченко — перехватил гранату. Катастрофа была предотвращена, люди спасены. А офицер лишился руки. Об этом случае в Южной Корее много говорили. Ведь сколько советских воинов потеряли жизни, спасая других людей, другие народы!

Большой интерес в Сеуле вызвало сообщение о состоявшемся в Северной Корее съезде крестьянских комитетов и о том, что 5 марта Временный народный комитет принял закон о земельной реформе. Жирным шрифтом была набрана статья 1 закона, гласившая:

«Земельная реформа в Северной Корее является исторической и экономической необходимостью. Задача земельной реформы — ликвидировать японское землевладение, землевладение корейских помещиков и уничтожить

арендную систему. Право пользования землей принадлежит тем, кто ее обрабатывает».

Реакционная печать подняла злобный вой. «Ничего не будет, кроме голода. Не верьте, это все только обещания», — изощрялась «Тэтон синмун». Демократические организации, в первую очередь Крестьянский союз Южной Кореи, разъясняли массам задачи и сущность реформы. «Верьте, — писали они в своих листовках, — народная власть не обманывает народ. Декрет о земельной реформе — крупное завоевание революции. Боритесь за аграрную реформу в Южной Корее».

Демократический женский союз готовился к празднованию 8 марта. Сначала предполагалось провести в этот день большое собрание в сеульском «Народном доме». Но власти под каким-то предлогом отказались предоставить помещение. И тем не менее празднование состоялось. А главное, на предприятиях, в учреждениях, в учебных заведениях проходили беседы, собрания, многочисленные и активные, как сообщала «Хэбан ильбо».

Накануне праздника несколько кореянок обратились к сотрудницам советского консульства с просьбой рассказать о положении женщин в Советском Союзе. Разговор продолжался несколько часов. Собеседницы были разных возрастов и профессий: молодая учительница и очень пожилая общественная деятельница, профессиональная революционерка, а до того ткачиха, две молодые домохозяйки — активные общественницы, медсестра из частной больницы. Она ранее жила в Харбине и свободно говорила по-русски. На вид ей можно было дать и сорок, и двадцать пять лет. Оказалось 42 года. В числе пришедших были и две совсем юные работницы-ткачихи. Все в национальных одеждах. Разговор получился незабываемый. По-женски шумный, не очень последовательный «обо всем», не всегда логичный, с множеством неожиданных зигзагов и отступлений. И одновременно — о самом главном. «Вы думаете, что и у нас когда-нибудь женщина получит такие же права, как в вашей стране?» — спросила одна из собеседниц. Мы сослались на пример Северной Кореи. Ведь там уже многое делалось для раскрепощения женщины. «Но разве наши капиталисты допустят, чтобы работницам платили, как мужчинам, чтобы они работали меньше, чем сейчас? Им ведь это невыгодно», — спросила молодая ткачиха. Ответила

старая революционерка: «Вот поэтому мы и призываем женщин к борьбе за народную власть. Ей выгодно все, что выгодно нам — народу».

Худое, изборожденное глубокими морщинами, ее лицо резко изменилось, помолодело. Она много рассказала нам о положении корейской женщины. Видно было, что она привыкла выступать, и я представила, каким огнем должны были обжигать ее речи женскую аудиторию. Эта старая кореянка, наверное немало испытавшая в жизни, производила впечатление человека волевого и даже несколько властного. Больше всего она возмущалась попытками реакционеров подчинить себе женское движение: «Мы еще не умеем снимать повязки с глаз наших женщин. Ведь некоторые из них, как слепые котята, идут в западню, расставленную врагами».

И обликом, и суждениями она олицетворяла характерную черту корейской женщины — ее внутреннюю силу. Жестоко угнетаемая в быту, на работе, бесправная, обремененная множеством забот, но не сдающаяся, не покоренная даже в самые трудные времена.

А реакция по-своему готовилась к международному женскому дню. 5 марта она устроила демонстрацию. Ее возглавили жены руководителей и активистов правых организаций. В шумной, крикливой массе были и случайные участницы. Лозунги на больших полотнищах призывали протестовать против Московского соглашения. А многие женщины кричали о своем: «Дайте риса, нечем кормить детей, дайте работу мужьям! Мы голодаем! Долой спекуляцию!». Организаторы явно недовольны. Не тех привлекли к шествию. Вместо «ура» кричат «караул».

В тот же день состоялась и демонстрация студентов, бежавших из Северной Кореи. Очень немногочисленная, но еще разнузданнее и крикливее.

Попытки реакции использовать 8 марта для выступления правых, похоже, не удались.

Интересный факт: 13 марта в «Правде» опубликована статья «Претенденты на власть над корейским народом», где говорилось о неприглядных делах Ли Сын-мана. Он был взбешен. Тем более что на страницах корейских прогрессивных газет то и дело публиковались материалы, раскрывавшие подлинное лицо лидера южнокорейской реакции. В частности, 12 марта газета

«Чосон инминбо» рассказала о его темных сделках с американскими бизнесменами, привела многочисленные факты национального предательства, нечестности, авантюризма. «Все дальновидные корейцы, — писала газета, — задают вопрос: что будет представлять собой корейское правительство, если Ли Сынман окажется его главой?»

Что же предпринял Ли Сынман? Он выступил с заявлением, что хотел бы создания... «комиссии четырех держав для расследования его деятельности, частной и общественной».

Ли Сынман играл роль глубоко потрясенного человека. В этом спектакле было немало актерских удач. Нужно отдать ему должное — он был большим мастером позы и фразы.

Основным содержанием его выступлений был антисоветизм. «Россия намерена коммунизировать нашу страну! — воил он по радио. — Мы докажем всему миру, что мы против коммунизма!». Как будто для этого нужны были еще какие-то доказательства! И не только статья в «Правде» была причиной ярости Ли Сынмана. Кто же не знал его многолетней антикоммунистической деятельности, его прошлых запугиваний, его измышлений о «советской угрозе». Еще в июле 1943 г. Ли Сынман писал: «В настоящее время мы располагаем сведениями, указывающими на то, что СССР намерен установить в Корее советскую республику; в то же время следует помнить, что угроза русской экспансии на Дальнем Востоке, которой так опасались в США 40 лет назад, полностью не исчезла» («Кориан нэйшнл геральд пасифик уикли», 4 августа 1944 г.). Кажется, не было границ его буйной фантазии и лютой злобе, когда речь заходила о Советском Союзе, о Северной Корее, о коммунистах.

Продолжались ожесточенные нападки реакции и на проводимую в Северной Корее земельную реформу (фактически она завершилась к началу апреля). Трудовой люд встретил весть об осуществлении реформы горячим одобрением, убеждаясь, что у коммунистов слова не расходятся с делами. В Сеуле и окрестностях состоялись демонстрации в знак поддержки и одобрения. А реакция бесновалась. Ли Сынман выступил по радио зло и истерично. «Корейские коммунисты проводят конфискацию помещичьих земель и раздают их крестьянам. Мы счи-

таем это несправедливым. Земля должна быть отдана крестьянам за выкуп». Ли Сынману вторили помещики из Хангук минджудан. Им ли было не возмущаться? Вместе с тем они были вынуждены реагировать на настроения масс. Обещали провести земельную реформу и в Южной Корее, лавировали, изворачивались.

Среди моих новых знакомых было несколько преподавателей сеульских школ. Мы познакомились с одними на демонстрациях, с другими — в книжных магазинах. Главное, что их волновало, — это, разумеется, вопросы образования: что будет предпринято в отношении школ? Очень одобрительно они комментировали меры, принимавшиеся в этой области на Севере: 21 сентября было опубликовано «Временное положение о школах Северной Кореи», согласно которому повсеместно упразднялись старые, частные, миссионерские, муниципальные школы и создавались новые, народные. В марте 1946 г. Временный народный комитет Северной Кореи принял постановление об улучшении работы школ. Уже в это время намечалось введение системы всеобщего обязательного начального образования, расширение сети школ. Во всем этом сказывалась большая забота народной власти о просвещении народа.

Ничего подобного не было на Юге. «Единственное, чего мы сумели добиться, — это изгнали японских преподавателей из учебных заведений, создали тем самым благоприятные условия для перестройки народного образования, — говорил преподаватель Чхве Намсу на одном из митингов. — Но кто будет проводить эту перестройку, создавать новую систему образования, кто?» На этот вопрос никто из выступавших ответить не смог. Говорили о том, что нет учебников, не хватает преподавателей, нет средств. Власти, хотя и декларировали реформы в этой области, не торопились их осуществлять.

Работа Совместной комиссии.

Ее срыв. Разгул реакции

20 марта в Сеуле начались заседания Совместной советско-американской комиссии. О ее деятельности опубликовано немало обстоятельных работ. Добавить к ним что-нибудь я, разумеется, не могу: знаю о заседаниях комиссии только по рассказам, официальным ма-

териалам и литературе. Но вот о советской делегации хочу рассказать.

Ее возглавил генерал-полковник Терентий Фомич Штыков, человек редкого обаяния. Сразу подкупала его суровая прямота, за которой проглядывала большая сердечность. Многие в его поступках, в общении с людьми, в подходе к событиям говорили, что это партийный работник крупного масштаба. Среди членов делегации был Семен Константинович Царапкин, старый дипломат. Когда, случилось, Штыков с Царапкиным спорили по каким-нибудь вопросам, у нас говорили «штык царапается» или «царапают штык», в зависимости от ситуации.

Один из членов делегации, Герасим Мартынович Баласанов,— политический советник СССР в Северной Корее. Он буквально опалял своими огромными, яркими глазами. «Притуши свои фары. Смотреть больно»,— не раз говорил ему мой муж — старый товарищ Баласанова.

В числе приехавших на заседания Совместной советско-американской комиссии в качестве эксперта был Борис Васильевич Щетинин. В то время он работал в Пхеньяне советником в департаменте по вопросам юстиции. Ныне Борис Васильевич — доктор юридических наук, профессор, много занимающийся и проблемами современной Кореи.

Многие приехали из Москвы. Их мы особенно безжалостно мучили вопросами о доме, о послевоенной столице. С приездом советской делегации наш небольшой коллектив зажил новой жизнью. На какое-то время глуше стала тоска по дому.

В составе советской делегации — генерал-майор Лебедев Николай Георгиевич. Приехала из Пхеньяна и его жена Дина Сергеевна. О них хочется написать подробнее. Случилось так, что жизнь свела нас снова, но уже на родной земле. Николай Георгиевич из участника освобождения и возрождения Кореи превратился в летописца тех славных, незабываемых времен. Ныне он является вице-президентом Общества советско-корейской дружбы, много и интересно пишет о Корее. Это и стало основой нашей творческой дружбы. Недавно Николай Георгиевич отметил свое семидесятилетие. А тогда, в Сеуле, ему едва перевалило за сорок. И сколько уже

пройдено дорог! Сын крестьянина из деревни Буда Калужской губернии, он с 1920 г. в рядах Красной Армии. Участвовал в войне с белополяками; учился и преподавал в военных училищах. Окончил Военно-политическую академию. Был политруком и комиссаром, начальником политотдела и военных учебных заведений. И снова участие в освободительном походе в Западную Украину, в войне с белофиннами. Затем — штаб Киевского особого военного округа, и наконец — Дальний Восток. Член Военного Совета 25-й армии Дальневосточного фронта, отважно сражавшейся с японскими милитаристами, освобождавшей Северо-Восточный Китай и Корею. После войны — новое поприще деятельности: помощь освобожденному братскому народу в строительстве независимого, демократического государства. Являясь членом Военного совета Армии, Николай Георгиевич с лета 1947 г. был одновременно и начальником управления Советской гражданской администрации в Северной Корее. В общем, славно повоевал и немало потрудился на корейской земле. Это и есть интернационализм советского человека в действии.

Дина Сергеевна Лебедева — тоже участница гражданской войны. Работала медсестрой в военных госпиталях, училась. Была активной комсомолкой, женделегаткой. Потом семья, частые переезды. Нелегкая, но благородная судьба боевой подруги советского офицера.

С Диной Сергеевной интересно. Она наблюдательна, эрудированна. Как-то сказала мне: «Поеду с вами в город, хочется поближе посмотреть демонстрации». А они происходили каждый день. Я, конечно, обрадовалась такой интересной попутчице. Поехали на улицу Чонно. Она была заполнена людьми. В ряде мест, как обычно, происходили митинги. Затем появились колонны демонстрантов, шедших от здания, где размещалась АВА. Лозунги свидетельствовали, что это мирное выступление организовано левыми. Большинство участников — люди из трудовых слоев. Среди них, видимо, много безработных. Многочисленные плакаты призывали открыть предприятия, покончить с безработицей.

Мне захотелось побывать возле здания студенческого клуба, где обычно происходили ожесточенные словесные схватки. Предложила Дине Сергеевне отдохнуть в машине, которая ждала нас в переулке. Походили мы пре-

достаточно. Она согласилась. Но, когда я подошла к клубу, то увидела отнюдь не словесную схватку. Там стреляли. Полицейские из американской военной полиции и корейские террористы открыли огонь по мирным демонстрантам. Их стали разгонять резиновыми дубинками. Решила поскорее вернуться в переулок, где стояла машина. С трудом пробралась. Но ее там не было. Мне объяснили, что полицейские «очистили от транспорта» все переулки, прилегающие к Чонно. Подумала, что шофер, вероятно, знает, как добраться в консульство. А вдруг они где-нибудь меня ждут? Или — еще хуже того — ищут. Это было нетрудно предположить, учитывая характер моей спутницы. Но ведь она совершенно не знает города, а машина не может проехать сюда, в район демонстраций. Подтвердилось худшее: меня искали в одной части улицы, я искала их в другой. Корейские товарищи, выяснив, в чем дело, помогли нам встретиться.

Обрадованные, направились домой. Были полны впечатлений, хотели поскорее ими поделиться. Но дома ждало новое испытание. Наше долгое отсутствие не осталось незамеченным. Собирались даже организовать поиски. Первый, кого мы встретили в консульстве, был Терентий Фомич Штыков. Он очень холодно ответил на наше приветствие и голосом, в котором был слышен металл, обратился к Дине Сергеевне. Смысл вопроса сводился примерно к следующему: считает ли она допустимыми такие поездки, собирается ли их предпринимать и дальше. Я никогда не видела Терентия Фомича таким рассерженным. Меня он словно не замечал, чему вначале я была очень рада. Стояла тихо в сторонке. Но совесть терзала. Ведь, собственно, во всем виновата я. Собралась покаяться. Терентий Фомич неожиданно повернул разговор в несколько иной аспект. Следующие вопросы Дине Сергеевне звучали примерно так: «С кем связались? Кого выбрали в проводники по городу? И в дальнейшем собираетесь с этим проводником путешествовать?!» Я уже не намеревалась каяться, извиняться. Наоборот, была готова возражать. Но в этот момент Терентий Фомич оглушительно захохотал, да так, что из соседней комнаты пришли выяснить, в чем дело. Мы еще после долго дружно смеялись. С удовольствием вспоминаем этот эпизод, встречаясь с Диной Сергеевной, и сейчас.

Я уже писала, что вместе с войсками США в Южную Корею приехало несчетное множество журналистов. С ними не раз приходилось беседовать, особенно во время демонстраций и митингов. Странно они себя там вели (не все, конечно). Общая направленность демонстраций, лозунги, требования выступавших их не интересовали. Если обратишься к ним с подобным вопросом, с усмешкой отвечали: «Неужели вы это воспринимаете всерьез?». Но вот если где-нибудь вспыхивала схватка, потасовка, если террористы озверело обрушивались на кого-то, журналисты эти, не скрывая радости, бросались туда. Добывать интересный материал для газеты. А как он подавался! Иногда просто поражала утрата всяких этических норм, игнорирование требований элементарной достоверности. Как-то я сказала это одному из журналистов в связи со статьей, искажавшей характер демонстрации в поддержку Московского соглашения и изображавшей ее как выступление против опеки.

Сославшись на свою прежнюю работу в газете, я сказала, что у нас за такую фальшивку изгнали бы из печати. «А у нас другое,— ответил он,— у нас свобода печати». — «Свобода исказить, дезинформировать? Вам не кажется уж слишком кощунственным применять в данном случае такое уважаемое слово, как свобода?» Чувствовала, что накаляюсь. А он весело и дружелюбно смеялся.

Создавалось впечатление, что приехавшие образовали несколько разных групп (при одинаковых в общем мировоззрении и методологии). Одни были откровенными верхоглядами, любителями сенсаций. Скользили по поверхности событий, не утруждая себя ни размышлениями, ни попытками анализа фактов, ни их проверкой. Поразительно бесцеремонные, даже нахальные, когда нужно было добыть материал. С населением старались держаться дружелюбно, хотя и покровительственно. В их репортажах иногда можно было найти любопытные частности, но не больше.

Другая группа, видимо основная, были те, кто выполнял роль рупора официальной политики США. Они были серьезнее, сдержаннее, образованнее. В беседах старались казаться «вольнодумцами», «правдолюбам», демократичности их воззрений, кажется, не было предела. Однако в своих статьях и репортажах эти журнали-

сты выглядели иначе. Там, заслоняя все остальное, откровенно выступал заказ работодателя. Были среди приехавших американских журналистов и люди, искренне пытавшиеся посмотреть правде в глаза, понять глубинные процессы происходящего. Например, в то время в Сеуле находился такой видный прогрессивный журналист, как Дэвид Кондэ, перу которого принадлежат интересные работы о Южной Корее.

Обращало на себя внимание то, что большинство из тех журналистов, с кем приходилось встречаться, независимо от политической ориентации с огромным, неподдельным уважением относились к советским людям. Они неизменно подчеркивали свое восхищение подвигом советского народа во второй мировой войне, понимание того, что Советский Союз решил исход войны и в Европе и на Востоке. «Корею освободила Россия,— не раз говорили они,— мы приехали к готовому пирогу».

Впрочем, в те дни утверждать иное было просто немислимо. Но как преображались они, когда речь заходила о социальных вопросах, о мировоззрении!

После опубликования решений Московского совещания о Корее в обстановке националистической истерии, нагнетавшейся реакцией, некоторые из этих газетчиков, как мне кажется, просто не разобрались в том, что происходило. Большинство же и не пыталось.

Особенно раздражало и возмущало то, что все они подчеркивали свою принадлежность к миру «свободной печати» и, бряцая этими словесными погремушками, искажали суть событий. Симптоматичен был самый подход к их оценке. «Демонстрации, митинги, народные шествия, лозунги? Неужели об этом можно говорить как о событиях значительных? Это ведь толпа, что ей скажут, то и кричит». Подобные суждения можно было услышать нередко. В центре внимания журналистов — политиканы. Им посвящались обширные материалы, часто смаковавшие пикантные подробности. Не были обойдены и сюжеты восточной экзотики, но они явно отступали перед событиями народной революции.

«Я был очевидцем громадных демонстраций против опеки», — писал Э. Сноу. Он высмеивал заявление ТАСС от 25 января 1946 г., разоблачавшее фальсификаторов, восстанавливавшее правдивую картину событий. Он был их очевидцем, но что он сумел или захотел увидеть?

Да, демонстрации против опеки были, но ведь происходили и массовые демонстрации в поддержку Московского соглашения, в которых непредубежденному, добросовестному глазу легко было обнаружить главную тенденцию движения тех дней, его магистральное направление.

В один из февральских дней 1946 г. я участвовала в разговоре с несколькими американскими журналистами на эту тему. В дневнике моем записана одна фамилия — мистер Вэлл. Беседа была неофициальной, возникла случайно, хотя назревала давно. Воспроизвожу ее кратко («они» — это кто-то из американских журналистов, «мы» — мой муж, Ольга Захаровна и я).

Мистер Вэлл. Вы ведь сами видите, что корейцы не принимают Московских решений, выступают против опеки. Всюду демонстрации протеста; произошла даже забастовка. И главное, это движение организуют и возглавляют люди образованные, понимающие суть дела.

Мы. А многотысячные демонстрации в поддержку Московского соглашения, а массовые митинги левых сил? Вы ведь тоже не раз бывали на стадионе, на площадях, улицах, где самые широкие слои населения приветствуют Московские решения, требуют их осуществления. Ведь все это происходит на глазах не только у нас, но и у вас.

Они. Но в демонстрациях левых сил участвует главным образом темная, неграмотная рабочая масса. Впрочем, это вопрос неразрешимо спорный. Ведь именно этой рабочей массе вы отводите главную роль в общественной жизни. С ней связываете будущее человечества.

Мы. Почему будущее? У нас, как вам известно, это уже давно настоящее.

Все дружно закивали, зашумели: Да, да, у вас, конечно, о вас мы не говорим.

Вернулись к корейским сюжетам.

Мы. Если вам не угодно уважать мнение этой массы людей труда, пока еще в Корее действительно не очень грамотной, но за которой, несомненно, последнее слово, уважайте свою профессию. Информировать правдиво читателя, соблюдайте элементарные требования, предъявляемые к журналисту.

Мистер Вэлл (взорвавшись). Выходит так, что мы пишем неправду, что демонстрации протеста против опеки вчера не было, что студенты на стадионе два дня назад не требовали отмены соглашения о Корее? Вы это хотите сказать?

Отвечаем. Нет, были и демонстрация, и студенческое, и другие выступления протеста. Они не выдуманы вами. Но ведь для журналиста мало видеть, важно увидеть, оценить происходящее в целом, и не только захотеть, но и суметь, иметь возможность рассказать читателю эту правду.

Они. О, такая возможность у нас как раз есть — это свобода печати. Главное — поинтереснее написать о том, что вы называете правдой. Например, об этих сборищах, от которых звон в ушах и в голове (речь, видимо, шла о демонстрациях правых сил; выступления корейской демократической общественности в поддержку Московских решений большинством журналистов США вообще замалчивались).

Мистер Вэлл. Вы, конечно, правы, что нужно стремиться глубже вникать в происходящее, анализировать его. Но, если это будут делать журналисты, что останется на долю ученых? Впрочем, у вас все это, кажется, синтезируется, и те и другие в конечном счете пропагандисты.

Мы не стали спорить. Нужно ли доказывать, что пропагандистские функции советских ученых достаточно благородны, что ими можно только гордиться. Ведь это пропаганда правды.

Вернулись к главной теме. Вопрос поставили в упор

Мы. Значит, вы не считаете нужным даже пытаться объективно оценить события, найти их основную тенденцию? Ваша задача — дать лишь интересный репортаж с места событий?

Они. Нет, нет, либо вы неправильно поняли мистера Вэлла, либо он неточно выразился. Во многих статьях вы можете обнаружить попытки осмыслить явления, но только на основе реальных фактов, например, таких, как движение против опеки. Вы не станете возражать, что оно, это движение, — реальность, правда?

Снова тот же вопрос — наступательно, требовательно.

Мы. Станем. Потому что о главном — о движении демократических сил — вы не пишете.

Они. Согласимся на том, что мы пишем полуправду, не возражаете?

Мы. Возражаем. Если в каком-то районе Сеула хлещет дождь, а в остальных сухо и солнечно, но вы информируете читателей, что в Сеуле всюду дождь, это не полправды, а неправда. Тем более если дело касается явлений общественных, сложных, часто противоречивых. Зачем вы пишете, что вся Южная Корея выступает против Московских решений? Если вы объективны и честны, то пишите: «Вчера была демонстрация против Московских решений, а сегодня — в их поддержку». И еще — расскажите, как загоняют население на глазах у всех, в том числе и у вас, в шествия правых; какими методами, например, была организована забастовка. Наверняка вам тоже рассказывали торговцы, владельцы мастерских, парикмахерских, как их силой оружия, угрозами и насилием заставляли бастовать. И еще: вы ведь образованная часть общества и знаете отлично, что опека — это не протекторат и ничего общего с ним не имеет. Зачем же вы дезинформируете читателя? Написали бы, как есть, что вчера было выступление (участвовать в котором заставляли насильно) против опеки, неправильно называемой некоторыми протекторатом, а сегодня — более массовое и добровольное выступление в поддержку Московского соглашения. Хотя бы так. И тогда это был бы правильный репортаж объективного газетчика. Но и такой материал лишь добротная база, на которой строится здание концепций, выводов, размышлений. Важно правильно уловить общую тенденцию событий, их главную, определяющую правду.

Нас стали обвинять в пристрастии к усложнению простых истин.

Мистер Вэлл. Журналист должен уметь видеть картину в целом, но ведь целое складывается из частей, из фактов: мы их и излагаем, и все они в целом правдивы.

Он явно не желал продолжать разговор. А мы хотели его продолжить. Тем более что интерес к разговору остальных собеседников был несомненным.

Мы. Если вы возражаете против усложненных рассуждений, перейдем на простые. Вот, например, перед нами человек, в целом положительный, интересный, но с рядом недостатков. По-всякому можно рассказать о

нем «правду». Собрать все недостатки, умалчивая об остальном. Получится сугубо отрицательный образ. Или, наоборот, назвать только достоинства — и перед нами ангел во плоти. И в том и в другом случае факты, в данном случае черты человека, изложены правдиво, а правды о нем не будет. Вы говорите, примитивное сравнение? Возможно. Но ведь то же примерно получается и при характеристике событий общественной жизни, когда тенденциозно, односторонне отбираются отдельные факты, без правдивого показа картины в целом, без попытки выявить главную тенденцию развития.

Такое сравнение в другом случае я, вероятно, и сама назвала бы облегченным и не применила. Но в этой беседе оно было в цель.

— А ведь и в самом деле, — неожиданно загоготал мрачный с виду, все время молчавший журналист. — При таком подходе можно Майкла изобразить красавцем. Поведать читателю только о синих бездонных глазах, густой шевелюре, статной фигуре. Умолчать про длинный нос, тяжелый подбородок, низкий лоб, оттопыренные уши и другие неприятности. Все громко смеялись. Беззлобно и весело. В том числе и сам Майкл Вэлл.

Мы говорили еще очень о многом: о балансе между главным и второстепенным, между основным, решающим и частным; о трудности проникновения в суть событий, где, как выразился один из собеседников, «сплошная крошечная тьма». Отвечаем: «Но мы вторгаемся в эту темноту со светильником. У вас тоже есть эта возможность».

Все молчали.

— Вы имеет в виду идеи, которые вам оставили Маркс и Ленин? — уважительно спросил один из журналистов.

— И нам, и вам, и всем, — сказали мы. Никто не возражал.

Вообще разговор, несмотря на весьма острую тему и полемический характер, был миролюбивым, даже дружеским.

Вернемся, однако, к событиям в Корее. Главное из них в то время — работа Совместной советско-американской комиссии. На ее первом заседании генерал Ходж заявил, что сегодняшний день является важным днем в истории Кореи. Это день, которого все корейцы ожидали с большой надеждой, связывая с ним будущее

своего народа,— и он должен стать днем, который корейцы будут праздновать в будущем как начало новой эры в истории Кореи.

...Слова, слова. Громкие, выпренные. Генерал Ходж — большой их любитель.

Совсем иначе звучало выступление главы советской делегации Т. Ф. Штыкова, деловое, конструктивное, проникнутое глубоким уважением к народу Кореи, искренней заботой о его будущем, желанием всемерно помочь восстановлению его независимости и созданию демократической государственности. Народ Кореи, говорил Штыков, с его тысячелетней культурой, ярко выраженным национальным самосознанием, долгие годы переносивший тяготы и унижения колониального рабства,— этот народ достоин самого лучшего будущего. Корейский народ кровью и неисчислимыми страданиями заслужил право на независимость, на свободную самостоятельную жизнь. Советский Союз всегда отстаивал и будет отстаивать право всех без исключения наций на их самоопределение и свободное существование.

Глава советской делегации говорил о том, что корейский народ, как все в этом убедились, преисполнен стремлением и уже показал свою решимость создать при помощи союзных государств свободное, демократическое корейское государство, что великие цели его создания вызвали к жизни большую политическую активность всего народа Кореи; что он создал свои демократические партии и общественные организации, народные комитеты как органы демократического самоуправления. Однако на пути последовательной демократизации всей внутренней жизни корейского народа стоят серьезные трудности, вызываемые яростным сопротивлением реакционных антидемократических групп и отдельных элементов, ставящих своей целью сорвать дело создания и утверждения демократического строя в Корее.

Т. Ф. Штыков напомнил задачи Совместной комиссии, заключающиеся в том, чтобы помочь корейскому народу создать Временное демократическое правительство, способное осуществить задачи демократизации и возрождения страны, а затем при участии этого правительства, с привлечением корейских демократических организаций разработать меры помощи и содействия политическому, экономическому и социальному прогрессу.

су корейского народа, развитию демократического самоуправления и установлению государственной независимости Кореи.

С пониманием и надеждой восприняли народные массы Кореи заявление главы советской делегации.

Как известно, основным условием деятельности Совместной советско-американской комиссии при выработке предложений о создании Временного корейского правительства являлась консультация с корейскими демократическими партиями и общественными организациями, так как именно они выражали волю подавляющего большинства населения. Но американскую сторону не устраивала консультация с корейской демократической общественностью, участие народных масс в решении корейских вопросов.

Началась длительная дискуссия. Американская делегация предложила создать так называемый совещательный союз (основой которого являлась бы «демократическая палата») и с ним проводить консультацию. Разумеется, делегация СССР отвергла это предложение, ущемляющее права корейского народа, и настояла на принятии порядка работы, соответствующего решению Московского совещания. 17 апреля было подписано совместное коммюнике, гласившее, что «Совместная комиссия будет консультироваться с корейскими демократическими партиями и общественными организациями, которые действительно демократичны в своих целях и методах и которые подпишут заявление о поддержке целей Московского решения о Корее».

Такое заявление подписали все демократические партии и общественные организации Северной Кореи, а также входящие в Демократический национальный фронт партии и организации Юга. В комиссию потоком шли письма о поддержке принципов Московского совещания. Прогрессивная Корея еще раз выражала свою солидарность с позицией Советского Союза, отстаивающего права и интересы корейского народа.

Реакционные же партии и организации Южной Кореи, которые концентрировались вокруг «демократической палаты», сначала выступили против подписания заявления о поддержке решений Московского совещания. Но тут последовал любопытный маневр, цель которого не вызывала сомнений. Глава американского воен-

ного командования в Южной Корее, заинтересованного именно в том, чтобы в консультации участвовали реакционные партии и организации, выступил по радио и в печати с серией разъяснений. Они сводились к тому, что можно подписать требуемое заявление и вместе с тем продолжать борьбу против Московских решений: «Подписание политическими партиями и общественными организациями заявления в целях участия в консультации с советско-американской комиссией не означает одобрения или поддержки ими опеки». О том же генерал Ходж заявил в своем выступлении в «демократической палате», подчеркивая, что этот пункт не обязательно должен быть реализован, если корейцы этого не хотят.

Следуя призывам американского командования, реакционные партии и организации Юга подписали заявление о признании Московского соглашения, а сами яростно против него выступали. Обстановка продолжала накаляться. Протест советской делегации и прогрессивной корейской общественности вызвали и другие акции американской стороны. Так, согласно договоренности, списки демократических партий и организаций для консультации от Северной Кореи должно было представить советское командование, а от Южной — американское.

И вот из 20 представленных США организаций 17 являлись реакционными, активными противниками Московских решений! Где же элементарная логика? От участия в консультации были отстранены такие крупные, авторитетные организации, выражавшие волю большинства народа, как Конфедерация труда, объединявшая 600 тыс. членов; Крестьянский союз — свыше 3,5 млн.; Демократический союз молодежи — 650 тыс.; Демократический женский союз — 800 тыс. членов и другие организации, входившие в Демократический национальный фронт. Чем можно было мотивировать такую акцию? Генерал Ходж пытался это сделать, называя Демократический национальный фронт «меньшинством партий Южной Кореи, находящимся под влиянием инспирированной группы политиканов», а реакционные антинародные организации именовал «большинством». Он даже называл цифру — 219 таких организаций, выступавших против Московских решений (о том, что они собой представляют, говорилось выше).

Несостоятельность своих доводов и предложений, не-

возможность их все провести, видимо, были ясны и самим американским делегатам. Они предложили вопрос о консультациях отложить и начать обсуждение вопроса об экономическом объединении Кореи. Советская делегация отклонила его, заявив, что этот вопрос может решаться после формирования Временного корейского демократического правительства и с его участием.

Видя, что все попытки провести в Совместной комиссии выгодные для реакционных кругов США и препятствующие демократическому развитию Кореи решения проваливаются, американская делегация предложила прекратить переговоры. 8 мая 1946 г. работа Совместной советско-американской комиссии была прервана.

А на завтра — 9 мая — праздновался День победы. Первый послевоенный. Его отмечал весь мир. Собрались мы, как обычно, в Белом зале консульства. Все очень интересно. Много рассказывали сами участники войны, внесшие свой немалый вклад в победу.

А где-то в подсознании непрощено нанизывались одна на другую неотвязные мысли и вопросы. И прежде всего: что происходит в Корее? Ведь многие из американских генералов и офицеров, по вине которых так осложнилась обстановка в стране, тоже мужественно сражались, участвовали в освобождении народов от фашизма. И вот через год, на корейской земле (да и не только здесь), они выступали в союзе с теми, против кого боролись, от кого освобождали народы. При непосредственном соприкосновении это казалось особенно непонятным, несовместимым!

В День победы мы все — консульские сотрудники, товарищи, приехавшие на заседание комиссии, — посылали домой, в Союз, поздравительные телеграммы. Кто-то из присутствующих в связи с этим сказал: «А у нас-то сегодня какая победа? Ведь уезжаем ни с чем» (имелся в виду срыв работы комиссии). Все запротестовали. Терентий Фомич и вовсе вскипел: «А то, что мы сорвали в комиссии планы реакции, — это не победа? А то, что мы своей позицией еще раз показали корейцам, всем другим верность нашей страны интернациональному долгу, ее настоящую деловую заботу о судьбе освобожденных колоний, — это не победа?» Постепенно смягчаясь, он сказал уже спокойнее: «Поймите, мы здесь продолжаем выполнять освободительную миссию нашего госу-

дарства в особых условиях. Победа не всегда на поверхности, она не всегда сразу дает о себе знать». Время подтвердило справедливость этих слов. Оно многое объяснило, ответило на самые сложные и трудные вопросы.

Весть о прекращении работы Совместной комиссии вызвала повсеместно в стране бурю протеста. В Сеуле снова прокатилась волна демонстраций. На многих предприятиях Южной Кореи вспыхнули забастовки. В окрестных деревнях — крестьянские волнения. Как сообщала печать, тысячи петиций и заявлений поступали в адрес американского военного командования. В них содержался протест против позиции США, требование возобновить работу комиссии. Город бурлил. Чтобы отвести народный гнев от истинных виновников срыва совещания и направить его против Советского Союза, реакционеры развернули очередную провокационную кампанию, целью которой было изобразить дело так, будто в срыве переговоров виновата советская сторона. Прием был не новый, и не раз уже он давал осечку. Но, как говорится, урок не впрок. Сеул, другие города, деревни Юга были наводнены листовками, прокламациями, грубо искажавшими факты.

На страницах правой печати развернулось своеобразное состязание в изготовлении наиболее хлестких и злобных фальшивок против Московского соглашения и позиции Советского Союза.

Но скомпрометировать их реакции не удалось. Прогрессивная патриотическая Корея поддержала Московские решения, отвергла происки контрреволюции. «Каждый кореец, который желает скорее иметь свое правительство,— писала газета «Минджу чосон» (Пхеньян) 26 декабря 1946 г., выражая взгляды подавляющего большинства корейского народа,— прекрасно понимает, что решение Московского совещания свято... Это решение должно быть выполнено во что бы то ни стало, ибо в нем речь идет о превращении колонии японского империализма в независимое, демократическое государство... Речь идет о превращении 30 млн. корейцев из колониальных рабов, которыми они были в течение 36 лет, в свободных граждан, пользующихся всеми демократическими правами и свободами. Речь идет о проведении в бывшей японской колонии демократических преобразований, которых народы многих государств до-

Крестьяне Северной Кореи требуют демократического решения корейского вопроса

бывались в тяжелой и упорной борьбе веками. И, наконец, речь идет о том, чтобы наш корейский народ наряду с другими народами мира быстрее смог бы сам, своими собственными руками строить новую жизнь, управлять своим государством». Газета подчеркивала, что именно этими вопросами и делами занимается народ Северной Кореи.

Потерпев поражение на дипломатическом фронте, где Советский Союз разоблачил и сорвал попытки США создать в Корее реакционный режим, империалистическая и южнокорейская реакция усилила наступление против сил революции на других фронтах.

Еще в дни работы комиссии, готовя ее срыв, оккупационные власти издали приказ № 72, позволявший применять самое суровое наказание вплоть до расстрела

за любой поступок, который будет определен как враждебное или недружелюбное действие в отношении военной администрации.

В приказе давался перечень этих «враждебных действий» против АВА (82 пункта). В числе таких действий: связь с любым лицом за пределами оккупированной зоны, в том числе с родственниками в Северной Корее; посылка, передача, провоз любого письма вне и внутри оккупированной зоны помимо официальной почты; участие в создании любой организации или в движении, которые объявлены незаконными или противоречащими интересам оккупационных властей, поддержка таких организаций и движений; публикация и распространение материалов, напечатанных или написанных в поддержку их; публикация и распространение всех видов материалов, являющихся попыткой «вызвать неудовольствие»; распространение слухов, «волнующих народ»; организация, содействие проведению собраний, демонстраций, на которые не было дано разрешение; посещение их, публикация сведений о них; отказ от уплаты налогов, неподчинение любому закону, директиве или приказу АВА, отказ дать требуемую информацию.

Определение наказания за все эти «преступные» действия предоставлялось военно-оккупационному суду.

Таким образом общественная жизнь Южной Кореи все более зажималась в полицейские тиски.

Напряжение, казалось, достигло предела. Демократическая, центристская пресса, даже часть правых газет выражали протест, недоумение. Сравнивали наступившие времена с мрачными годами японского террора; задавали вопрос: как же связать эти действия оккупационных властей с обещаниями помогать демократизации Южной Кореи?

Печать негодовала, протестовала... И следующий удар был нанесен по ней. По законам цепной реакции.

23 мая был опубликован приказ военного командования, гласивший, что издание газет, листовок, лозунгов, обращений считается незаконным, если на то нет разрешения оккупационных властей. Для того же, чтобы получить разрешение, необходимо было представить такие сведения: цели издания, фамилии и точные адреса издателей, редакторов, сотрудников, авторов, а также лиц, оказывающих какое-либо содействие этому изда-

нию. Все это, разумеется, было нужно властям для выявления деятелей прогрессивной печати и расправы с ними. С этой же целью в приказ ввели пункт об ответственности за «неправдивые» сведения. Он открывал широкие возможности для произвола и выглядел неприкрытым кощунством. Ведь сами-то власти всячески поддерживали, питали своими материалами издания реакционеров, настолько лживые, что и «пробу негде ставить». Им, разумеется, были выданы соответствующие разрешения, усилена помощь. А демократические газеты то и дело штрафовали, издание их часто прерывали на довольно продолжительные сроки. Так была закрыта газета «Чосон инминбо», арестован ее редактор. Оказалось, причиной послужила публикация материалов, «компрометировавших» Ли Сынмана, хотя они были документированы, точны и правдивость их не могла вызвать сомнений.

Усиливался контроль над учреждениями культуры, учебными заведениями.

Передо мной лежат два объемистых тома — «Приказы и постановления американской военной администрации в Южной Корее» (сентябрь 1945 г.—декабрь 1946 г.). В них опубликованы только материалы, подлежащие оглашению. Скупой, лаконичный язык документов убедительно раскрывает картину наступления на революцию, попытки «перехватить» ее, заковать в железные цепи идеологическую жизнь Юга.

В городе снова происходили организованные реакционерами демонстрации, открыто звучали призывы «беспощадно истреблять коммунистов — агентов некоего государства». Эти демонстрации и митинги были немногочисленными, но они чудовищны, противоестественны. Ораторы кричали о «покушении на независимость Кореи со стороны... Советского Союза», о «зверствах советских войск и народных комитетов в Северной Корее» и прочую несусветную чушь. Организаторы сборищ не только не допускали каких-либо возражений, но требовали, чтобы слушатели хором повторяли их призывы. Уклонявшихся полицейские заносили в «черные списки» за поддержку «преступных элементов», а нередко тут же били или арестовывали. Уже не слышно было высокопарных речей о национальном достоинстве, миролюбии, традиционном гуманизме, которые с таким пафосом

произносили недавно с трибуны лидеры реакции. Звучали яростные призывы к убийствам, разбою, иступленные человеконенавистнические выкрики, от которых пробирала дрожь. И против кого же? Против тех, кто долгие годы бесстрашно боролся за независимость страны, кто внес немалый вклад в ее освобождение, против страны, освободившей Корею от японского колониального ига.

На улицах оглушительно орали громкоговорители.

Возле здания Хангук минджудан с утра и до позднего вечера проводилось коллективное слушание радио, материалов правых газет и текущей информации. Аудиторию собирали обычным путем — сгоняли людей из домов, задерживали прохожих. Вот временно замолкли репродукторы, началось разъяснение, нередко сопровождавшееся потасовками, арестами. Такие же картины можно было ежедневно наблюдать возле зданий, где разместились другие организации правых. Одним из наиболее крупных центров погромов и провокаций была площадь, прилегавшая к магазину «Хвасин» на улице Чонно. Это место горожане старались обходить. Здесь можно было ждать любого выпада.

Католическая церковь на улице Чондон стала центром «информации об ужасах Северной Кореи». Почти ежедневно там проводились собрания. Выступали перебежчики с Севера — помещики, бывшие японские чиновники, крупные буржуа и т. п. Исходили злостью, давали полную волю своей фантазии. В общем, происходила некая специализация районов действия реакции.

Подробно обо всех этих сборищах любил рассказывать мой бывший преподаватель корейского языка дьяк православной церкви Ким. Я о нем немного уже писала. Точнее, о том человеке, каким он старался казаться в первые дни после освобождения. А потом, как и некоторые другие, он сбросил маску и не скрывал уже злобы по поводу порядков в Северной Корее, ненависти к южнокорейским демократам. И хотя он всю ругал Ли Сынмана, а иногда и американские власти, но похоже — только за их «недостаточную борьбу против смутьянов». Подходящий же был у меня когда-то учитель! Спорить с ним было бесполезно, а слушать стало невыносимо.

12 мая реакционеры созвали «митинг завоевания независимости», на котором была оглашена резолюция, призывавшая «ликвидировать 38-ю параллель и разгро-

мить коммунистов». В ней говорилось также о необходимости создать (если вскоре не возобновит работу Совместная комиссия) общенациональное корейское правительство или южнокорейское — сепаратное. Следуя этим призывам, террористические банды совершили в тот же день нападения на здания Народной партии, Демократического союза женщин, Союза демократической молодежи, на редакции левых газет. Снова погромная волна прокатилась по городу.

Но и этого реакции казалось мало. Изыскивались новые средства дискредитации демократических сил, новые формы провокаций и разбоя. 15 мая в правой печати опубликовали сообщение, что в типографии органа компартии «Хэбан ильбо» якобы «печатались фальшивые деньги», что в этом принимали участие шестнадцать коммунистов, среди них два члена Центрального комитета. 18 мая в помещении ЦК компартии был произведен обыск, а 28 мая опечатано и отобрано помещение ЦК. «Хэбан ильбо» была закрыта. Арестовали большую группу коммунистов и других демократических деятелей в Сеуле и на периферии. Любопытный прием! Непревзойденные мастера фальшивок посвящают очередную из них обвинению в изготовлении фальшивых денег. Вор кричал «караул, украли». И все для того, чтобы начать новую антикоммунистическую кампанию.

Страшные сцены избиений, даже убийств можно видеть среди бела дня. Однажды, проезжая по городу, мы увидели возле здания Хангук минджудан толпу, о чем-то громко шумевшую под вой репродуктора. Вдруг стоявшие в стороне два пожилых корейца почти бегом направились к ней и, показывая на молодого невысокого человека, стали кричать: «Он коммунист, бейте его». Будто из-под земли вырос здоровый детина и палкой оглушил жертву. Затем молодого человека свалили на землю, стали топтать, бить палками, зонтиками, чем попало. Неподалеку стояли два американских полицейских. Когда прохожие, в том числе и мы, попросили их вмешаться, американцы не спеша направились к месту происшествия и стали разгонять толпу. На возмущенный крик: «Что же вы не принимаете мер, ведь человека убивают!» — один из полицейских с усмешкой ответил: «Это внутреннее дело корейцев, нас оно не касается». Все это произошло в течение нескольких минут. На ме-

сте только что совершенного преступления было почти пусто. Толпу разогнали. На тротуаре лежала окровавленная, бесформенная масса. Вскоре полицейские и двое корейцев потащили труп в подъезд соседнего дома. «Ничего не поделаешь — политические споры азиатов, — сказал подошедший к нам американский полицейский. — Очень сожалеем, что вы стали свидетелями такой неприятной картины. Впрочем, здесь они часты».

В этом он был прав. Политические убийства в Южной Корее становились обычными. На следующий день в одной из демократических газет появилось сообщение, что террористы зверски убили коммуниста Чхве.

Через несколько дней на прилегающей к магазину «Мицукоси» площади я видела такую картину. Избивали девушку (как оказалось, школьницу) за то, что она расклеивала призывы участвовать в демонстрации левых. Один остервенело рвал на мелкие клочки листовки, другие колотили школьницу чем попало. Несколько женщин подбежали к американскому полицейскому, стали требовать, чтобы он прекратил истязание. Мы слышали знакомый ответ: «Это внутренние дела корейцев, нас они не касаются». Собравшиеся тем временем вырвали окровавленную девушку из рук бандитов. «Вот так нас били и японские угнетатели, били всех, кто хотел по-человечески жить. Не щадили даже детей», — сказала громко, ни к кому не обращаясь, пожилая крестьянка. Юноша, видимо студент, тут же перевел ее слова американскому полицейскому, к его явному неудовольствию. И такое стало нормой сеульской жизни летом 1946 г.

Город был наводнен полицейскими. Их, пожалуй, стало даже больше, чем при японских колонизаторах. На каждом перекрестке больших улиц были установлены полицейские посты. В будках возле них дежурили по несколько человек. Полицейские дежурят около учреждений, зданий, где размещены общественные организации, на окраинах города, особенно в рабочих кварталах.

Усилилась слежка за населением. Тайный сыск действовал даже не очень тайно. Методы были те же, что и до освобождения. Переодетые шпики рыскали возле официальных учреждений, в очередях, на вокзалах, рынках, у газетных киосков. Особенно много их бывало

Арест студентов

на массовых собраниях и демонстрациях. Об этом знали, и снова росли настороженность, подозрительность, разобщенность — то, что культивировалось японскими колонизаторами.

Корейская полиция, явная и тайная, действовала в тесном контакте с военной полицией США и под ее руководством. Это нередко подчеркивала и печать. В одной из газет была опубликована и передавалась по радио беседа генерала Ходжа с корреспондентами о круге обязанностей «милитэри полис». Он сказал, что у военной и гражданской полиции одна цель: задача военной полиции на оккупированной территории заключается в «поддержании закона, порядка (разрядка моя.— Ф. Ш.), хорошей дисциплины, в защите собственности граждан» (пояснять, как понимали закон и порядок оккупанты, разумеется, не потребовалось). Военная полиция, продолжал Ходж, применяет свои полно-

мочия в соответствии со сложившейся обстановкой и проводимой политикой. И это не вызывало сомнений.

На вопрос корреспондента, имеет ли право военная полиция обыскивать корейцев без наличия улик, Ходж ответил утвердительно. Надо сказать, что этим правом американские полицейские пользовались весьма широко. То и дело можно было видеть, как они останавливали и обыскивали машины, велосипедистов, пешеходов. Военная полиция бесцеремонно и открыто вмешивалась в гражданские дела, в жизнь населения, в политические события. Участвовала в налетах на демократические организации, в разгоне левых демонстраций, в подавлении революционных сил. Видимо, это и было «поддержание закона и порядка». С таким же усердием военная полиция помогала деятельности корейских реакционеров, оберегала их от народного гнева.

Полицейские были вооружены пистолетами или карабинами и обязательно дубинками. Во время митингов и демонстраций у каждого из них был карабин. «Что оставляет бóльший след — японский жгут или американская дубинка?» — спрашивали корейцы. И отвечали: «След одинаковый — и на теле и в душе». Эти невеселые слова я услышала как-то от знакомого адвоката.

В общем генерал Ходж правильно информировал корреспондентов: военная полиция действовала в соответствии с политикой оккупационных властей. Вопрос был лишь в том, какова эта политика. Иногда она настолько явно и вызывающе противоречила собственным заверениям властей, здравому смыслу и воле корейского населения, что приходилось лавировать, делать хорошую мину при плохой игре. Когда в эти дни «Тэтон синмун» — рекордсменка по клевете, интригам и инсинуациям — подняла уж чересчур откровенный антисоветский вой, генерал Ходж был вынужден сделать вид, будто это произошло без его ведома, и даже отдал приказ о временном закрытии газеты. Ей дали три недели «на исправление». Другой раз был арестован на несколько часов организатор митинга реакционеров, во время которого произошло кровопролитие.

Нередко приходилось быть невольным свидетелем высокомерного, расистского отношения американских военных и чиновников к корейцам.

«Что может быть общего между нами и ими? — го-

ворил сержант, работавший в госпитале.— Это люди другого мира. Так рассуждают почти все мои знакомые». А нагловатый лейтенант (кажется, из аппарата АВА) выразил ту же мысль еще более определенно: «Цивилизованные люди не могут считать корейцев, вообще восточных людей равными себе. Наши руководители понимают, как тяжело нам здесь жить, и поэтому долго не задерживают. Вот русским жить здесь можно, они примерно одного уровня с корейцами». Это говорилось вслух в клубе иностранцев. Разумеется, лейтенант получил должную отповедь.

Население чувствовало, видело это пренебрежительное отношение к себе и реагировало остро, болезненно. «Они бывают у нас в магазинах, продают нам свои вещи, гуляют с нашими девушками, шутят, похлопывают по плечу, но как на равных на нас не смотрят, друзьями нашими никогда не станут», — говорил с горечью и обидой знакомый владелец часовой мастерской. О том же можно было слышать часто. Приведу лишь несколько сцен, свидетельницей которых я была. «Как живешь, хозяин?» — развязно спрашивает старого корейца американский сержант. Цель его визита — перепродать купленные в магазине для американцев дамские ночные сорочки. «Плохо живем, — отвечает торговец, — товаров нет, торговли нет, риса нет». «Ничего, старик, — успокаивает сержант, — вы к лучшему и не привыкли». Довольный, он весело смеется.

«Желтая собака!» — в бешенстве орет американский лейтенант на велосипедиста-корейца, который слишком близко от него проехал.

На улицах можно было часто наблюдать, как солдаты провожали проходящих корейцев улюлюканьем, свистом, смехом, приставали к ним; как водители военных джипов, развлекаясь, пугали прохожих.

Приказом командующего американским солдатам было запрещено общаться с населением. Для них создавались свои рестораны, кинотеатры, где кореец не имел права бывать.

Даже в отношениях со своими корейскими союзниками оккупанты не считали нужным создавать хотя бы видимость полного равенства. Немало потешались острословы по поводу того, что в здании Американской военной администрации для корейских и американских

чиновников существовали не только отдельные рабочие кабинеты, но и особые уборные.

Все более широкие размеры приобретали в городе взяточничество, спекуляция, мародерство, грабежи.

Военные власти издали приказ, по которому корейцам-полицейским и даже гражданским лицам было разрешено задерживать дебоширящих американцев. Однако ни разу не случилось такого увидеть, хотя дебоши на улицах продолжались. Генерал Ходж выступил по радио и в печати с пространными статьями, призывавшими уважать и любить корейцев. В местных газетах («Сеул таймс» и др.) публиковались на эту тему пропагандистские материалы. Их авторы призывали к взаимопониманию между солдатами США и местным населением. Они находили «общие черты характера у американского и корейского народов», заверяли в дружбе.

На фоне разнузданного полицейского террора эти попытки казались кощунственными. А террор приобретал все более изощренные формы.

Демократические организации, в первую очередь компартия, были вынуждены перейти на полулегальное положение. В печати проскользнуло сообщение, что 1 июня были произведены массовые аресты левых в провинции Северная Чолла, 3 июня — среди рабочих и служащих сеульской автомобильной компании. Облавы, обыски, аресты стали нормой южнокорейской жизни. Острые репрессий направлено против коммунистов. Какими только способами не пытались их согнать! Не удалось. Под руководством коммунистов 10 июня в Сеуле состоялась внушительная демонстрация, посвященная двадцатилетию антиимпериалистического выступления в июне 1926 г. Участвовало около ста тысяч человек: рабочие, городские средние слои. Требования демонстрантов: «Возобновить работу Совместной комиссии, осуществить решения Московского совещания, открывающие путь к независимости Кореи, прекратить террор!».

На следующий день южнокорейские реакционные организации провели ответный митинг — «за ускорение независимости». На больших полотнах — призывы «изгонять отовсюду — из домов, деревень, школ, фабрик и заводов, искоренять, уничтожать коммунистические элементы». «Не позволим обманывать народ! — кричали ораторы. — Не позволим глумиться над памятью пат-

риотов, которые 20 лет назад демонстрировали свою волю к независимости. Не допустим больше демонстраций красных!» У некоторых полотна с погромными призывами надеты через плечо. Но через 12 дней, 23 июня, в Инчхоне состоялся многолюдный митинг демократических сил. Присутствовало около 20 тыс. человек. Несмотря на проливной дождь и на попытки полиции силой оружия разогнать собравшихся.

Предгрозовое лето 1946 г.

Весна 1946 г. была тяжелой, а лето — еще тяжелее. Ливни, продолжающиеся на юге Кореи обычно больше месяца, были удручающе тяжелы. Помню, нас все время не покидало ощущение острого кислородного голода, нечем было дышать. Вещи покрывались густым слоем плесени, зеленели. 24—28 июня сильные дожди в Южной Корее разрушили около 10 тыс. домов, затопили рисовые поля, пашни, огороды, в некоторых местах размыли железнодорожные пути. Десятки тысяч корейцев остались без крова. Страшные картины стихийного бедствия напоминали предвоенное лето 1940 г.

Разлившиеся реки унесли тогда целые деревни, ливни уничтожили плоды многодневного труда крестьян. Вода, которая так нужна была для урожая, уничтожала его. Женщины, старики и дети ушли на время ливней в горы, мужчины же пытались бороться со стихией. Какой-либо серьезной помощи власти им не оказали. Кончились дожди, началась жара. Полям снова не хватало влаги. Люди возвратились в разрушенные деревни, снова лепили из глины убогие мазанки.

Так было не раз в колониальные годы.

Примерно то же происходило в Южной Корее снова. Но компартия и Демократический национальный фронт создали ударные отряды по оказанию помощи пострадавшим от наводнения. Их возможности были крайне ограничены, а оккупационные власти ничего существенного не предприняли. Только слова сочувствия и туманные обещания.

С мая было введено нормированное снабжение сеульских жителей рисом. Этому предшествовали массовые демонстрации возле мэрии. Туда ежедневно стекались

люди из разных районов города, требуя риса. Его выдавали в специальных магазинах сразу на пять дней. С раннего утра выстраивались длинные очереди. Они пятнами покрывали город. Нормы были мизерны, и рис съедали в первый же день. Остальное время питались впроголодь; те, кто могли, покупали зерно на рынке по баснословным ценам.

В газете «Чаю синмун» была помещена любопытная карикатура: корейцы пришли за рисом с мешками, а генерал Ходж выдает его по чайной ложке. В другой газете появилась еще более выразительная карикатура. Стоит множество людей. Просят риса. Генерал Ходж гладит их протянутые руки, ласково улыбается, видимо, обещает, успокаивает. А сзади солдаты целются в толпу из карабинов. Подпись: «Вот вам рис, вот вам работа, вот вам независимость». Надо думать, выступление газеты власти не оставили безнаказанным.

Цены на продукты питания и предметы широкого потребления были очень высоки и продолжали расти. Несколько примеров (по данным на 25 июня 1946 г.): яйца — 55 иен десяток, мясо — 110 иен за 1 кг, капуста — 80, пшеница — 40, соевые бобы — 35, картофель — 10 иен за 1 кг, спички — 7 иен коробка, кусок хозяйственного мыла — 35 иен.

Что же касается заработной платы, то в печати приводились такие сведения: у рабочих основных отраслей промышленности она возросла в январе 1946 г. по сравнению с июлем 1945 г. в 9 раз, а цены на товары — в 30 раз. Но за полгода, прошедшие с января, цены выросли еще больше, а заработная плата осталась прежней.

Даже в радиопередачах, несмотря на жесткую цензуру, то и дело звучали признания, что жизнь населения крайне трудна. Сообщалось, например, что преподаватель начальной школы получал 900—1200 иен, средней школы — 1300—1600 иен; квалифицированный рабочий — 1500—2500 иен в месяц. На эти деньги нужно было прокормить семью, как правило, из 5—6 человек — при баснословном росте цен на товары и продукты.

Тяжелые времена переживали и мелкие городские буржуа. В Сеуле много магазинов тканей. Но местная текстильная промышленность была свернута и рынок почти не пополнялся. Магазины закрывались или пусто-

вали. То же происходило и с торговлей обувью. Не было ни товаров, ни покупателей. Прогорали кустарные мастерские (кустарь, пользовавшийся наемным трудом, в лучшем случае, как сообщала печать, зарабатывал около 8 тыс. иен в месяц)⁵. Значительная часть этой суммы тратилась на сырье, оплату рабочих, налоги.

Самым обеспеченным и процветающим человеком в Сеуле стал спекулянт. Их развелось несчетное множество. Они скупали и перепродавали японские кимоно, сигареты, китайские пижамы, шанхайские браслеты, американские ручки, посуду, ношеную одежду, золото, жемчуг, брильянты, картины, хозяйственную утварь, продовольствие. Многие работали «вразнос». И наживали на этом состояния.

На окраинах, да и кое-где в центре — «движущиеся толкучки», где американские солдаты (а иногда и офицеры) перепродавали вещи, купленные в магазинах, специально для них предназначенных. Это делалось довольно широко и открыто, несмотря на официальный запрет властей.

Катастрофические размеры приобрела безработица (по официальным данным, в 1946 г. в Южной Корее функционировало всего около 40% предприятий). Каждый день можно было увидеть возле застывших в молчании заводов большие группы безработных с семьями. Они не уходили до позднего вечера, надеясь, что откроются ворота фабрики. Да многим и некуда было идти. Не было жилья. Ночевали под многочисленными сеульскими мостами, переброшенными над обмелевшими речками, или на окраинных пустырях. А летом, в период сплошных дождей, расходились по окрестным деревушкам в поисках какого-нибудь укрытия. Ранее большие процессии безработных устремлялись с утра к зданию Капитолия и располагались возле него на тротуарах. Но полиция запретила их появление в «районах пребывания американцев». Тогда участились демонстрации, так

⁵ После освобождения корейская иена равнялась приблизительно 23 американским центам. Затем действовал установленный американским командованием разменный курс — 15 иен за 1 доллар. С 11 марта 1947 г. генерал Макартур объявил для личного состава и вольнонаемных американской армии в Японии и Корее новый разменный курс — 50 иен за доллар. Но действительная покупательная стоимость иены была более 100 иен за 1 американский доллар.

и именовавшиеся — «голодные демонстрации безработных». Изможденные, еле волоча ноги, люди медленно шли по городу с семьями. Вместе со взрослыми ребятами поднимали худые ручонки, скандируя: «Работы, жилья, риса!». Эти демонстрации тоже разгоняла полиция.

Несколько раз ездили за город. Мимо крохотных деревушек. Здесь приходилось бывать и раньше. Картины все такие же удручающие.

Хозяин положения по-прежнему помещик и ростовщик. Крестьяне опутаны долгами, замучены поборами. Еще в январе 1946 г. военная администрация увеличила размеры обязательных поставок риса по ценам ниже себестоимости. Невыполнение приказа влекло за собой конфискацию урожая и предание крестьянина оккупационному суду. Собирали дань и террористические группы.

«Как живем? — невесело усмехнулся в ответ на наш вопрос пожилой крестьянин в одной из деревушек. — Голодаем. Едим коренья трав». Окружившие нас совсем голенькие детишки с огромными вздутыми животами, узенькими плечиками и кривыми тонкими ножками всем своим видом подтверждали, что крестьянин говорит правду.

Почти все, с кем довелось говорить, с огромным интересом расспрашивали о земельной реформе в Северной Корее. Просили рассказать подробнее. «А помещики где? Они не отберут землю обратно? Ее отдали крестьянам навсегда?» — спросил один из собеседников. Чувствовалось, что этот вопрос интересовал всех. Ездивший с нами переводчик несколько раз предупреждал, что задерживаться нельзя. За беседу с советскими людьми, тем более на такую тему, как земельная реформа в Северной Корее, крестьянам грозила суровая расправа. Кругом шныряли полицейские и доносчики.

В тяжелом положении была южнокорейская интеллигенция. Кроме тех, кто переметнулся в лагерь реакции. Произведения демократической литературы, искусства запрещались цензурой. В кинотеатрах демонстрировалась продукция Голливуда. Были запрещены советские фильмы, имевшие исключительный успех у зрителей (здесь показали «Парад победы», «В 6 часов вечера после войны», «Радуга», «Парень из нашего города»).

Деятелей прогрессивной национальной культуры преследовали. Ассоциация работников культуры и искусства, входившая в ДНФ, направила в 1946 г. в провинции Южной Кореи несколько культбригад. Они побывали в 30 уездах, провели более 80 выступлений. Население восторженно встречало их. Но террористы сорвали работу бригад. Многие писатели, композиторы, художникиполнили ряды безработных. Некоторые оказались в тюрьмах.

Однажды мы долго беседовали с молодым кинорежиссером. С группой коллег он собирался поставить фильм «Освобождение Кореи». Запретили. Настроен пессимистически. Привел корейскую поговорку: «И в мышиную норку проникает солнечный луч. Проник он и к нам. Но ненадолго».

Печать сообщила, правда очень осторожно, о случаях заболевания черной оспой, проказой и холерой (по Южной Корее — уже около 1500 умерших от холеры). Только этого не хватало! Для распространения болезней условия были наиболее благоприятные: даже в столице улицы грязны, запущенны, мусор подолгу лежал неубранным. На окраинах полно зловонных сточных канав. Скученность, антисанитария, недоступность для большинства населения медицинской помощи — все это способствовало распространению эпидемии.

Очереди росли повсюду. На трамвайных остановках люди стояли часами. Трамвайное движение не регулярно, во многих вагонах — выбиты стекла. Поезда тоже шли с большими перебоями. Не было постоянного расписания. Вокзал и прилегающая к нему площадь заполнились пассажирами, сидевшими, лежавшими — сутками, неделями. Полиция начала выявлять больных; родные их скрывали. Должны были приехать семьи офицеров, но задержались, боясь эпидемии в Сеуле. Зато появилось много американок неопределенных профессий.

Одним из распространенных развлечений американок в то время были гонки на рикшах. Зрелище, на которое нельзя было смотреть без протеста. Рикши — люди обреченные. 5—8 лет — это средний срок жизни человека, после того как он стал рикшей. Печать этой обреченности лежала на их измученных лицах, когда и в летний зной, по мягкому, раскаленному асфальту, и в дни ливней, под ударами дождевых струй, по колено

в воде, они бежали по городу, подгоняемые пассажирами. И вот — «гонки» на улице Намсандон и других широких улицах. Выстраиваются в ряд 5—6 рикш. Старт. Из колясок доносится хохот, выкрики пассажиров. Когда однажды в разговоре с американским офицером мы высказали свое возмущение такого рода развлечениями, он сделал вид, что не понимает нас: «Но ведь тем самым рикша получает заработок. Разве лучше, если он будет простаивать без дела и голодать?»

Сеул, как уже говорилось, и при японцах делился на европейский центр, роскошные зеленые кварталы, где жили колонизаторы, и нищие корейские районы, скученные и мрачные, с привалившимися одна к другой глиняными мазанками под соломой.

Все наиболее комфортабельные здания в Сеуле заняли американцы. Они разместились в зеленых живописных усадьбах бывших властителей Кореи, у подножия гор Намсан и Пукхансан. А в июне 1946 г. власти распорядились переоборудовать часть дворцов под офицерские клубы и гостиницы, построить рядом солдатские казармы, прачечные, конюшни и уборные.

Это вызов нашей культуре, разрушение древнейших памятников, национальных богатств нашего народа, писали корейские газеты. С письмами протеста обратились к Ходжу многие деятели культуры. Не помогло.

В целом обстановка в Южной Корее была крайне напряженной. Тяжелые условия жизни большинства населения, крушение надежд на скорую независимость, на создание своего национального правительства, политика и деятельность оккупационных властей, игнорировавших волю корейского народа, обостряли недовольство масс. Террор реакции, при помощи которого она пыталась установить «общественное спокойствие», лишь усиливал это недовольство, загоняя его вглубь. Массы не желали мириться с создавшимся положением. На созревание революционной ситуации, которое становилось все более отчетливым, оказывали огромное объективное влияние процессы, происходившие в Северной Корее. Народные массы Юга видели, как много можно достигнуть и в установлении независимости, и в социальных преобразованиях, когда руководят подлинные патриоты и помогают подлинные друзья. Хотя, как я уже писала, реакция предпринимала отчаянные усилия, чтобы оклеве-

гать, скомпрометировать политику и деятельность как народной власти и Коммунистической партии Северной Кореи, так и Советского правительства. Скрывать правду о Севере становилось все труднее. Из уст в уста передавались рассказы о земельной реформе, о новых порядках в северокорейской пореформенной деревне.

Распространение сведений о Северной Корее стало одним из тягчайших «преступлений». Условия деятельности южнокорейских прогрессивных сил, особенно — коммунистов, все более усложнялись. В Южной Корее их насчитывалось не очень много, они были не очень сплочены. Но здоровая часть партии стойчески боролась. Много раз мне приходилось слушать выступления коммунистов на митингах, собраниях, встречаться с ними, разговаривать на разные темы: с профессионалами-революционерами, проводшими многие годы в тюрьмах, в подполье; с коммунистами-рабочими, интеллигентами.

Сложился некий собирательный образ коммуниста, мужественно боровшегося в тяжких условиях южнокорейской действительности.

В конце июня в демократических газетах Южной Кореи появились новые, глубоко взволновавшие трудовой Юг сообщения: на Севере принят закон о труде рабочих и служащих, коренным образом меняющий его условия. Левые газеты опубликовали преамбулу закона.

«В период тридцатилетнего господства японского империализма в Корее, направленного на порабощение страны, труд рабочих и служащих подвергался жесточайшей эксплуатации. Рабочий день корейского рабочего доходил до 12—14 часов. Особенно широко применялся и беспощадно эксплуатировался детский и женский труд, что приводило к массовой инвалидности женщин и детей. Ни охраны труда, ни социального страхования рабочих и служащих не существовало.

С освобождением Советской Армией Северной Кореи осуществлены великие демократические преобразования, открывшие возможность коренного улучшения условий труда рабочих и служащих и повышения материального уровня их жизни». Публиковались в демократической печати и статьи, разъясняющие закон о труде.

«В Северной Корее для рабочих и служащих введен 8-часовой рабочий день, для работающих на вредных предприятиях — 7-часовой, для подростков — 6-часовой.

Запрещен детский труд. Введена равная оплата за равный труд мужчинам и женщинам. Установлены охрана труда и социальное страхование. Рабочие и служащие будут получать отпуска, безработные — пособия. Народная власть Северной Кореи не на словах, а на деле заботится о трудящихся, борется с безработицей. Будем решительно добиваться таких же преобразований».

Листовки с текстами этого обращения распространялись профсоюзами на предприятиях и в учреждениях, их разносили по домам.

Незадолго до этих событий мне довелось беседовать с сеульским рабочим Мун Доманом. Его жена работала в парикмахерской, где я не раз бывала. Как-то она пригласила зайти к ней домой. Мы с приятельницей воспользовались приглашением. Все было обычным: крохотная халупа на окраине города, большая семья, большая нужда. Мун Доман был дома. Он перебивался временными заработками. Раньше работал на КВЖД, затем — на сеульском ремонтном предприятии, но оно закрылось. «Значит, вы теперь полубезработный? — спросила я. — Есть надежда получить работу?» Он ответил с горькой иронией: «Скорее всего стану полностью безработным». Начал расспрашивать о том, что происходит в Северной Корее. Слушал внимательно, но не очень доверчиво, переспрашивал, складывалось впечатление, что он пытался поймать нас на неточности. Неожиданно признался: «Знаете, я не верю, что простой, малограмотный рабочий человек, тем более такой забитый и темный, как корейский рабочий, может участвовать в управлении. Все это только разговоры». Мы пытались переубедить Муна. Жена его очень нервничала. Ей казалось, что, не соглашаясь с нами, он нарушает законы гостеприимства. Но тут Мун, высказав предположение, что мы, вероятно, не очень хорошо представляем себе труд рабочего человека и условия его жизни, тем самым переключил разговор на другую тему. Ответили шуткой: «Мы ведь тоже не янбаны, не капиталисты». Все расхохотались. Полностью сломать ледок недоверия помог рассказ о московском заводе «Серп и молот», о его людях, о том, кем они были и кем стали.

Этот завод в 90-х годах прошлого века построил французский капиталист Гужон. Рабочие завода жили возле зловонной речушки Золотой рожок в мрачных,

сырых бараках. Невыносимо тяжелы были условия их труда и быта. Рабочий день длился 14—16 часов. Разве не похоже на то, что было в колониальной Корее, что сохранилось в южной части страны? Увечья, штрафы, поборы отнимали значительную часть мизерного заработка. Чтобы не лишиться работы, нужно было платить мастеру, конторщику, стражнику. Разве не похоже? А недалеко от завода проходила знаменитая Владимирка — дорога, по которой гнали по этапу в Сибирь революционеров. Появились они и на Гужоне. Обо всем этом я рассказала Муну, а главное, о том, как живут и трудятся сейчас рабочие «Серпа и молота» и других заводов Советского Союза.

Я не видела Мун Домана после того, как в Сеуле стало известно, что в Северной Корее принят закон о труде рабочих и служащих. Не сомневаюсь, что для него, как и для других пролетариев Юга, это стало праздником, вселило надежду на лучшую жизнь.

30 июля, как известно, Временный народный комитет Северной Кореи принял закон о равноправии женщин, который тоже сразу же стал известен на Юге, вызвав мощную волну поддержки и одобрения. Демократический союз женщин, несмотря на сопротивление реакции, развернул разъяснение закона. «Вдумайтесь только, — говорилось в листовке Союза, — женщина в Северной Корее получила равные права с мужчиной. Там запрещены: продажа женщин, принудительные браки, браки несовершеннолетних, многоженство и проституция. Женщина там имеет работу, получает за нее столько же, сколько и мужчина. Она свободна, равноправна. Будем решительно добиваться такого же закона в Южной Корее. Не хотим больше оставаться в кабале, рабстве и темноте».

Множество аналогичных обращений распространялось в то время в Сеуле.

«Мы в Южной Корее требуем предоставления равных прав женщине», — писала «Чаю синмун» 3 августа. Газета подчеркивала, что демократизация коснулась различных областей общественно-политической жизни Северной Кореи, на Юге же пока ничего не проводится.

Содержание северокорейского закона о равноправии женщин передавалось из дома в дом, из уст в уста. Можно ли удивляться этому? Ведь на Юге остались без

изменения жесточайшая эксплуатация и дискриминация женщин, особенно трудящихся, усугубленные феодальными пережитками в быту, средневековыми семейными отношениями. Обещания оккупационных властей провести «демократизацию» в этой области не подкреплялись делами. Мало, например, было заявить о запрещении проституции, важно было обеспечить женщин работой. В этой связи не могу не рассказать об одной демонстрации, которую мне довелось видеть, непередаваемо страшной и противоестественной.

На одной из окраин Сеула раскинулся большой квартал Синджон (по-японски — Синмати). Название его произносили обычно вполголоса. Разноцветные, кричаще раскрашенные домики (их более трехсот) по вечерам залиты светом. Проезжать здесь бывало небезопасно. Обитательницы Синмати враждебно относились к любопытствующим. Можно было столкнуться с оскорблением, с брошенным камнем. Несколько раз днем мы проходили по узеньким, как бы игрушечным, улочкам района. В это время он спал, а вечером оживал, наполнялся шумом и музыкой. У дверей заискивающе и настойчиво приглашали посетителей «зазывалы».

Обитательниц Синмати пригнала туда безысходность. Напомню, что в колониальной Корее распространена была так называемая контракция девушек, главным образом на фабрики и заводы. Они контрактывались и в дома терпимости. Выхода у этих девушек не было — ни до того, как они туда попадали, ни после. Возвращались домой больными, изуродованными тяжелой судьбой. У некоторых обитательниц Синмати были женихи. Иногда они выплачивали хозяину долг, выкупая невест. Мне довелось познакомиться в Сеуле с одним из них — таксистом.

После прихода в Южную Корею американских войск, в период, когда они пытались создать видимость демократизации общественной жизни, пронесся слух, что в Южной Корее будет запрещена проституция, а район Синмати — закрыт. И тут произошло следующее. Его обитательницы вышли... на демонстрацию протеста. Противоестественно? Но объяснимо. Ведь не было надежды найти работу.

Мне довелось видеть эту демонстрацию. Она потрясала. Сначала даже трудно было понять, что это за

шествие. Его участницы — неопределенного возраста, размалеванные, нелепо и вызывающе одетые, с какими-то воспаленными лицами, шли по улицам, скандируя: «Не оставляйте нас без работы! Мы умрем с голоду! Пусть будет все как было!» Возмущенные крики демонстранток кое-где прерывались песнями, визгливыми репликами, нелепыми жестами. Вместе с плакатами у некоторых в руках бумажные цветы. Но все это было не смешно, а очень страшно и по форме, и по сути. Жертвы большого социального бедствия протестовали против его ликвидации.

Шествие замыкала невысокая девушка, почти подросток, в красных туфлях на высоченных каблуках. Одета словно для выступления на эстраде, чуть не плачущая от того, что трудно идти, — она особенно запомнилась.

На тротуарах множество людей. Стояли молча.

Проституция в Южной Корее продолжала процветать. Безработица, нищета немало тому способствовали. Для их преодоления решительных мер не принималось. Деятельность правящих сил сконцентрировалась в политической сфере и была направлена на ослабление и дезорганизацию авангардных отрядов революции, на ее подавление.

Но осуществить это было все труднее. В разных районах Юга продолжали теплиться очаги революционного пожара. Об одном из них хочется рассказать подробнее. Это — остров Чеджудо (по-японски — Сайсюто).

Чеджудо — самый большой остров Кореи, самая южная ее точка. Много легенд и сказаний сложилось об этом острове, и, слушая рассказы о нем, порой теряешься: где правда, а где вымысел?

Когда-то Чеджудо называли райским уголком Кореи. Сложилась даже поговорка: «Жизнь на Чеджудо как мед с Чеджудо». Почему? Один из корейских товарищей примерно следующим образом ответил на этот вопрос: японские колонизаторы несколько позднее, чем в других районах страны, установили на острове свои террористические порядки. А народу так хотелось верить, что сохранился уголок, где кореец остается корейцем.

Но недолго бытовала поговорка. Желаемое принималось за действительное. Миф был развеян быстро. Японские власти превратили остров в одну из своих

крупных военных баз. Они придавали ей большое значение как стратегически удобному плацдарму, где мог укрыться японский флот, где в случае военных действий могли концентрироваться первые военные силы. Колонизаторы рассматривали остров и как возможную продовольственную базу.

Очень скоро здесь установился режим террора. И уже не называли в народе Чеджудо райским уголком. Но зато родилась новая слава острова — как важного очага освободительного движения, района упорных, героических битв.

Очень много любопытного рассказывали об особом укладе жизни на острове, о своеобразных нравах и обычаях, которые там сохранялись. Заинтригованная этими рассказами, я мечтала там побывать. Но это, конечно, было неосуществимо. Не только на Чеджудо, но и в пригороды Сеула, да и на некоторые улицы города въезд иностранцам (особенно в годы войны) запрещался. Пришлось ограничиться литературой и рассказами, причем из «третьих уст» — людей, которые сами на острове никогда не бывали.

Наиболее ценным источником, с которым мне удалось познакомиться, была рукопись одного из сотрудников Генерального консульства СССР в Сеуле, посетившего Чеджудо в 1926 г. К сожалению, его фамилия в рукописи не была указана и установить ее не удалось.

Рукопись содержит интереснейший материал, особенно о нравах и обычаях, царивших на острове, который долгие годы был оторван от материка и жил относительно замкнутой жизнью. Новые условия наслаивали новые пласты на сложившийся уклад. Он настолько интересен и противоречив, что заслуживает специального исследования. Я же, несколько отвлекаясь от основной своей темы, остановлюсь лишь на некоторых чертах жизни острова, наиболее любопытных с моей точки зрения. В первую очередь это место женщины в семье. Как свидетельствуют литература и рассказы очевидцев, женщина с давних времен не только заняла независимое положение, но фактически подчинила себе мужчину. В упомянутой выше рукописи «Квельпарт» («Чеджудо») говорится, что женщина — глава семьи во всех отношениях. Она руководила хозяйством и добывала средства к существованию. Решала все вопросы, касавшиеся об-

работки полей и распределения урожая, так как только ее силами вспахивалась земля, засевался хлеб и собиралась жатва. Она кормила всю семью и обо всем заботилась. Можно было проехать весь остров вдоль и поперек, пишет автор, в сезон обработки полей и чрезвычайно редко увидеть на поле работающего мужчину. И вместе с тем «трудно встретить на острове женщину, которая была бы праздной. Если она попадается вам на дороге, то она будет обременена тяжелой ношей... Она будет идти под знойным солнцем на рынок для продажи части продуктов своего хозяйства или возвращаться домой с запасами для своей семьи».

На рынке женщина тоже центральная фигура. «Праздность и зависимое положение,— пишет он,— сделали мужчину женственным, инертным и бессильным. Вероятно, нигде в Корее, а возможно, и на всем Дальнем Востоке нет таких хилых и вялых мужских фигур и таких красивых, прекрасно сложенных, сильных женщин, как на острове Квельпарт... В семейном быту если мужчина исполняет какую-либо работу, то в большинстве случаев он нянчит детей и готовит пищу». Предметом судебных разбирательств являлись на острове преимущественно семейные драки и неурядицы, причем оказывалось, что «всегда физически пострадавшей стороной являются мужчины».

Недаром родилась поговорка: «Женщина Чеджудо стоит двух мужчин». В явном противоречии с этой поговоркой находилось сохранявшееся на острове многоженство. Одна из его причин — значительный перевес женского населения. В конце 20-х годов и позднее нередко были случаи, когда мужчина имел по 5—6 жен, проживавших не в гареме, а в разных домах. Муж жил по очереди у каждой из них, а другие в это время обязаны были хранить супружескую верность. При этом не муж содержал жен, а они его. Дети получали фамилию отца.

Говорили, что некоторые пуританствующие туристы отзывались весьма критически об островитянах, якобы отличавшихся «разнузданностью и бесстыдством». Поводом для таких отзывов служили, разумеется, многоженство, а также обычная одежда женщин — очень короткие кофточки. Вспоминается беседа одной из американок с группой корейских женщин в Инчхоне на берегу

моря. Это было в конце 1945 г. Американка спросила: «Разве удобно в общественном месте носить такие короткие, как у вас, кофточки?» Под общий смех одна из кореянок ответила на вопрос вопросом: «А разве удобно при всех носить такие короткие, как у вас, юбки? Мы бы ни за что не надели».

При всем своеобразии быта на Чеджудо большой интерес к нему был обусловлен другими обстоятельствами, в первую очередь ролью острова как одной из баз освободительной борьбы и местом в этой борьбе красивых и мужественных островитянок.

Самое примечательное на Чеджудо — рыбачки.

Рассказывают, что в прибрежных районах уже с 8—9 лет девочки ныряют в море и собирают морские водоросли и моллюски. К 17 годам они получают достаточный опыт и становятся профессиональными рыбачками. Лодками и каким-либо особым снаряжением женщины не пользуются. О их умении плавать и нырять скадывались легенды. Мужчины-рыбаки (это были преимущественно японцы) таким искусством не владели и занимались ловлей морских продуктов с лодок.

Рыбачки выходили на промысел в течение всего года, хотя зимой море даже в южной части острова прохладное. Время от времени они грелись на берегу у костров, а затем снова выплывали в море. Под воду ныряли глубоко, держались там минуту, а иногда и больше, срезали морскую капусту или отрывали от скал моллюсков. Добывание некоторых продуктов моря связано с большой опасностью. В частности, это касается моллюска, известного под названием «аваби» («морское ушко»). Он плотно присасывается к подводным скалам и камням; чтобы его оторвать, применяется короткий нож. При неудачном ударе моллюск снова присасывается, и еще плотнее, чем раньше. Если рука попадает под раковину, рыбачка погибает. Раковина «аваби» идет на выделку перламутровых пуговиц, а также для корейских лакированных изделий с перламутровой инкрустацией. В раковинах «аваби» иногда находят жемчужины. Кроме ножа рыбачки берут с собой сетку, которая поддерживается на воде вместе с добычей при помощи полой тыквы. Женщины выходят в море партиями и ныряют до тех пор, пока не наполнят сетку. Мужья ждут их на берегу, принимают добычу и грузят ее на волов или ма-

лорослых лошадок. Если скота в семье нет, то добычу несет рыбацкая, а муж следует за ней.

Автор «Квельпарт» видел на промысле и беременных женщин. Многие приходили к морю с грудными детьми, которых укладывали спать в тени скал.

Тяжесть жизни островитян усугублялась нехваткой воды. Небольшие речки протекают лишь у побережья. Чем дальше в глубь острова, тем острее нужда населения в воде. Расходовать воду на рисовые поля, естественно, невозможно, и, хотя климатические условия благоприятствуют рисосеянию, большинство жителей Чеджудо едят рис только 3—4 раза в год, в дни семейных торжеств.

К началу 30-х годов на острове насчитывалось более 50 тыс. рыбаков. Они были объединены в так называемые рыболовецкие кооперативы. Беззастенчиво орудовал на острове созданный японцами «Объединенный кооператив рыбаков Чеджудо». Японские дельцы, пользуясь изолированностью острова, по дешевке скупали продукцию морского лова — результат тяжелого труда островитянок.

С течением времени и на Чеджудо стали проникать сведения о событиях на материке, о борьбе корейских трудящихся за независимость и социальные права. В сентябре 1930 г. более 1 тыс. рыбаков потребовали, чтобы были повышены закупочные цены. Среди инициаторов выступления были женщины, ранее работавшие на материке. Японские скупщики отказались выполнить эти требования. Однако мужественные островитянки не собирались отступать. В конце 1931 г. рыбаки поселка Хадори вышли на демонстрацию протеста против эксплуатации со стороны японских предпринимателей. Были организованы боевые отряды.

7 января 1932 г. около 400 рыбаков Хадори окружили правление кооператива. Их поддержали рыбаки других поселков. 12 января более 3 тыс. отважных женщин, вооруженных ножами и вилами, напали на контору правления и избili особенно люто бесчинствовавших дельцов. Они потребовали от хозяев изгнать этих служащих из правления и включить в его состав выборных от рыбаков, ограничить произвол японских предпринимателей, улучшить условия труда.

Выступление женщин переросло в повстанческое

движение. Власти подавили его силой оружия. Многие организаторы и участницы восстания были арестованы.

Не раз еще остров сотрясали освободительные выступления.

С превращением Чеджудо в японскую военную базу многое там изменилось. Появились рабочие и их организации. В 1942 г. на острове произошло новое крупное восстание. Постепенно менялись там устои жизни, отношения в семье. Но незыблемыми оставались традиции освободительной борьбы островитян, в которой неизменное участие принимали рыбацки.

После краха японского господства на Чеджудо высадились войска США, превратившие остров в свою военную базу. Однако его жители, в первую очередь рабочие, не хотели с этим мириться. Они создали свои органы власти — народные комитеты, стойкие и жизнеспособные. Попытки военной администрации распустить их не давали результатов, равно как и усилия реакционеров создать на острове свои организации (первая такая организация, немногочисленная, была создана в начале 1947 г.). На остров неоднократно посылались карательные экспедиции, происходили убийства, облавы и аресты. Ответом на них были забастовки и массовые демонстрации протеста.

(В апреле 1948 г. Чеджудо стал ареной вооруженного восстания. Народные выступления происходили на острове и в последующие годы. В них по-прежнему большая роль принадлежала прославленным рыбацкам.)

**Реакция лавирует.
Ставка на «центр»**

В политической жизни Юга все нагляднее становился курс реакции на раскол левых сил. В противовес им продолжалось создание правых объединений, переманивание их членов. В печати промелькнула заметка, что большие группы рабочих предупреждены об увольнении с предприятий. Но им заявили, что если они выйдут из Конфедерации труда и вступят в созданный правыми Рабочий союз, то их не уволят.

Угрозы, шантаж, подкуп, как и террор, вносили смятение в некоторые группы ДНФ, ослабляли его, но расколоть были не в силах. Назревавшая на Юге революци-

онная ситуация вынуждала реакцию предпринимать более гибкие и действенные меры. Одна из них — попытка объединения правых и левых. Разумеется, под эгидой правых. А для этого, как и вообще для предотвращения революционного взрыва, им нужно было изолировать коммунистов — наиболее стойкие отряды демократии. Итак, ставилась задача — объединение всех партий, организаций, деятелей, но без коммунистов, а затем против коммунистов.

Главной силой, которая должна была связать полярные лагеря, осуществить слияние правых и левых, становился так называемый центр, а основной политической фигурой — Ким Гюсик.

Образование и рост центристских организаций в Южной Корее отражали в значительной мере непоследовательность, метания и поиски буржуазных слоев. Это было одно из следствий продолжавшейся дифференциации политических сил. «Центр» составили пласты, отколовшиеся от полярных лагерей, революции и реакции, и, кроме того, группы, еще не сделавшие выбора, не решившие, к какому берегу пристать.

Развитие событий все более наглядно раскрывало перед ними поведение разных политических сил: с одной стороны, неподкупность, последовательность политики коммунистов и близких им организаций в борьбе за создание независимого корейского государства, с другой — проимпериалистический курс верхушки правого лагеря. Представители «центра» хотели независимости родины, и национальные чувства настоятельно звали их в ряды ДНФ. Но одновременно сказывалось то, что они в своей массе — буржуа. И их пугала социальная программа коммунистов, возглавлявших Демократический национальный фронт. Реакция немало делала для того, чтобы исказить эту программу, особенно применительно к последующим этапам народно-демократической революции, когда после решения антиимпериалистических задач революции начинается наступление на капитал. Она настойчиво сбивала с толку и без того напуганных угрозой коммунизма буржуа.

Но «центр» не только пополнял лагеря. Он в свою очередь пополнялся ими, рос за счет откалывавшихся от них оппозиционных групп.

Летом 1946 г. основной приток в «центр» шел справа,

Это была оппозиция из правых организаций, обеспокоенная политикой руководства. Беспокойство усиливалось по мере того, как все более обнажались намерения реакционных кругов США прочно закрепиться в Корее и готовность верхушки и основного ядра правых корейских организаций содействовать реализации этих намерений.

«Центр» пополняется и оппозицией из левого лагеря, состоявшей преимущественно из буржуазных попутчиков революции и других групп, неустойчивых в своей политической ориентации и подходе к решению социальных вопросов.

В целом представляется, что если перекачка сил из правого лагеря в «центр» была связана с проблемой национальной, с решением национально-освободительных задач, то причина перехода из левого лагеря крылась в вопросах социальных, в проблеме путей развития страны. Конечно, это лишь общая схема. Процесс образования «центра» всегда сложен и противоречив, а в условиях двухзональной Кореи он был особенно трудным. «Центр» становился своеобразным полигоном, где происходили размежевание и дифференциация политических сил. (Со временем многие его представители превратились в активных борцов демократического фронта. Некоторые перешли в Северную Корею и стали видными государственными и общественными деятелями. Но это все произошло позднее. Пока же «центр» был многоцветной палитрой политических взглядов, умонастроений.)

Наиболее интенсивно развернулся процесс дифференциации сил в его рядах, эволюция взглядов и ориентаций многих его деятелей в связи с Московскими решениями о Корее и работой Совместной советско-американской комиссии. Особенно остро при этом встал вопрос об опеке. Из-за провокационных, спекулятивных маневров реакции некоторые не сразу и не просто смогли в нем разобраться. Как и во многих других случаях, помогли жизнь, опыт, весь ход событий. Они не оставляли сомнений в том, что речь шла не о протекторате, не о зависимости, а как раз о том, чтобы не допустить их, что речь шла о подлинной и действенной помощи установлению национальной независимости. На Севере эта помощь давала реальные результаты. Наиболее даль-

повидные патриоты, в том числе и из буржуазного лагеря, не могли не понять раньше или позже, что в условиях Кореи, где наряду с Советскими вооруженными силами находилась и армия США, советские предложения, принятые на Московском совещании, были реалистической программой, единственным путем обеспечения корейской независимости. А последующие события показали, что срывают их осуществление реакционные круги США и самой Южной Кореи. Все это отрезвляло больше, чем речи и уговоры.

Отношение к Московскому соглашению стало важнейшим критерием оценки патриотизма, демократичности, дальновидности политических деятелей.

Подъем национальных чувств, гордости, достоинства, желание возродить все исконно национальное, что ранее третиновалось, подавлялось,— это характерно для подавляющего большинства населения. Но подъем национальных чувств, как известно, по-разному воспринимают, в разных целях используют различные классовые силы. И в Корее тоже. Революционеры — для торжества революции и интернационализма. Контрреволюционеры, антикоммунисты — для подавления революции, для борьбы против идей коммунизма.

Социальная направленность, классовое содержание национализма все заметнее давали себя чувствовать в Южной Кореи, что было неразрывно связано с вопросом о дальнейших путях развития страны, с нарастанием социальных требований революции. Реакция учитывала, что значительные слои мелкой городской буржуазии были не в силах перешагнуть рубеж, отделяющий национальные требования от социальных, и она нагнетала националистический угар, все более запугивала буржуазные слои угрозой коммунизма. Да и не все группы трудящихся четко осознавали свои классовые интересы, порой тоже оказываясь в плену националистической демагогии. В итоге срабатывал отрицательный заряд национализма, явления, как известно, чрезвычайно сложного, содержащего и прогрессивные, и реакционные элементы, в разной мере и в разной форме проявляющиеся.

Национальное и социальное. Эти две стороны освободительного процесса, два компонента общественной жизни тесно переплетались и вместе с тем все время

расщеплялись, расходясь в разные стороны. Для правильного учета двойственной природы национализма, использования его прогрессивных потенций и борьбы против реакционных требуются, как известно, большая зрелость и гибкость авангардных сил революции. Но одни южнокорейские коммунисты в какой-то степени сами были заражены национализмом, другие, наоборот, отрицали необходимость его учета и далеко забежали вперед в своих социальных требованиях.

Все это широко и небезрезультатно подчиняла своим целям оккупационная машина. Национализм и антикоммунизм, пожалуй, основное идеологическое сырье, на котором она работала. Национализм использовался для борьбы против идеологии и практики пролетарского интернационализма, который стал главной силой освобождения Кореи и социального обновления общества в северной части страны.

Но вернемся в Южную Корею 1946 г. Она — в националистическом угаре. Им одурманивают массы лидеры правых — искусные мастера национальной демагогии, неплохие знатоки национальной психологии, национального характера.

Очень часто не только широкие массы, но и деятели южнокорейских прогрессивных организаций путали, смешивали такие понятия, как национализм и патриотизм, интернационализм и космополитизм.

Один из южнокорейских коммунистов в разговоре как-то по этому поводу сказал: «Мы слишком вольно трактуем слово „националист“... Можно ли считать им Ли Сынмана? Всю свою жизнь он связал с национализмом, однако лишь для того, чтобы всплыть на его волнах вверх. И всплыл. Но ведь это была борьба не за интересы нации, а за свои личные, сугубо корыстные. Или, может быть, Ким Сонсу, Чо Бёнок, Пак Хынсик — националисты? Они ведь ярые „антинационалисты“». Осмотрительнее нужно быть нам с этим словом». Мне представляется, что это была очень верная оценка. И доныне встречается лобовая, облегченная трактовка националистов, без необходимого конкретно-исторического подхода к ним, без выявления их неоднородности. Не берусь рассматривать этот вопрос. Я пытаюсь лишь учитывать его, рассказывая, точнее, размышляя, о том, что случилось в Южной Корее.

В условиях Кореи, где после длительной колониальной неволи широкие слои народа впервые включились, причем стремительно и активно, в политическую жизнь и она сразу же поставила перед ними сложнейшие проблемы, связанные с путями дальнейшего развития страны, роль руководителей оказалась особенно значительной, а борьба между ними — острой и упорной. Охарактеризовать галерею политических фигур, оказавшихся в центре южнокорейских событий, я не берусь, хотя материалы о их деятельности имеются и с многими из них приходилось встречаться. В целом же все более четко вырисовывались контуры политических полюсов и зыбкое, колышущееся поле центра. А соответственно определялись и фигуры их лидеров.

Фронт революции. Его возглавляли коммунисты. За ними шли широчайшие слои трудящихся города и деревни, значительные группы городской мелкой буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции. В Южной Корее, как нетрудно увидеть из сказанного, задачи коммунистов были чрезвычайно сложны. Требовалась большая мудрость коммунистического авангарда, чтобы возглавить борьбу масс за новую Корею, не позволить реакционным силам задушить революцию. Южнокорейские коммунисты проявили себя как несгибаемые, самоотверженные борцы, самая решительная сила освободительного движения. Но в целом Коммунистическая партия Юга еще только формировалась как пролетарская партия. Южнокорейский рабочий класс был слабее и малочисленнее, чем рабочий класс промышленно развитой северной части страны, где сложились крупные пролетарские центры. А в связи с этим черты, мешавшие корейскому пролетариату осуществлять свою роль класса-гегемона, проявились здесь более рельефно.

Фронт реакции и его лидеры. Те, кто претендовали на право представлять нацию. Как пестра и многолика была их галерея! И как случилось, что люди, тесно и открыто сотрудничавшие с японскими угнетателями, и те, кто называли, а часто и искренне считали себя непримиримыми врагами колонизаторов, оказались вместе, в одном строю? И как могли пробраться на авансцену политической жизни прожженные авантюристы типа Ли Сынмана, уже не раз обнажавшие свое предательское нутро? И главное, почему вместе с ними столько

искренних патриотов? В одном стане, по одну сторону баррикад? Что это — парадокс истории? Нет, логика ее развития, диалектическая противоречивость событий. Бурный взрыв национализма стал той главной силой, которая на какое-то время соединила разнородные тела, что называется, преодолела их несовместимость.

Все бóльшую роль, как я уже писала, начинали играть политические фигуры центра. Первый среди них Ким Гюсик, слывший умеренным буржуазным националистом.

Ким Гюсик воспитывался в семье американского миссионера. Высшее образование и ученую степень доктора философии он получил в Принстонском университете. Активный деятель временного корейского «правительства» в Шанхае, в 1919 г. он был направлен этим «правительством» на Парижскую мирную конференцию (как известно, отказавшуюся даже выслушать корейских делегатов).

В Корею Ким Гюсик вернулся в ноябре 1945 г. и сразу включился в активную политическую жизнь. Он декларировал принципы буржуазной демократии, выступал за независимое корейское государство.

Но как достичь в сложившихся условиях его создания? В поисках ответа на этот вопрос Ким Гюсик метался между полярными силами, подверженный воздействиям и справа и слева и сам оказывавший немалое влияние на буржуазные слои.

Власти сделали ставку на «центр», на Ким Гюсика как на силу, способную объединить правых и левых при изоляции коммунистов. Переговоры об их объединении начались еще в июне 1946 г.

Руководство Демократического национального фронта Южной Кореи, стремясь к единству действий патриотических сил, выдвинуло следующие условия объединения: полная поддержка Московских решений о Корее; развертывание движения за возобновление работы Совместной советско-американской комиссии; ускорение создания временного демократического правительства; переговоры с Единым демократическим национальным фронтом Северной Кореи по объединению страны; борьба за проведение в Южной Корее демократических преобразований (земельная реформа, национализация важ-

нейших отраслей промышленности, осуществление закона о труде, обеспечение политических свобод); полное отстранение от политической деятельности прояпонских элементов, национальных предателей и реакционных лидеров; разгон террористических групп; освобождение из тюрем патриотов — борцов за демократию; немедленная передача власти народным комитетам. Одно из условий требовало бороться против института советников при американской военной администрации и против создания законодательного органа.

Эти условия были опубликованы 27 июля 1946 г. в газете «Чаю синмун» и в других левых изданиях. Народные массы откликнулись на них с большим одобрением, о чем тоже сообщала печать. Но корейскую реакцию, как и военную администрацию, предложенные условия не устраивали, особенно пункт о передаче власти народным комитетам.

29 июля на заседании «демократической палаты» и учредительного собрания были выработаны, а 30 июля опубликованы в газетах 8 условий объединения. «Целью настоящей акции,— говорилось в преамбуле,— является создание временного демократического правительства, с тем чтобы ускорить установление полной независимости отечества. Поэтому мы предлагаем в нашей внешней и внутренней политике придерживаться следующих принципов: произвести объединение правых и левых на Юге и Севере, приложить все усилия к созданию временного демократического правительства. Опубликовать объединенное коммюнике, требующее возобновления работы Совместной комиссии. Вопрос о так называемой опеке передать на разрешение временного правительства и Совместной комиссии в духе полной независимости. После создания временного правительства в течение 6 месяцев созвать собрание народных представителей всей страны на основе всеобщих выборов и в трехмесячный срок создать постоянное правительство. Для полного проведения всеобщих выборов обеспечить по всей стране свободу слова, собраний, печати, информации и выборов. С целью создания равноправного общества все вопросы системы и законодательства в области политики, экономики и образования вынести на разрешение собрания народных представителей. Наказание прояпонских элементов и национальных предателей провести

после создания временного правительства, образовав для этой цели специальный суд»⁶.

Как видим, широковещательные декларации и процедурные вопросы. А коренные социальные требования масс фактически обойдены.

Реальной платформы для объединения разных политических партий и организаций реакционеры предложить не смогли; они ведь хотят провести его при изоляции коммунистов, т. е. без сердца и мозга демократических сил. Но шумели об объединении все громче. Принимали и организационные меры. В частности, несколько ранее был создан «Центр национального объединения». Во главе его встали Ли Сынман и Ким Гу.

Демократические организации разгадали и этот маневр. Они охарактеризовали создаваемый «центр» как реакционную организацию, направленную на ослабление ДНФ и упрочение правого лагеря. Тогда оккупанты предприняли попытку создать некий законодательный орган при военной администрации. Генерал Лерч в заявлении корреспондентам так определил цели этого законодательного органа: «По моим расчетам этот орган разрешит противоречия между политическими партиями и впредь они будут действовать согласованно. Он будет существовать до создания временного правительства. В него войдут представители всех политических партий, и он будет обладать широкими административными правами»⁷.

Руководство ДНФ опубликовало на страницах своей печати протест против создания законодательного органа, цель которого — раскол демократических сил. Эту цель преследовали и многие другие действия реакции, представлявшие собой сочетание грубого восточного деспотизма и респектабельной европейской буржуазной демократии. Большой шум в городе вызвало покушение на Ё Унхёна. Его неоднократно и недвусмысленно предупреждали, что за сотрудничество с коммунистами он жестоко поплатится. А 18 июля на него напала группа вооруженных террористов, потребовавших, чтобы он поставил свою подпись на чистом листе бумаги. Когда он отказался, бандиты попытались повесить Ё Унхёна на

⁶ «Хансон ильбо», 30 июля 1946 г.

⁷ «Хансон ильбо», 10 июля 1946 г.

его собственном поясном ремне. К счастью, ремень оборвался. Однако шантаж, угрозы в отношении его продолжались.

28 июля на митинге, организованном Конфедерацией труда по случаю ее принятия во Всемирную федерацию профсоюзов, полиция пыталась арестовать рабочего Чхве, который предложил принять решение о борьбе с террором. Руководство Конфедерации и другие активные участники митинга помешали аресту. Но после митинга один из этих активистов был арестован. А на следующий день, как сообщала левая печать, генерал Лерч пригласил руководителей Конфедерации и в присутствии Чо Бёнока и других главарей корейской полиции внушал профсоюзным руководителям, что они должны порвать с компартией, отказаться от участия в политическом движении, ограничив свою задачу чисто экономическими делами. А для этого-де Конфедерации выгодно сблизиться с военной администрацией. В противном случае, заявил генерал, придется принять репрессивные меры. Об этих фактах сообщили населению листовки.

Реакция все шире разворачивала кампанию с «фальшивомонетчиками». Но с еще большей силой рос протест против этой безобразной провокации. 29 июля перед зданием, где должен был состояться суд над «фальшивомонетчиками», собралось множество людей, требовавших прекращения суда. Полиция открыла огонь по собравшимся. Двое были убиты, несколько ранены, 40 человек арестовано. Полицейские из «милитэри полис» помогали в расправе над патриотами. Но суд был сорван.

А вот как была сфабрикована еще одна провокация. Ссылаясь на сообщение из Нью-Йорка, агитаторы правых стали распространять сообщения, будто в Северной Корее закрыты все католические церкви. Это была настолько откровенная ложь, что даже правая газета «Хансон ильбо» поместила интервью с католическим священником Ли Ванбоном, который сказал: «Я впервые слышу об этом. В Северной Корее около 70 тыс. католиков. После вступления советских войск там решили открыть все католические церкви, даже те, которые в свое время были закрыты японскими властями». Эта очередная фальшивка реакции была связана с тем,

что народная власть Северной Кореи конфисковала и передала крестьянам земли церквей и монастырей, ранее сдававшиеся в аренду.

Все новые и новые меры оккупационных властей и южнокорейской реакции, направленные на обуздание народного протеста и сопротивления, попытки объединить правых и левых при изоляции коммунистов, расколоть демократические организации, обещания реформ и усиление полицейского террора, наступление и лавирование, политика дубинки и заигрывания — все это было связано с нарастанием новой революционной ситуации, весьма своеобразно проявлявшейся в конкретных условиях Южной Кореи.

Объективно усиливали нарастание революционной обстановки на Юге расчленение страны и победа народного строя в Северной Корее.

Жаркое, беспокойное южнокорейское лето 1946 г. Низко нависли предгрозовые тучи. Маневры и ухищрения правящих сил были не в силах предотвратить бурю. Она стремительно надвигалась.

К. Маркс писал в 1857 г. о восстании в Индии, что в истории человечества есть как бы некое возмездие и по закону этого исторического возмездия орудие его действия должно выковываться не потерпевшим, а самим преступником. Не так давно японские империалисты своим господством в колонии ковали это орудие. То же делали после освобождения хозяева Южной Кореи. Однако они не хотели этого признать и пытались объяснить нараставшую там революционную ситуацию «прониками русских». Достаточно избитый прием! Уместно в связи с этим привести откровенное признание находившегося в американской армии личного друга Ли Сымана — Хаустона, которого никак невозможно заподозрить в симпатиях к коммунистам. Он писал впоследствии: «У нас нет союзников в Корее. Эти люди (корейские патриоты.— *Ф. Ш.*) борются за свою независимость. Они не видят разницы между нами и японцами... Русские не превращали корейцев в коммунистов. Это делали японцы и мы». Яснее не скажешь!

Вопреки запрету оккупационных властей и противодействию южнокорейских реакционеров многотысячные демонстрации снова сотрясали Южную Корею. 27 июля в демонстрации в Сеуле участвовало около 500 тыс.

человек. Забастовки, митинги, крестьянские волнения, происходившие в течение всего лета 1946 г., завершились вооруженной борьбой, октябрьским восстанием, в котором участвовало более 2 млн. человек. О нем в советской литературе написано немало. Хотелось бы обратить внимание лишь на одно. Начали октябрьское выступление сеульские железнодорожники. Их забастовка переросла во всеобщую политическую забастовку, а затем в ряде мест — в вооруженную борьбу. Корейские железнодорожники и ранее не раз выступали застрельщиками антиимпериалистических битв, шли в первых рядах борцов за социальные права.

В этой связи нельзя не напомнить об одной из бесед корейских коммунистов с В. И. Лениным. Это было в ноябре 1921 г., за четверть века до южнокорейских октябрьских событий. Присутствовавший на беседе А. А. Ким (он был тогда секретарем корейской делегации, прибывшей в Москву в Исполком Коминтерна) пишет в своих воспоминаниях, что В. И. Ленин, говоря о роли железнодорожников и трамвайных рабочих, назвал их «авангардом масс, выступающих на борьбу против империализма на Востоке». Корейские железнодорожники и трамвайщики подтвердили эти ленинские слова своей мужественной борьбой и ранее, активно участвуя в антиимпериалистическом движении, и в дни героического выступления в октябре 1946 г.

Решительно действовали организации Демократического национального фронта в промышленных районах Южной Кореи. Там реакции приходилось туго. Ее агитаторов не только изгоняли, но частенько и били, а распространявшуюся ими литературу сжигали на кострах. Их так и называли: «Костры протеста против темных сил».

Искры революции, которые одно время казались погашенными реакцией, снова разгорались.

* * *

Поздним летом 1946 г. я вернулась в Москву. Судьба моя сложилась так, что я осталась тесно связанной с Кореей. Сразу же после возвращения домой стала работать в Тихоокеанском институте, а затем, с 1950 г., — в образованном на базе его и других научных учреж-

дений Институте востоковедения Академии наук СССР. Мне очень посчастливилось: я оказалась в коллективе крупнейших знатоков Востока, людей огромных знаний, в атмосфере научного творчества. Многие из того, что я узнала и увидела непосредственно в Корее, что казалось ясным и несложным, потребовало нового, более глубокого осмысления и исследования с учетом всего, что было уже достигнуто корееведческой наукой.

Как известно, в послевоенные годы марксистское корееведение вступило в пору подъема. В Корейской Народно-Демократической Республике сформировался большой отряд ученых, были созданы ценные труды по корейской истории и современности, опубликованы многочисленные источники и материалы.

Самостоятельной и важной отраслью востоковедной науки стало корееведение в Советском Союзе. Специалисты по Корее, работающие в Институте востоковедения АН СССР и в других научных учреждениях, исследуют широкий круг проблем ее истории, экономики, филологии, культуры, изучают, как и их корейские коллеги, немало сложных вопросов. В СССР опубликованы десятки монографий, сотни статей, исследующих эти вопросы, рассказывающих о далекой Корее советским читателям — ее верным и близким друзьям.

Но если достижения современного корееведения позволяют пристальнее и глубже проникнуть в прошлое, то всестороннее изучение этого прошлого в свою очередь помогает ответить на многие вопросы сегодняшнего дня, высветить какие-то, порой очень существенные, грани прожитого, понять его уроки и выводы.

Развитие Кореи в минувшие четверть века дает для них обильный материал.

Стало уже трафаретом подчеркивать, что в истории страны 25—30 лет — крохотная полоска. И вместе с тем не повторить этого тоже нельзя. Как и того, что на весах истории события этого короткого периода по своему значению для судеб корейского народа перетягивают чашу свершенного за тысячелетия. Ведь в Корее, на территории одной страны, развернулось грандиозное соревнование двух социальных систем, проходят проверку опытом жизни два пути общественного развития — социалистический и капиталистический.

После августа 1945 г., когда Корея была освобожде-

на Советской Армией от японского империалистического гнета, как видно из вышесказанного, социальная революция развернулась по всей стране. Она была выношена всем ее предшествующим развитием, совершалась самими корейскими народными массами.

В Северной Корее, где сложились благоприятные условия для осуществления воли и чаяний народа, где он получил бескорыстную интернациональную помощь своих освободителей, революция победила. Коренным образом преобразовала жизнь. Восстановила государственность, принесла свободу, социальный прогресс. Развязала творческие силы и способности народных масс, направила их на созидание нового, социалистического общества. Воссоединила и культуру с народом, открыла неисчерпаемые источники ее развития. И освобожденный народ под руководством Трудовой партии Кореи и при неизменной поддержке братских стран, в первую очередь Советского Союза, построил основы социализма, превратил недавнюю колонию в индустриальное государство.

В Южной Корее произошло обратное. Там революция была подавлена империалистической реакцией, организовавшей и возглавившей внутренние антинародные, реакционные силы. Страна, нация оказались расчлененными. Был искусственно расколот единый, веками складывавшийся хозяйственный организм. На долгие годы разлучены тысячи близких людей. Многие семьи разрушены.

Итоги минувших лет в Южной Корее резко контрастируют со всем, что достигнуто на Севере, в КНДР. Это самый разительный контраст современной Кореи! В южной части страны сохранилось и углубляется социальное бесправие, усиливается эксплуатация человека человеком, растет безработица. Остро и болезненно дают себя чувствовать и другие проявления капиталистического развития Юга, причем происходящего в условиях ранее колониальной, отсталой страны, остающейся на крепкой привязи у империализма.

Народ северной части страны, возглавляемый Трудовой партией, поддерживаемый всем содружеством социалистических стран, всей мировой прогрессивной общественностью, неумоимо борется за восстановление национального единства на мирной, демократической

основе. Национального единства, мира, социального прогресса жаждут патриоты Южной Кореи. Их вдохновляют успехи развития КНДР. Позитивный опыт социалистической Кореи, ее преимущества в мирном соревновании с капиталистическим Югом — один из важнейших рычагов достижения национального единства. Опыт Кореи подтверждает, что в условиях расчлененных стран это новая форма выполнения интернационального долга трудящимися социалистической базы по отношению к угнетаемой части нации.

Уроки корейской истории за минувшие четверть века весьма поучительны и важны для освободительного движения других народов Востока. И, может быть, изучению этих уроков в какой-то мере помогут материалы и воспоминания о самом начале этого периода в Южной Корее, о первом годе после освобождения, годе радостных надежд и горьких разочарований.

Предисловие	3
<i>Глава 1</i>	
Назревание общенационального кризиса .	8
Корея в годы второй мировой войны .	8
Авангардные силы корейской революции .	39
<i>Глава 2</i>	
Освобождение	49
Ликующая Корея. Углубление революции. Создание южнокорейских народных комитетов	49
Двоевластие	71
Прибытие американских войск. Наступление на революцию	84
Размежевание политических сил	97
Немного о разном	131
Поездка в Пхеньян. Северокорейская новь	139
«Ревизор» Н. В. Гоголя и «Мать» М. Горького в Сеуле	149
Жаркий, жаркий декабрь	154
<i>Глава 3</i>	
Южная Корея после Московского совещания	169
Массовое движение поддержки Фальшивки реакции . .	169
Снова о разном	192
Создание Демократического национального фронта Южной Кореи	204
Работа Совместной комиссии. Ее срыв. Разгул реакции .	217
Предгрозовое лето 1946 г.	242
Реакция лавирует. Ставка на «центр»	257

Фаня Исааковна Шабшина

ЮЖНАЯ КОРЕЯ

1945—1946 гг.

Записки очевидца

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *Б. Л. Модель*. Младший редактор *С. П. Качишвили*. Художник *С. А. Литвак*. Художественный редактор *Э. Л. Эрман*. Технический редактор *М. В. Погоскина*. Корректор *Р. Ш. Чемерис*

Сдано в набор 27/XI 1973 г. Подписано к печати 30/V 1974 г. А-08058. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бум. № 1. Печ. л. 8,5. Усл. п. л. 14,28. Уч.-изд. л. 14,89. Тираж 6400 экз. Изд. № 3329. Зак. № 1016. Цена 95 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2
3-я типография издательства «Наука». Москва, К-45, Б. Кисельный пер., 4

Цена 95 коп.